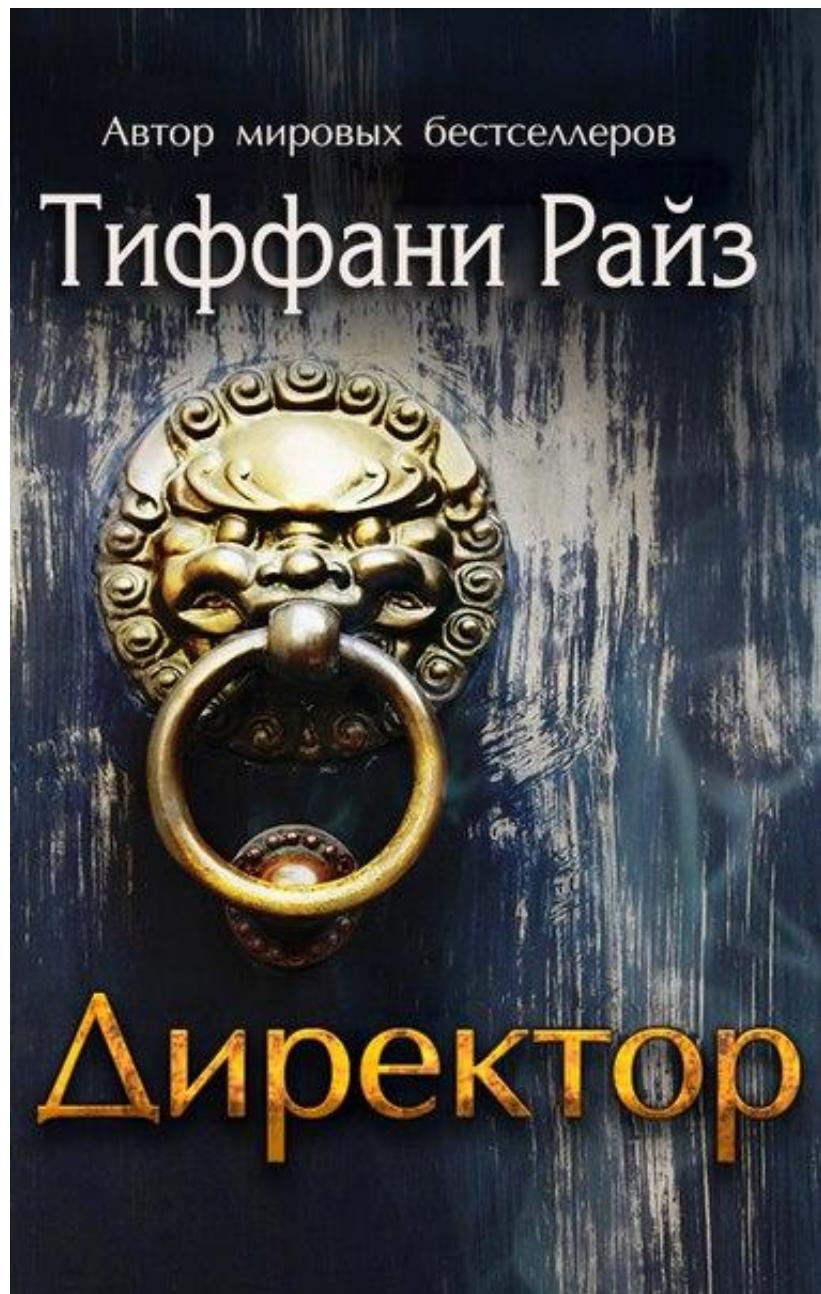

Тиффани Райз

"Директор"

Серия: *вне серии*

Автор: Тиффани Райз

Название на русском: Директор

Серия: вне серии

Перевод: kosmossveta

Сверка: helenaposad

Бета-коррект: Дарья Дмитриева

Редактор: Amelie_Holman

Оформление:

Eva_Ber

Аннотация

В уединенной школе Маршала Гвен Эшби случайно находит работу и мужчину своей мечты. В мрачном, таинственном Эдвине Йорке томится необузданное желание, которому Гвен жаждет дать волю. Но Эдвин слишком хорошо знает, что запретная любовь может закончиться трагедией...

Глава 1

Ей ни за что не добраться до Чикаго живой.
Только если она выпьет кофе. Немедленно.

Уставшая до смерти от вождения, Гвен съехала с дороги и припарковалась перед маленьким ресторанчиком на окраине Андовера. Стоял август месяц, и воздух был раскаленным от жары, когда она вдохнула, то уловила запах расположенных рядом гор Аппалачи. Все вокруг пахло теплом, влагой и... жизнью - обогащенный черноземом, деревья бука и клена, листья, доживающие последние дни лета... Так много жизни и прекрасного вокруг, но, все же, Гвен не была частью этого.

Она вытащила свой телефон из курьерской сумки и сделала фото гор, возвышающихся над городом позади нее. Гвен вошла в закусочную и попала на пятьдесят лет назад. Все выглядело так, будто только что перенеслось из 1960-х, ну или, по крайней мере, из облагороженной версии 1960-х - со стальными табуретами под красно-белым баром, и официантками с бумажными шапочками на голове и в белых платьицах. «Rolling Stones» тихо играли из сверкающего музыкального автомата «As Tears Go By». Она не могла слушать песню, не думая о своем отце, поющем ей на ночь эту песню, двадцать лет назад.

В уборной Гвен заметила кинопостеры, повешенные в кабинках - "Прощай, птичка!" и "Агент 007" с Конрадом в роли Джеймса Бонда - она знала, на кого бы поставила. Вернувшись в зал, она заказала два кофе - один на месте и один с собой. Потягивая кофе, она мысленно просчитывала, как далеко уехала и как далеко ей еще предстоит ехать.

В то утро она покинула Саванну, штат Джорджия в 10:00. Она проехала четыре с половиной часа и более трех сотен миль. Гвен, скорее всего, переночует где-то в Кентукки, и тогда ей останется около четырехсот миль до ее подруги Тиши в Чикаго, куда она доберется к завтрашней ночи. И потом... что? Попытается быть хорошей гостью и искать работу учителя. Она надеялась найти ее очень быстро, чтобы ей не пришлось спать следующие шесть месяцев у Тиши на диване.

- Мисс? – мужчина лет шестидесяти, сидевший через два стула от нее, подозвал официантку.

- Что я могу вам принести, сэр? - спросила официантка.

- Подсказать маршрут? К старому Маршалу? Прошло пятьдесят лет с тех пор, как я был в школе. Подзабыл дорогу.

Официантка дружелюбно улыбнулась ему. Она похлопала его по тыльной стороне обветренной ладони.

- Я нарисую вам карту, сэр. Здесь легко заблудиться, - она достала ручку из кармана и набросала карту на салфетке, пока пожилой мужчина смотрел и кивал. - И вы повернете здесь. Будьте осторожны, там сняли старый знак.

- Спасибо, мисс, - сказал мужчина и слабо улыбнулся. Она протянула ему полдюжины салфеток - белых с красным, точно такого же цвета, как и стойка закусочной.

- Возьмите их с собой. Они могут вам понадобиться.

Он кивнул с серьезным видом и положил салфетки с красной отделкой в карман.

Гвен наблюдала за сценой. Может быть, официантка поняла, что он сентиментален. Заинтересованная школой, Гвен вытащила телефон и стала искать "Школа Маршала" и "Андовер, Северная Каролина". Ничего не появилось.

- Даже не переживайте, - обратилась к ней официантка. - Мы здесь в черной дыре - ни 3G, ни 4G. Вам придется проехать пять миль, чтобы подключиться к интернету.

- Все нормально. Я просто хотела поискать Школу Маршала.

- Школа Маршала приблизительно в десяти милях отсюда, прямо на окраине города. Закрытая школа - интернат. Прогрессивная, как говорят в школе. А я просто считаю ее странной.

- Странной?

- Странной, - официантка закивала головой. - Богатые родители отправляют своих детей в школу, где они даже не могут пользоваться телефонами. В чем смысл быть богатым?

- Я думаю, смысл быть богатым в том, чтобы платить другим людям за воспитание твоих детей. Вы не знаете, им требуются работники?

- В Школе Маршала? Как правило, им постоянно требуются кадры. Работа круглогодичная, поэтому учителя там очень быстро изматываются. А вы учитель?

- Да, - ответила Гвен. - Я была ассистентом преподавателя в Саванне. Я не получила класс этой осенью.

- Если хотите пойти учить сумасшедших старшеклассников, тогда Школа Маршала для вас.

- Я соглашусь на любое предложение, - сказала Гвен.

Официантка склонила голову набок и сочувственно ей улыбнулась.

- Развелись? - спросила она.

Гвен рассмеялась.

- Нет. Меня бросили. Но я даже не могу его винить. Мой парень переехал в Африку преподавать в сельской школе. Это составляет часть списка дел его жизни, сказал он. Я сама не могу позволить оплачивать квартиру, и еще не нашлось работы...

- Я прошла через это, - сказала официантка. - Разведенная и без работы. Закончила здесь, - она указала на закусочную. - Хорошее место, но если они не добавят современную музыку в музыкальный автомат, то я переведусь в гольф-клуб.

- Я чувствую себя как в машине времени, - сказала Гвен. - Джемс Бонд смотрел как я пишу.

- Вот извращенец, - ответила официантка улыбаясь. - И весь этот чертов город застрял в 1964, но это ничего. Настоящее не было к нам таким добрым. Может, прошлое позаботится о нас лучше - о нас обоих.

Гвен поблагодарила официантку и допила кофе. Она оплатила счет и проследовала за пожилым мужчиной из закусочной.

- Сэр? - окликнула она его, и мужчина обернулся. - Могу я взглянуть на вашу карту?

- Конечно, юная леди. - Он передал ей карту на салфетке, и она сфотографировала ее на телефон.

- Благодарю вас, сэр. Зачем вы направляетесь в Маршал? - поинтересовалась она, возвращая ему карту.

- Я был там много лет назад. Выпуск 1963-го, так что я счастливчик. Думал навестить старых призраков. Только и всего, - он засунул карту в карман костюма. - Будьте осторожны.

- Буду, сэр, - сказала она, не понимая, почему именно ей надо быть осторожной, но это был хороший совет - совет, к которому она собиралась прислушаться.

Пока она возвращалась к машине, Гвен посчитала, что она в любом случае хотела этого - поехать в Школу Маршала и узнать, принимают ли они на работу. По мнению официантки - да. Не повредит спросить, не так ли? Она сейчас не очень была похожа на учителя. На ней были джинсы и коричневые сапоги, коричневая рубашка с вырезом под горло и соответствующего коричневого цвета замшевый берет. По крайней мере, она вписывалась в интерьер закусочной 1960-го года. Кэри всегда говорил, что в беретах, которые она носит, Гвен выглядит как танцовщица из клуба. Ну что ж, если школа настолько ужасна, как рассказывает официантка, тогда, может быть, они оценят ее ретро стиль. В лучшем случае, она получит работу учителя, и ей не придется ехать до самого Чикаго. В худшем случае, ничего не выйдет, и она потеряет один час своей жизни.

Девушка села в машину и убедилась, что все ее коробки, сложенные на заднем и пассажирском сиденьях, были все еще закреплены. Она упаковала все, что у нее было в машину еще вчера, и обнаружила, что все в хорошем состоянии. Бедно, но цело. Ей было двадцать пять, только рассталась с парнем, без работы, родители умерли, и все, что у нее было, уместилось в салоне «Тойоты Камри». Так почему же не пойти и не умолять дать ей работу в закрытой школе в этой глупи?

Что ей терять?

Когда она не смогла найти ни одного хорошего ответа, то завела машину и направилась в Маршал. Гвен открыла в телефоне фото нарисованной карты и поехала в школу. Въезд на Лексингтон Лайн так зарос плющом, что Гвен проехала его, когда ехала первый раз. Со скоростью пять миль в час, она, наконец-то, разглядела крутой поворот. Она проехала две мили через свод из деревьев, отбрасывающих тени и пропускающих солнечные блики на дорогу.

- Красиво... - вздохнула Гвен, завернув за угол, и перед ней предстала школа. Она ожидала увидеть сверкающую современную, промышленную новую школу, а вместо этого, перед ней предстал тюдоровский замок, возвышающийся над каменными стенами, покрытыми мхом, не менее чем на двенадцать футов в высоту. Единственный проем в стене был в конце дороги. «Академия Уильяма Маршала» - с трудом можно было прочесть на надписи из кованого железа на верхушке высокого арочного проема при въезде в школьный двор с дороги. С одной стороны арки был повешен герб из сияющего серебра. Она смотрела на герб очень долгое время - Гвен не была уверена, как долго. Но что-то удерживало ее от продолжения пути, и что-то удерживало вернуться назад.

Страх. Назвала она то, что держало ее на месте, словно огромная невидимая рука уперла кончик пальца в ее капот. Она представила, что, если нажмет педаль газа, колеса не смогут сдвинуть машину с места и лишь беспомощно прокрутятся в грязи.

- Приди в себя! - приказала Гвен сама себе. Она узнала этот страх, потому что чувствовала его прежде. Это не было тревогой, как утверждали доктора. Это не было панической атакой. Это не было плохим воспоминанием. Это была перемена. Всю свою жизнь, когда она стояла на пороге грядущих перемен, то замирала и тряслась. Ее первый день в колледже, первое свидание с Кэри, ее первая ночь с Кэри, ее первая работа учителем... Каждый раз, ступая на новую ступень жизни, она сталкивалась с ужасом этого первого шага. Это была дорога в лесах, она была твердой, как казалось. Но все же, Гвен так же могла пройти по канату через весь каньон над пропастью, так

сильно она дрожала, таким ощутимым был ее страх. Неизвестность находилась за этими воротами, маня и отталкивая ее одновременно. Она не знала, какому чувству больше доверять.

Краем глаза девушка что-то заметила. Блеск шерсти и черные глаза - казалось, оно неслось сквозь машину. С криком, Гвен нажала педаль газа, и машина рванула с места, словно пуля из ружья. Шины сцепились с гравием, машина заскользила в сторону, и за секунду, которая показалась еще короче, чем секунда, металл скривился, закапала кровь, и ее ноздри заполнил запах дыма. Олень, совершивший подвиг, смотрел на нее стеклянными глазами, настороженно, глаза, которые смотрели, но, все же, не видели ее. Одним мощным прыжком он исчез, так же быстро, как и появился.

Так же, как и Гвен.

Глава 2

Гвен приходила в себя постепенно. Она открыла глаза только для того, чтобы почувствовать, как сознание отправляет ее назад в забытье.

- Отдыхайте, - послышался голос, мужской голос, властный и непоколебимый. Она сделала, как и велели. Ни на что другое она не была способна.

Когда Гвен проснулась снова, то не пытаясь открыть глаза. Вместо этого, она использовала другие чувства, чтобы оценить ущерб. Она поняла, что ее тело цело, и никакие иголки или трубки не входят и не выходят из ее вен. Боль была локализована с одной стороны ее головы. Больше ничего не болело. Она задавалась вопросом, было ли у нее сотрясение. Галлюцинации могут быть вызваны сотрясением? Она слышала нереальные сказочные голоса вокруг себя.

Первым она услышала мужской голос, взрослого властного мужчины, англичанина. Англичанин? Да, с точностью можно было сказать, что это говорил чопорный и образованный англичанин.

Но другие голоса, отвечающие ему - моложе, испуганные, почему-то звучали с восхищением.

- Как она здесь оказалась? - спросил мальчик.

- Хотел бы я знать, - ответил мужчина.

- Она будет жить? - послышался другой мальчишеский голос.

- Мы можем ее оставить? - поинтересовался другой.

- Возвращайтесь в класс, - сказал мужчина, и никто не посмел ему возразить. - Дайте ей поспать.

Гвен снова заснула, а когда очнулась, то пришла в себя полностью. Она смогла открыть глаза, пошевелить головой и увидеть где была и что с ней.

Похоже, с ней все в порядке. Нет сломанных костей. Пара порезов. Несколько шрамов. Но где она находилась - это... было загадкой.

Она лежала на кровати, огромных размеров с белыми простынями, с резным богато украшенным изголовьем из орехового дерева, на ней было покрывало из парчи насыщенных тонов зеленого и золотого, и лампа от «Тиффани» на прикроватной тумбочке с ее стороны. Все вокруг кричало о том, что эта комната, в которой она очнулась, была в собственности и распоряжении мужчины.

Гвен заставила себя встать с кровати, издав при этом стон недовольства. Как долго она пролежала? Почему ее принесли сюда, вместо того, чтобы отвезти в больницу? Позади закрытой двери спальни висело элегантное овальное зеркало. Она выглядела как обычно. Были лишь несколько царапин вокруг ее левой щеки, и белая

повязка наложена на висок. Когда она провела рукой по волосам, то посыпались кусочки стекла.

На ней осталась ее одежда, за исключением туфель. Куда они делись - она понятия не имела. Осторожно, она приоткрыла дверь и робко позвала: "Привет!".

Никакого ответа.

Она снова вернулась в спальню. Дверь по другую сторону кровати вела в ванную комнату, отделанную деревом, в таком же мужском стиле, как и спальня, в которой она находилась. Ужасно. Кто бы это ни был, он был очень старомоден. Вместо электрической бритвы, на столешнице в ванной лежала классическая бритва в футляре рядом с кисточкой для бритья из белой щетины. На стене, подвешенный на крючке, висел кожаный ремень, примерно такой же, какой был и у ее дедушки для заточки кухонных ножей. В ванной пахло кожей, мылом и другими приятными мужскими ароматами - бергамотом, цитрусом и кедром.

Гвен открыла кран и выпила прохладной воды прямо из рук. Как долго она была без сознания? У нее было обезвоживание, но недостаточно сильное, чтобы сделать ее слабой. У нее во рту словно песок, а голова пульсировала, но она чувствовала, что с ней все будет в порядке. Ванна - старая фарфоровая громадина - манила ее. Она бы с удовольствием смыла стекло со своих волос. Она знала, что должна найти хозяина этой спальни, этой ванной комнаты... где бы она ни была, но она попала в аварию, и у нее была травма головы. Это оправдание поступать, как ей хочется, и все чего ей хочется - это отмыться.

Гвен наполнила ванну теплой водой, разделась догола и опустилась в жар. Ахнув от удовольствия, девочка погрузилась полностью в воду, позволив намокнуть израненной коже и окровавленным волосам. Когда она вынырнула из воды, то почувствовала себя исцеленной. Рана на виске никуда не делась. Никакого чуда не произошло, но она чувствовала себя намного лучше, чем могла себе представить, попив воды и приняв обычную теплую ванну.

Несмотря на то, какой умиротворенной Гвен себя чувствовала, она не стала тратить время попусту. Убедившись, что вымыла все осколки стекла из волос, она встала, обернулась свежим белым полотенцем и ступила на пол. На ее одежде была кровь, немного, но достаточно, чтобы ей не хотелось надевать ее снова. Сейчас, когда она чувствовала себя такой чистой и выздоровевшей. На обратной стороне двери ванной комнаты она нашла бледно-голубой полосатый шелковый халат и накинула его на себя. Он выглядел так, словно его носил Шерлок Холмс. Она завернулась в него. Он, должно быть, принадлежал мужчине... владельцу этого, чем бы оно ни было. Дом? Квартира? И мужчина, наверное, высокого роста, широкоплечий и очень привлекательный.

Привлекательный?

Гвен замерла, ее руки остановились на узле шелкового пояса, который она только что повязала вокруг талии. В дверях стоял мужчина. Судя по его выражению лица, он был шокирован, что она поднялась. Или, может быть, он был шокирован видеть ее мокрой и в одном халате, его халате. Или, может, потому что она существовала. Она точно не знала причины его шока, но он был шокирован, и это чувство было обоюдным. Она оказалась права. Он был высоким. Он был широкоплечим. У него были черные волосы с проседью и очки в серебристой оправе на красивом лице с широкими скулами. Он не выглядел старше сорока, но на все сорок.

- Я прошу прощения, - произнесла она, когда к ней вернулась речь после шока. Он был мужчиной, перед которым, извиняясь, пытаешься быть незамеченной в его абсолютно выдающемся присутствии.

- Позвольте спросить за что вы извиняетесь? - спросил мужчина. – Чтобы я знал, какой проступок прощаю.

- Ммм... я, полагаю, это ваш банный халат?

- Халат.

- Я не знала, где находятся остальные мои вещи, - продолжила она. - Те, что были на мне - все в крови. Я могу снять его, если вы...

Он поднял руку.

- Оставьте, - сказал он.

- Вы уверены?

- Абсолютно. - Он выпрямился и занял весь дверной проем ванной комнаты. Они простояли немного в тишине, изучая друг друга. Гвен вдруг осознала, что она голая и мокрая под этим халатом, но при этом глаза мужчины не покидали ее лица, она почувствовала, что он так же осознавал это.

- У вас есть имя? - спросил он, наконец.

- Гвен. Гвендолин Эшби. А вы?

- Эдвин Йорк. Я здесь директор.

- Директор? Я в школе? Школе Маршала? - ее воспоминания разговора в закусочной вернулись.

- В Академии Уильяма Маршала, - поправил он. - И да, вы в ней.

- Это хорошо. Я ехала сюда. Кое-кто в городе сказал, что вы ищите работников? - она произнесла это как вопрос, надеясь на положительный ответ.

- Вы - учитель?

- Английского и литературы, - ответила она. - Я любитель грамматики и профессиональный читатель, - улыбнулась Гвен. Он не отреагировал. Она не отступилась. - Я была на пути сюда, узнать есть ли здесь открытая вакансия. На самом деле, я направлялась в Чикаго, но подумала, что могу попытать счастья.

- Вы врезались на своей машине в здание моей школы.

Гвен вздрогнула.

- Мне очень жаль. Я пыталась избежать столкновения с оленем. Надеюсь, никто не пострадал.

- Кое-кто пострадал.

- О, нет. Кто? Это не ученик, ведь нет?

- Вы пострадали.

- О, да, - ее паника сразу же спала. – Еще какие-то повреждения?

- Только вы и ваша машина. Не думаю, что сможете ездить на ней некоторое время.

- Мне нужно вызвать эвакуатор, - у нее не было достаточно денег, а на эвакуатор уйдет половина стоимости топлива до Чикаго. И, Бог знает, во сколько обойдется ремонт.

- Мы займемся этим позже, - произнес он, словно ее проблемы были его проблемами. - Вам нужно поесть и отдохнуть. Я скажу мальчикам принести вам все необходимое.

- Мальчикам? У вас есть дети?

- У меня шестьдесят детей.

Ее глаза расширились от удивления.

- Ученики, - пояснил он, слегка улыбаясь. - Здесь в Академии Маршала.

- Маленькая школа. Только мальчики?

- Только мальчики. На данный момент, вы являетесь единственной женщиной на кампусе.

- И я в банным халате. То есть, в халате.

- Оставайтесь здесь.

Он оставил ее снова одну в его спальне, и она присела на кровать. Посмотрев вниз, она заметила, что халат распахнулся достаточно, чтобы директор Маршала увидел не только мельком ее зону декольте. Единственная женщина на кампусе? Это может быть как очень хорошо, так и очень плохо. Директор, Эдвин Йорк, повел себя так по-джентльменски по отношению к девушке, укравшей его банный халат. И он красив. И англичанин. И высок. И она упоминала, что он красив? Может ей стоит перестать думать о том, как он красив, и сконцентрироваться на том, как она облажалась.

Гвен пригладила пальцами влажные волосы. В другой комнате послышались голоса, шепот и смех. Смех принадлежал не учителю, а кому-то помоложе, гораздо моложе. Затем дверь задрожала так, словно в нее постучали десятки рук одновременно.

- Кто там? - спросила она.

- Лайрд, - прозвучал ответ юноши-подростка. - Я очень хороший человек. Я вас уверяю.

- А если бы не был, ты бы признался в этом? - поинтересовалась она.

- Нет, я бы наверняка соврал и сказал вам, что я хороший человек, - признался он.

- Ты лжешь? - спросила она. - Или ты действительно хороший?

- Директор Йорк стоит прямо здесь. Он удостоверится, что я хороший. Иначе убьет меня.

- Тогда тебе следует войти до того, как он тебя убьет, - Гвен позвала его. - Я не могу позволить твоей смерти быть на моей совести.

Парень открыл дверь одной рукой, а другой прикрыл глаза.

- У меня ваши вещи из машины, - говорил Лайрд, все еще прикрывая рукой глаза.

- Нет, у тебя их нет, - сказала она. - У тебя ничего нет с собой.

- Я не мог нести сумку, открывать дверь и прикрывать глаза одновременно.

Гвен улыбнулась. Вряд ли Лайрд мог видеть эту улыбку с прикрытыми глазами. На вид ему было лет семнадцать - восемнадцать, у него были темно-рыжие волосы и милое лицо - та часть, которую она могла видеть.

- Если выдержишь увидеть женщину в банном халате, тогда можешь открыть глаза, - сказала она. - Если нет, тогда просто медленно двигайся назад, и я заберу свои вещи сама.

- Я выдержу это, - сказал он, опуская руку. Он разглядывал ее изумленными глазами. - Вы замужем?

- Простите?

- Я спрашиваю не для себя, - оправдался он.

- Нет, я не замужем.

- Хорошо. Вы приняты на работу, - сказал Лайрд. В этот момент в комнату проскользнула рука, хлопнула Лайрда по плечу и вытянула его за дверь.

На его месте появилась ее сумка с одеждой.

- Было приятно с вами познакомиться, - прозвучал голос Лайрда из-за двери. - Пожалуйста, оставайтесь навсегда.

- Мне тоже было приятно познакомиться, Лайрд.

Она подошла к сумке и нагнулась поднять ее. В этот момент она осознала, что директор Йорк все еще стоял за дверью спальни, и у него был прекрасный вид на халат. Она покраснела, став малинового цвета, но он едва ли смотрел на нее.

- Ужин через полчаса, - его голос был сдержаным и напряженным.

- Вы будете ужинать здесь, в моей комнате. Я не стану подвергать вас дальнейшему тщательному изучению со стороны учеников. Пока нет.

- Я оденусь, - сказала она.

- Прекрасная идея, - он сделал существенное ударение на слове "прекрасная".

Она оделась в самое лучшее из того, что у нее было: юбка - карандаш и белая блузка, и через полчаса она вышла в поисках директора. Вместо него она нашла обеденный стол из красного дерева, уставленный едой (белая рыба в соусе, стебли сельдерея, охлажденная медовая дыня) и вино (красное и розовое). Это был пир для короля, но короля нигде не было видно. Когда директор произнес, что она будет ужинать в его комнате, Гвен представила совместный ужин. Она не хотела думать по какой причине его отсутствие, так ее расстроило. Она хотела поговорить о работе - вот почему. Разумеется.

Расстроена или нет, она все же съела все до последнего кусочка со своей тарелки и еще немного. Когда в последний раз она так хорошо ела? Доход ассистента учителя был таким же, как и студенческая стипендия. Наевшись досыта, Гвен встала из-за стола и стала разглядывать апартаменты директора.

Из окна столовой она определила, что находилась на последнем этаже здания. Оно, наверное, было пятиэтажным. Похоже, она на пятом этаже. Как она сюда добралась? Кто принес ее сюда по лестнице. Это сделал студент? Или сам директор?

Гвен ходила от окна к окну, пытаясь определить свое местонахождение. С ее высокой точки обзора она могла видеть ровную каменную стену вдоль всего периметра территории школы. За стеной виднелась лесная чаща, дикая и темная. Внутри огороженной территории она увидела только ухоженный газон, дорожки для прогулок и еще несколько зданий. Она определенно находилась в самом высоком. По обе стороны от нее она увидела здания меньшего размера из дерева и камня. Другое здание виднелось позади. Все строения соединялись между собой вымощенными дорожками. Разнообразные башни возвышались на каждом углу стены. Башни? Каменная ограда? Плющ? Школа больше напоминала средневековую французскую крепость или колледж старой Лиги Плюща, нежели Южную среднюю школу.

Если выражаться одним словом - прекрасно. Захватывающая дух, красота, от которой замирает сердце, и которая побуждает тебя грезить. Она почувствовала, что уже была пленена чарами этой школы. Она могла слышать стук своих каблуков на этих дорожках, ступая с книгами в руке. Она видела себя, сидевшей на каменной скамье под нависшим дубовым деревом, проверяя бумаги. Она представила себя здесь учителем, и счастливой.

Она никогда не позволяла себе мечтать или надеяться быть счастливой, по-настоящему счастливой, а не просто перестать быть несчастной. Может, в детстве, она допускала, что такие, как она, тоже могут быть счастливы. Но это было до того, как ее мать умерла от рака, когда Гвен была маленькой, а ее отец - от сердечного приступа, когда она только поступила в колледж. С Кэри она нашла стабильность, даже если не было страсти. Но затем она потеряла и его, когда тот последовал за своей мечтой. Надежность и стабильность были ее определением счастья.

Но...

А что если она будет здесь учителем? Что, если она будет прогуливаться по этим дорожкам, сидеть под тем деревом, учить такого школьника, как Лайрд, и выполнять приказы, отданые таким директором, как директор Йорк? Тогда, может быть... просто может... у нее появится надежность, стабильность и счастье.

Или может это была всего лишь очередная мечта?

Гвен покинула апартаменты директора и нашла ступеньки, которые вели вниз по лестнице. Она хотела увидеть свою машину и оценить причиненный ущерб. Но как

только дошла до второго этажа, то услышала голоса в дальней комнате. Разговоры и смех. Гвен последовала за ними.

Она шла мимо закрытых дверей, которые вели в пустые классные комнаты. Был вечер. Конечно же, никого не было на занятиях. Но что-то происходило, что-то за дверью в конце коридора.

Гвен открыла дверь и ступила в сказочный лес.

Глава 3

Из бумаги и рождественских огней был сооружен сказочный лес. Как только она шагнула через порог, чья-то рука легла ей на плечо. Директор Йорк притянул ее к себе и приложил палец к своим губам, призывая ее к тишине. Он кивнул, и она стала наблюдать за пьесой.

В центре бумажного леса стоял темноволосый мальчик, слегка запинаясь и оглядываясь вокруг себя, словно потерялся.

- Иль я маню тебя? - спросил мальчик. - С тобою ласков? Не я ли сам твержу тебе открыто, что не люблю тебя, любить не в силах?

- Кристофер Хейс, - директор Йорк прошептал ей имя на ухо, и Гвен вздрогнула, почувствовав его дыхание на своей шее. - Когда он начал учебу здесь в Маршале, то едва выговаривал предложение целиком.

- Врожденное заикание? - поинтересовалась она.

Директор кивнул ей в ответ.

- И сейчас он играет в спектакле? - Гвен не верилось. Не только потому, что Кристофер играл в школьном спектакле, страдая заиканием, но и потому, что никто из учеников не дразнил его, когда он запинался.

Директор снова кивнул, но в этот раз, она увидела блеск гордости в его глазах и улыбку, которая грозила исчезновением нескольких морщин с его лица.

Лайд, она сразу же узнала его рыжие волосы. Он носил скатерть как юбку поверх школьной формы. Мальчики в зале засвистели, и он закатил глаза.

- Заткнитесь! - закричал он в толпу. - Я пытаюсь здесь играть Шекспира.

Это только спровоцировало еще больше свиста и смеха.

- Я забыл свою реплику. Реплика? - позвал Лайд.

- И потому ты мне еще милей, - выкрикнула Гвен следующие строки. - Я - как собачка. Бей меня, Деметрий, - я буду только ластиться к тебе.

В комнате воцарилась тишина. Каждая пара глаз повернулась к ней.

- Считай меня своей собачкой, - Лайд продолжал играть. Он посмотрел в глаза Кристоферу и снова заговорил, - Бей, пинай, забрось, забудь; но лишь позволь мне, недостойной, за тобой идти.

Гвен шагнула назад в тень, и спектакль продолжился. Бок о бок с директором они смотрели представление до антракта в конце второго акта. Пока мальчики в своих костюмах и школьных формах переделывали сцену, директор Йорк вывел девушку в холл.

- Вы знаете наизусть «Сон в летнюю ночь»? - спросил он.

- Да, и Гамлета, Ричарда III, Генри V, и большинство комедий, хороших комедий.

- Вы же не актриса, нет?

Она рассмеялась, почувствовав презрение в его голосе. Почему англичане так мастерки изображали презрение?

- Всего лишь учитель, - ответила она. - Я всегда просила своих учеников играть Шекспира в спектаклях. Нельзя понять пьесу, пока не поставишь ее. Особенно

Шекспира. Я не знала, что его пьесы веселые, пока в средних классах нас не повезли посмотреть «Комедию ошибок».

- Расскажите мне, - начал он, пока знакомый «крыжик» не открыл дверь и просунул свою голову в холл, и не прервал их.

- Вы ее уже приняли на работу? - спросил Лайдрд. - Нам нужен новый учитель английского.

Директор Йорк повернулся и пристально посмотрел на Лайдрда. Лайдрд вздрогнул и спешно удалился.

- Я говорил, - продолжил директор, - какая у вас квалификация в...

Теперь темная голова Кристофера появилась в дверях.

- Вы новый учитель английского? - спросил Кристофер, не заикнувшись ни разу.

- Да, - ответил Лайдрд, встав рядом с ним в дверном проеме. - Ее имя Гвен Эшби.

- Здравствуйте, мисс Эшби, - сказал Кристофер. - Вы же не замужем, нет?

Директор Йорк ответил за нее, положив свою руку на голову Кристофера и протолкнув того в проем. Голова Лайдрда просунулась за дверь.

- Вы когда-нибудь читали «Айвенго»? - спросил Лайдрд.

- Боюсь, что нет.

- О, слава Богу, - Лайдрд вздохнул с огромным облегчением. Он указал кончиком пальца на директора. - Он заставил нас прочитать его шесть раз.

Директор посмотрел на Лайдрда так строго, что тот весь съежился.

- Больше не надо «Айвенго», пожалуйста, - произнес он, исчезнув за дверью.

- У вас очень интересные ученики, - отметила Гвен. - Они мне нравятся.

- Мне нет.

- Вы лжете, - послышался голос Лайдрда из-за двери.

Директор Йорк посмотрел в потолок поверх очков.

- В Америке по-прежнему нелегально убивать студентов? - спросил он.

- Боюсь, что да?

- Значит, придется рискнуть. Пройдемте в мой кабинет, мисс Эшби.

- Хорошо, я пойду. Спасибо, что спросили.

Его бровь взметнулась вверх.

- Я предпочла, что бы вы меня попросили, вместо того, чтобы приказывать.

- Но вы идете в мой кабинет.

- Да, раз вы так вежливо попросили.

Он посмотрел на нее, развернулся и зашагал по коридору.

Она знала, директор ожидал, что она последует за ним, поэтому Гвен приостановилась, посчитала до трех и только потом пошла за ним. Солнце уже опускалось, но еще не полностью зашло, и длинные косые лучи заливали здание школы золотым светом сквозь окна, освещая все вокруг. Полы, стены и окна выглядели, словно были в огне, в ярких солнечных лучах, впереди нее, директор отbrasывал длинную тень, на которую она наступила, когда он повел девушку вверх по винтовой лестнице.

Они пришли в комнату, которая, вероятно, и была офисом директора Йорка. У него был огромный письменный стол, кожаное кресло, и окна позади него, позволяющие видеть сверху его школу. И книги, так много книг в его кабинете. Томики в кожаном переплете заполняли каждую свободную полку. Ни одного бумажного. Этот мужчина очень серьезно относился к своей библиотеке.

Он указал на кресло перед столом, и она присела. Директор занял свое место в высоком кожаном кресле, скрестил руки на груди и выжидающе посмотрел на Гвен.

- Вам здесь не понравится, - произнес он. - Я настоятельно рекомендую покинуть это место.

- Вы так все собеседования начинаете?

- Да.

- Это как сцена из «Бойцовского клуба», где вы говорите мне уйти, и я получаю работу, только если остаюсь?

- Сцена откуда?

- «Бойцовский клуб»? Фильм? Видели когда-нибудь?

- Я занятой человек, мисс Эшби. Я не трачу свое время на поверхностные развлечения.

- Тогда я отрекомендую свою кандидатуру как полагается. Послушайте, мистер Йорк, я...

Он поднял руку, останавливая ее.

- Я понимаю, что вы в поисках работы, и я уважаю это, - произнес он. - Но для того, чтобы быть учителем здесь, необходимо очень многим пожертвовать. Я покинул свой дом много лет назад и никогда не возвращался. Ученики находятся здесь круглый год. Соответственно и работаем мы круглый год. Здесь в школе есть все, что нам необходимо, и мы очень редко покидаем эти владения. От вас потребуется посвятить себя полностью этой школе так, как это сделали мы. Какая бы жизнь ни была у вас за стенами этой школы, ее придется бросить ради того, чтобы остаться здесь.

- Я ценю ваше беспокойство, но могу с уверенностью сказать, что у меня никакой жизни за стенами этой школы нет. Жить внутри школы - это возможность иметь другую жизнь вместо той, что была у меня до сих пор.

- Мне трудно поверить, что у такой милой молодой женщины как вы, нет никакой жизни.

- У меня больше нет семьи, за исключением бабушки с дедушкой, которых я не так часто вижу. Я была вынуждена менять колледжи еще на первом курсе, после смерти своего отца, и в процессе я потеряла всех друзей. У меня был парень. Он уехал в Африку учить там сельских детей. Когда я говорю вам, что вся моя жизнь находится в машине, которую я разбила, пытаясь не сбить оленя, то я не преувеличиваю, - она замолчала на минуту. – Да, кстати, вы считаете меня милой?

Он проигнорировал ее вопрос.

- Примите мои соболезнования в связи с потерей ваших родителей.

- Спасибо, - она проглотила внезапно возникший ком в горле.

- Выглядите очень молодо, мисс Эшби.

- Мне скоро исполнится двадцать шесть. Вполне взрослая, чтобы преподавать ученикам средней школы.

- Даже таким ученикам, как мои? Мальчики здесь взрослые не по годам и в высшей степени смышленые. Они нуждаются в постоянной интеллектуальной стимуляции, чтобы их ум все время был занят. Один заскучавший ученик превратил статую во дворе нашего основателя, сэра Уильяма Маршала, в эксперимент с реактивным двигателем.

- Я не заметила никаких статуй во дворе.

- Это потому, что эксперимент удался.

- О, Боже... - она почти произнесла что-то о фильме «Настоящий Гений», и насколько все могло быть хуже - директор мог остаться со зданием, полным попкорна, или ледяным катком внутри помещения. Но она оставила это замечание при себе.

- Серьезно. С моей стороны было бы несправедливо просить такую молодую милую женщину посвятить свою жизнь обучению здесь. Я обязан настоять, чтобы вы вернулись туда, откуда приехали.

Гвен должна была согласиться с ним. Она должна уехать. Упаковать свои вещи, собраться и отправиться в Чикаго, как изначально и планировала.

Но он назвал ее милой. Дважды.

Она никуда не уедет.

- Я думаю, что предпочтут остаться, если вы захотите.

Директор изогнула бровь, и она покраснела.

- Захотите меня как учителя здесь, - продолжила она. - Я никогда не встречала студентов, настолько вдохновленных Шекспиром. Пожалуйста, позвольте мне их учить.

Директор долго смотрел на нее. Похоже, он что-то обдумывал. Ее качества? Ее достоинства? Все за и против? Может, он просто представлял, как опрокидывает ее на свой огромный стол и делает с ней все, что захочет? Вероятнее всего, первое.

- Вы можете остаться, - сказал он, и Гвен открыла рот выразить свою благодарность. Он поднял руку, останавливая ее. - На испытательный срок в одну неделю. У вас займет несколько дней разобраться, что к чему, и я бы не хотел, чтобы вы уезжали, пока мы не будем уверены, что вы полностью восстановились.

- Одна неделя. Я справлюсь.

- Есть кое-что, что вы должны знать об этой школе прежде, чем переступите порог класса. Академия Уильяма Маршала не является нормальной школой. Это не обычная школа. И это не типичная школа во всех смыслах этого слова. Остальные школы говорят, что хотят подготовить учеников и сделать их лидерами. Лидер - это ничто. Лидер - это тот, кто ведет за собой, и плохой лидер может привести армию в ад. Я хочу, чтобы эти мальчики стали героями, отважными и умными. Так же, как и наш тезка, Сэр Уильям Маршал, самый великий рыцарь за всю историю.

- Я думаю, что это очень благородная цель, - сказала она, восхищаясь идеями директора Йорка и его страстью усовершенствовать не только умы, но и сам характер его учеников. - И я обещаю сделать все, что в моих силах, чтобы помочь вам.

- Я буду просто рад, если неделю спустя вы не причините им непоправимого вреда, - он указал на свой стол. - Это мой рабочий кабинет. Не беспокойте меня, когда я работаю в нем.

- Могу я вас беспокоить, когда вы в нем не работаете?

- Нет, - сказал он, вставая и щелкая пальцами. Она послушно встала. Герой или лидер, или просто директор, она была готова и мечтала следовать за ним куда угодно. Ну или хотя бы в холл. - Другие преподаватели также имеют свои личные кабинеты. Мистер Прайс преподает математику и естественную науку. Мистер Рейнольдс преподает историю и философию. Я взял на себя уроки литературы после того, как мисс Майр нас покинула. - Он указывал на классные комнаты, рабочие кабинеты и кладовое помещение.

- А куда уехала мисс Майр?

- Я не могу вам сказать, - что-то промелькнуло в его глазах.

- Не можете или не скажете?

- Ни то, и ни другое. Мисс Майр - не ваша забота. Единственная ваша забота - ваша работа. Это ваш кабинет, которым вы можете пользоваться всю неделю, пока вы здесь. - Он достал ключ и открыл дверь. Она любила необычные ключи. Эти не были вырезаны в «Хоум Депо»¹ на машине. Они выглядели как отмычка, словно тюремные ключи шерифа Дикого Запада или ключи от ворот замка. Он открыл дверь, и она заглянула в офис. Было очевидно, что здесь работала женщина. Белые прозрачные занавески украшали окна. В отличие от деревянного резного монстра - стола в кабинете директора Йорка, этот маленький кабинет мог похвастать изящным письменным столом с перьевкой ручкой и чернильницей.

¹ прим.: магазин «Все для дома»

- Нет компьютеров? - последовал вопрос.

- Компьютеры? - директор Йорк произнес слово, презренно высмеивая ее, будто она спросила его, где находится темница, а не компьютерная лаборатория. - Я не знаю, какой школой вы нас считаете, но нам здесь нечего делать с компьютерами. Они могут это выучить в университете, если захотят. - Он произнес слово «компьютер» так, словно говорил его на иностранном языке.

- Занимательно. Та официантка говорила, что в Маршале ученикам не разрешено пользоваться телефонами. И компьютерами тоже?

- Студенты здесь пользуются книгами. Книгами и ручками, и бумагой. Здесь учат рукописи. Искусству каллиграфии. Я не позволю этим мальчикам покинуть школу без умения собственноручно написать благодарственную записку. Когда вы будете оценивать их работы, вы должны будете оценивать их мысли так же, как и их написание. Форма и содержание идут рука об руку.

- То есть, вы имеете в виду, что я должна оценивать их почерк.

- Совершенно верно.

- Я могу это сделать.

- Вы будете это делать, - директор Йорк произнес это, закрывая и запирая дверь ее офиса. - С тех пор как мисс Майр нас покинула, на кампусе не было женщин. Вы, вероятно, почувствуете себя одинокой и нежеланной.

Гвен взглянула на него. Ей пришло немного вытянуть шею.

- Вы очень красивы и обаятельны, когда ведете себя так властно и надменно, - отметила Гвен.

Глаза за очками директора Йорка расширились от удивления.

- В таком случае, я приложу все усилия в будущем быть менее властным и надменным.

- Какая жалость, - ответила она.

- Поскольку вы единственная представительница женского пола в Уильяме Маршале - у вас будет свой собственный коттедж. - Стоя у окна, он указал на маленький дом в Тюдоровском стиле, расположенный далеко позади главного здания. Гвен вздохнула и накрыла рот рукой.

- В чем дело? - директор Йорк казался обеспокоенным, спрашивая.

- Ничего... - Гвен покачала головой. - Просто, это так мило. Я буду жить там?

Она посмотрела на него и улыбнулась.

- Да, одну неделю на время вашей работы учителем.

- Спасибо, - произнесла она тихо.

- Это всего лишь дом, - ответил он, будучи, по-видимому, удивлен ее восторгом.

- Я, как бы, бездомная на данный момент. Я планировала спать в машине сегодня ночью. Я не могу поверить, что буду жить в том доме.

Директор Йорк посмотрел на нее и, кажется, впервые увидел девушку. Она гадала, о чем же он думал, смотря на нее. Его глаза не были недружелюбными, лишь любопытными.

- Вы собирались спать в вашей машине? Это небезопасно для молодой женщины. Я бы не позволил вам этого, будь я вашим мужем или отцом.

- Ни мужа, ни отца. Я сама по себе.

- Больше нет. Вы сейчас в Маршале и находитесь под моей защитой все время, что пробудете здесь. И вы не будете спать в вашей машине. Это безумие.

- Я переезжала в Чикаго, - сказала она. - Вся моя жизнь находится в машине, и я не хочу, чтобы кто-нибудь вмешивался в нее.

- Пусть лучше украдут ваше имущество, чем ваша жизнь будет находиться в опасности.

- Вы очень благородны.
- Я всего лишь благоразумен, мисс Эшби. По вам кто-нибудь будет скучать в Чикаго?

- Нет. Я знаю всего одного человека там, и она собиралась приютить меня на диване. Поэтому... - она указала на коттедж. - Спасибо вам.

- Рад помочь, мисс Эшби, - ответил он, и на мгновение свирепость во взгляде исчезла. Когда он смотрел так грозно, то был очень красив. Когда он не смотрел так... что ж ему, наверное, стоило вернуть свой суровый взгляд, пока у Гвен опять не появились фантазии о сексе на столе. - Но запомните, это всего лишь на одну неделю. Не привыкайте.

- Я постараюсь, - произнесла она, зная, что никогда уже не сможет почувствовать комфорт в присутствии этого мужчины. Возбуждение, возможно. Но не комфорт.

- Мужчины - преподаватели находятся в том коттедже, - продолжил директор Йорк. - Если вам потребуется помочь во время вашего пребывания здесь - мистер Прайс или мистер Рейнольдс помогут вам. Спальные комнаты там и там, - произнес он, указывая на маленькие здания, примыкающие к главному. - Пятнадцатилетние и шестнадцатилетние мальчики находятся в Пемброке. Семнадцатилетние и восемнадцатилетние - в Ньюбари. Мои апартаменты находятся на последнем этаже этого здания, Хоквуд. Библиотека находится на первом этаже. Классные комнаты расположены на втором и третьем этажах. Рабочие кабинеты на четвертом.

- Так вы занимаете целый этаж? Мило.

- Я - директор. Я должен быть в состоянии вести надзор за целой школой все время - и днем, и ночью. Эти мальчики находятся под моей защитой. Их безопасность - мой долг и моя ответственность, долг и ответственность, к которым я подхожу со всей серьезностью.

- Я верю, - сказала она, заметив непоколебимую решительность в его глазах, когда он оглядывал владения школы, словно король на лошади, осматривающий свое королевство. - Я пойду обустраиваться в коттедже. Но сначала мне нужно позвонить подруге в Чикаго. Спасибо вам за все.

Гвен развернулась и направилась к лестнице.

- Мисс Эшби, - окликнул ее директор Йорк. Она остановилась у края лестницы.

- Да, сэр?

- Поймите, мисс Эшби, эти мальчики - мои студенты. Я их направляю, я их охраняю... я не хочу, чтобы они пострадали, были обижены или огорчены. Мир полон людей, ожидающих своего шанса разочаровать их. Но пока они находятся под этой крышей, они в безопасности, их поддерживают, о них заботятся, и они находятся под защитой. И они образованы.

Он с особой выразительностью произнес слово «образованы».

- Я позабочусь о них, обещаю. А по поводу образованности, могу обещать вам, что к следующей пятнице они станут умнее. А сейчас, если вы позволите, мне надо распаковать мои вещи.

- Да, говоря об этом... - директор Йорк шагнул к ней, остановившись в паре сантиметров от Гвен. Она проигнорировала дрожь возбуждения, возникшую от его близости. В ее школе кафедра английского языка состояла почти на 90 процентов из женщин. Те несколько мужчин, которых она знала, были женаты и старше. Ни у кого из них не было такой внешности, какой обладал директор Йорк. «Прекрати это, Гвен. Никаких увлечений боссом».

- Говоря об упакованных чемоданах? - поинтересовалась она.

- Да. Ваш гардероб.

- Мой гардероб? Что с ним? - спросила она.

- Я оценю, если вы будете одеваться...

Гвен оглядела свою одежду. У ее блузки был V-образный вырез. Может, слишком глубокое V, чем нравилось директору?

- Как мне следует одеваться?

- Консервативно.

- Насколько консервативно? Мои юбки доходят до колена.

- Я бы предпочел до пола, но полагаю, это непрактично.

- Я боюсь, что не упаковала свою парку² и монашескую рясу.

- Это школа для мальчиков - подростков. И молодая женщина, такая милая, как вы, может их отвлекать.

У Гвен онемели руки. Третий раз «милая» за один час. Может, увлечение было обоюдным?

- Так вы действительно считаете меня милой?

- Видел и похуже.

- Я ценю вашу жалкую попытку сделать комплимент, господин директор.

- Всегда пожалуйста, мисс Эшби.

- Я постараюсь найти холщовые сумки.

Она смотрела вниз на ступеньки.

- Мисс Эшби?

- Да, сэр? - она остановилась на лестничной площадке.

- Если, по какой-либо причине, вы решите не оставаться здесь с нами, пожалуйста, позвольте мне извиниться за мой дурной характер. С тех пор как уехала мисс Майр, у нас здесь не было леди. Я полагаю, забыл, как себя вести с ними.

- Спасибо, директор. Я ценю. Я не приняла это на свой счет. За исключением части, в которой вы считаете меня милой. Обещаю, вы не пожалеете, что дали мне этот шанс.

- Я, возможно, нет. Но вы - можете.

Она думала, что это шутка, но в его глазах не было и намека на веселье. Она все равно ему улынулась.

Все еще улыбаясь, Гвен покинула главное здание и направилась к своей машине. Она снова огляделась вокруг. Красиво... Академия Уильяма Маршала была настолько красивой, что ей хотелось сфотографировать все, что она видела - башенки, Тюдоровские коттеджи, извилистые вымощенные дорожки, витражные окна. Ей с трудом верилось, что это правда.

Она вытащила телефон из сумочки и обнаружила отсутствие сети. Не так уж и удивительно. Официантка предупреждала, что в этой зоне нет сигнала. Гвен прошлась вниз по тропинке, но не смогла поймать сигнал. Она попробует связаться с Тишой завтра. Гвен направилась назад в Хоквуд Холл забрать свои вещи из апартаментов директора. Из ряда окон на втором этаже она увидела лица тридцати мальчиков, смотрящих на нее - в их глазах читался немой вопрос.

- Он разрешил мне остаться! - прокричала она им.

Они поприветствовали громкими возгласами новость, а Гвен могла только покачать головой от удивления. В каком мире могли подростки так радоваться новому учителю английского? Это была Северная Каролина или рай? Чем бы ни было это место, оно было ее домом на одну неделю.

Одна неделя. А затем, может быть... просто может... навсегда.

² одежда эскимосов

Глава 4

Гвен принесла свои вещи из Хоквуда к коттеджу, который, как сказал директор Йорк, будет принадлежать ей эту неделю. Ей не верилось, что это может быть ее постоянным домом на случай, если она будет принята на постоянную работу. Дрожащими от возбуждения пальцами, она повернула ключ в замке и шагнула в элегантно обставленную прихожую. Справа она увидела гостиную со старинными софами и резными деревянными стульями. С левой стороны Гвен заметила комнату поменьше, с письменным столом. У нее есть свой собственный кабинет и здесь тоже? Чудесно. Ей не придется пользоваться тем, что в школе. Но все же... Директор предупредил ее не привыкать. Неужели, у него нет и малейшего желания оставить ее по прошествии этой недели? Она знала, что прошла проверку анкетных данных, и пока у нее есть крыша над головой и пища три раза в день, она может жить даже на маленькую зарплату. Все что она могла делать - это стараться изо всех сил и, скрестив пальцы, надеяться, что директору понравится то, что он увидит. Потому что ей определенно нравится.

Кто-то уже побывал в коттедже и зажег для нее свет. Что-то в этом доме было очень знакомым. У этого дома было такое же освещение, как и в доме ее бабушки с дедушкой, такие же настольные светильники и мигающие желтые лампочки. Мотылек кружил вокруг потолочной люстры. Она его оставит. Они никогда не причиняли ей вреда. Гвен была рада его маленькой порхающей компании.

Так тихо... так спокойно... так безмятежно. Ей не было слышно шума с шоссе так далеко в лесу. Здесь царила почти неземная тишина. Закрыв глаза, она практически слышала биение собственного сердца, свое дыхание... Гвен считала тишину раем, после своего проживания по соседству со студентами колледжа.

В школе, должно быть, тихо сейчас, но в старом коттедже каждая доска в полу скрипела, пока Гвен несла свой багаж через холл и вверх по лестнице. Она насчитала четырнадцать ступеней по пути наверх. Она могла пройти из одного конца своей старой квартиры в другой за четырнадцать шагов. А сейчас, в ее распоряжении находится целый дом. Целых два этажа. Большая гостиная. Кабинет. Кухня и столовая... Она рассмеялась, когда открыла дверь в ванную и увидела антикварную ванную на ножках. Она могла бы жить в ней. Там с легкостью уместятся два человека. Два? Неплохая идея. Она позволила себе на секунду представить в ней себя и директора.

Она выбросила эту мысль из головы. Нет. Плохая девочка. Он казался таким высоким и дьявольски красивым, когда говорил с ней с этим аристократическим британским акцентом, но она прекрасно понимала, что нельзя вступать в отношения с коллегой по работе, а тем более, директором. Против этого существуют правила. Хорошие правила. Суровые правила. Разумные правила. Она будет их придерживаться.

Пока он не захочет обратного.

Гвен открыла дверь в главную спальню.

- Bay, - произнесла она с восхищением. Никогда еще в своей жизни она не видела такой огромной спальни. Сама кровать не была больше обычной двуспальной, но на изголовье была вышивка, синяя с золотым, и она возвышалась над подушками на целых четыре фута. Постельное белье было белым и роскошным, и мягким. Гвен села на край кровати и утонула в простынях. Она гадала, почему мисс Майр, предыдущая учительница литературы, покинула это место. Кто мог уйти от такой красоты? Гвен уже полюбила этот дом.

На прикроватной тумбочке стояла масляная лампа. Настоящая масляная лампа. Она не видела таких уже много лет. У ее бабушки с дедушкой имелись такие, на случай, если во время грозы отключится электричество. Гвен открыла выдвижной ящик и нашла коробок со спичками. Она вытащила одну и зажгла лампу. Свет от огня затанцевал на стенах комнаты. Убиная спички назад, она заметила книгу в глубине ящика. Она вытащила ее и увидела, что это, всего лишь, Библия. Во всяком случае, не обычная Библия из гостиничного номера. Этот экземпляр мог похвастать переплетом из настоящей мягкой кожи. Она перевернула первую страницу книги, и увидела на обратной стороне имя. "Эта Библия принадлежит Розмари Лей Майр."

Значит, эта Библия принадлежала ее предшественнице? Директор Йорк был раздражающе скрытным, когда разговор зашел о том, что произошло с женщиной, занимающей должность учителя английской литературы в Маршале. Возможно, у нее был повод оставить эту работу. Может быть, у нее и директора Йорка были разногласия по поводу учебной программы. А может, она устала от круглогодичного графика? Но ее сейчас уже не было, и вместо нее здесь была Гвен.

Впервые Гвен осознала, что она действительно была одной единственной женщиной в Академии Уильяма Маршала. Вызовет ли это какие-то проблемы? Конечно нет. Мальчики были слишком юны для нее, она видела в них лишь мальчиков. Она всегда предпочитала мужчин постарше. Кэри почти исполнилось тридцать, когда они начали встречаться, вскоре после ее двадцать первого дня рождения. Директору Йорку на вид было около сорока - идеальный возраст в ее понимании. Достаточно взрослый, чтобы быть зрелым и мудрым. Достаточно молодой, чтобы все еще... Гвен остановилась в поисках подходящего слова.

Зрелый. Зрелый было верным определением. Он мог быть директором закрытой частной школы с очками на носу, но низкий голос, широкие плечи и подавляющее присутствие делаю его просто образцом мужской зрелости.

Гвен вернула Библию на место в выдвижной ящик, прежде чем она случайно найдет стих, в котором говорится о том, что нельзя возжелать своего нового босса. Она попытается выяснить, что случилось с мисс Майр, и тогда, она сможет выслать ей назад ее книгу. Хотя Гвен не была религиозной, она уважала вероисповедание других. Возможно, это была семейная реликвия. Согласно дате публикации на внутренней стороне, книга была напечатана в 1920 году. Девяностолетняя Библия определенно имела ценность для кого-то, во всяком случае, как дорогое воспоминание.

Распаковывая вещи и раскладывая их в доме, она отбросила мысли о загадке мисс Майр.

Гвен решила посвятить целый уикенд, составляя план обучения. Мальчики сказали, что уже устали от Айвенго. Должно быть, это любимая книга директора Йорка, а она даже не читала ее. Сэр Вальтер Скотт не фигурировал ни в одном из ее списков ни в колледже, ни в аспирантуре. В последнем семестре она провела семинар о Бронте. Прекрасные книги, но, вероятно, слишком девчачьи, для класса, в котором учатся одни мальчики.

Никаких романов, пока они не научатся доверять ее выбору. Она введет их в мир Бронте и Джейн Остин со временем. Чарльз Диккенс всегда был удачным выбором. Мальчики любили Диккенса. Дэвид Копперфильд быть может слишком длинный для испытания длиной в одну неделю. "Большие надежды"? Возможно. Молодой Пип помогает заключенному, встречает сумасшедшую женщину, влюбляется в бессердечную Эстеллу и получает бесценный урок жизни о том, кто является ему другом, а кто - нет. Молодые читатели любят безумную миссис Хэвишэм, в ее обветшалом подвенечном платье, и заплесневевший, изъеденный крысами свадебный

торт. Прекрасная готическая сказка. Они с мальчиками начнут с этого. Надеюсь, они еще не прочли ее.

Весь вечер пятницы Гвен мысленно составляла свои лекции. В понедельник она введет их в жизнь и творчество Чарльза Диккенса и познакомит их с "Большими надеждами". Во вторник они обсудят первые три главы. Она все спланировала. Идеальная неделя. Директор Йорк не захочет ее отпускать.

Обучение... прогулки... разговоры со студентами... чтение... свидания с директором... длинные свидания... свидания за ужином... свидания за завтраком...

А затем стук заставил Гвен подпрыгнуть на месте. Она потерялась в тишине дома, посчитав, что все уже отошли ко сну. Она ринулась вниз по лестнице к парадной двери и открыла ее. Снаружи на крыльце стояли два мальчика.

- Мальчики... здравствуйте, - сказала она. - Кристофер? И Лайдр?

- Это мы, - ответил Лайдр. - Мы пришли поздороваться и узнать вдруг вам что-нибудь нужно.

- Мы являемся приветственным комитетом, - отметил Кристофер. - Так что... добро пожаловать.

- Комитет лишь двоих? - подразнила она.

- Многие захотели присоединиться к приветственному комитету, - объяснил Кристофер. - Но их желание не приветствовалось.

Гвен рассмеялась, мальчики ухмыльнулись и кивнули друг другу.

- Что ж, я рада, что вы двое отвлеклись от людей, которых не поприветствовали ради приветственного комитета, чтобы поприветствовать меня в Маршале. Это красивая школа.

- Спасибо, - произнес Лайдр, поклонившись. - Я построил ее своими руками.

- Ты проделал впечатляющую работу. Можно мне обзорную экскурсию?

- Можно, но это уже не наша область деятельности. Для этого мы должны будем прислать к вам экскурсионный комитет.

- А кто в экскурсионном комитете?

- Все, кого не поприветствовали в приветственном комитете, - произнес Кристофер, лишь с небольшим намеком на заикание.

- Итак, чем же занимается приветственный комитет, раз он не проводит экскурсий? - поинтересовалась она, скрестив руки и облокотившись на дверь. Мальчики снова переглянулись.

- Я не знаю, - Кристофер провел пальцами по волосам. Милый парень. Он выглядел как молодой Джон Леннон с отросшими волосами, в костюме и узком галстуке. - Мы создали приветственный комитет примерно за пять минут до того, как поступать в вашу дверь.

- Надо было лучше спланировать, - отметил Лайдр. - Простите, мы еще никогда никого не приветствовали.

- Вы не поприветствовали мисс Майр, когда она приехала сюда?

- Она была здесь до нас, - ответил Кристофер. - И она не была так доброжелательна.

- Она вам не нравилась? - Гвен спросила с любопытством.

- Мы ей не очень нравились, - сказал Лайдр и пожал плечами. - Она проиграла. Мы выиграли. У нас есть вы, и мы вам нравимся.

- Очень, - подтвердила она. - И мне нравится школа. Итак...

- Скажи ей про это, - Кристофер толкнул Лайдра в руку.

- Про это? - последовал вопрос от Лайдра. - Ах, да, про школу! Конечно. Это я могу.

Лайдр замолчал, прокашлялся. Кристофер ударил его в грудь.

- Академия Уильяма Маршала, - Лайрд начал свою речь, которая звучала, как у хорошо отрепетированного гида, - была основана в 1893 году Генералом Джоном Фоли, кавалером и героем Объединенной Армии.

- Школа, - продолжил Кристофер, - была создана для того, чтобы лучшие юноши Америки были обучены гуманитарным наукам и получили этическое образование.

- Девиз школы: "Fortius quam fraternitas nullum est vinculum", - сказал Лайрд.

- Нет связи крепче, чем узы братства, - Кристофер перевел для нее.

- Очень впечатляюще, - аплодируя, произнесла Гвен.

- Вам также следует знать, что вечер четверга - вечер бифштекса, попытайтесь найти себе занятие на это время, - сказал Лайрд.

- Он настолько плох? - спросила она.

Кристофер скривил гримасу, перерезая себе горло рукой.

- Хороший совет, - отметила она. - Я обязательно к нему прислушаюсь. Что-нибудь еще, что я должна знать о школе?

- Директор Йорк не женат, - сказал Кристофер.

Гвен неодобрительно поджала губы.

- Что? - спросил он. - Я подумал, это важная информация.

- Личная жизнь директора меня не касается, - подчеркнула Гвен. - Он когда-нибудь был женат?

Лайрд вопросительно поднял бровь.

- Я сказала, что она меня не касается, - сказала Гвен. - Но я не сказала, что я не хочу знать.

- Она права, - заметил Кристофер.

- Итак? - Гвен ждала ответа.

- Он был женат, - кивая отвечал Лайрд. Он наклонился ближе, - Я слышал, что он... вы знаете.

- Что? - прошептала она.

Кристофер огляделся вокруг, словно проверяя, нет ли шпионов.

- Слово на букву "Р", - прошептал Кристофер еще тише.

- Расстройство психики? - попыталась угадать Гвен. - Раздвоение личности? Рак?

- Разведен, - произнес Лайрд необычно печально.

- Ооу, - Гвен пожала плечами, забавляясь тому, как были шокированы мальчики фактом развода. - Такое случается.

- Разве? - спросил Кристофер изумленно. - Мои родители говорят, что они скорее умрут, чем разведутся.

- Я скорее умру, чем женюсь, - сказал Лайрд.

- Ты и я, оба, - подтвердил Кристофер. Они пожали руки. - Но директору необходимо жениться.

- Ему нужна жена, - согласился Лайрд. - Кто-то поможе, чтобы она могла его поддерживать. Мы застали его читающим первый сборник Шекспира, в северо-западной башне на прошлой неделе. Он его корректировал.

- Моложе. Определенно. И красивая. Но она и умной должна быть, - добавил Кристофер. - Он сойдет с ума, если у него не будет умной жены. Ему нужен кто-то, кого он сможет учить.

- Даже поучать, - согласился Лайрд.

- Кто-то, кто не мы, - подытожил Кристофер.

- Мальчики? Могу я задать вам вопрос? - поинтересовалась Гвен.

- Все что угодно, мисс Эшби.

- Вы уговорили директора Йорка нанять нового учителя литературы, потому что вам нужен новый учитель английской литературы? Или вы все пытаетесь сыграть сваху для директора?

Кристофер посмотрел на Лайрда. Лайрд посмотрел на Кристофера. Они оба посмотрели на нее. Это уже вошло у них в привычку.

- Да.

Глава 5

После того, как она выпроводила приветственный комитет со своего крыльца, пятничный вечер Гвен провела сидя дома. В субботу она позавтракала в школьной столовой - кофе, яйца и английский мафин. Остаток дня она писала свою лекцию по "Большим Надеждам". И только после того, как написала десять страниц заметок, она осознала, что не проверила, имеется ли у них хоть одна копия этой книги в архиве.

Ой!

Она побежала в библиотеку в Хоквуд Холл, посмотреть какие книги у них есть в наличии, которые она могла бы изучить и найти их сложенными вместе со всеми великими классиками. Вот оно, великими классиками, написанными до 1900. Она нашла Мистера Рейнольдса, морщинистого джентльмена с тростью, и поинтересовалась, где находятся все книги таких авторов, как Хэмингуэй, Фолкнер и Фицджеральд.

- Директор Йорк не одобряет современную литературу, - сказал он. - Я припрятал их подальше.

- Современная литература? Хэмингуэй? Современная? - Гвен рассмеялась. - Он едва ли Франзен или Фоэр.

- Кто? - спросил Мистер Рейнольдс. Мужчина приподнял свои очки. Они были с толстыми линзами и в черной оправе, очень напоминали очки ее дедушки, которые тот носил в армии. У него был орлиный нос и тонкий скрипучий голос. Ему могло быть от шестидесяти до ста лет. Гвен больше склонялась к сотне.

- А как насчет "Больших Надежд"? Мне нужно тридцать экземпляров.

- Конечно, - сказал Мистер Рейнольдс. - Они у меня здесь.

Он передал ей коробку уже с книгами внутри.

- Они есть у вас? Все? Уже подготовленные? - она разрывалась между недоверием и восторгом. В основном был восторг.

- У нас есть любая книга, которая вам может понадобиться, - произнес Мистер Рейнольдс, подмигнув ей из-за своих очков, напоминающих бутылочное стекло Кока-колы. - Просто попросите.

- Любая книга, которая мне понадобится? Это похоже на рай, - сказала она с улыбкой.

- Это библиотека, - сказал в ответ он. - Для меня это то же самое.

В этот самый момент, Гвен поняла, что должна остаться в этой школе до конца своей жизни. Это были ее люди.

Гвен подписала листок бумаги для ее книг, и мистер Рейнольдс снял ее копию экземпляра, через копирку и отдал его. Копирка? Забавно. Еще немного "древности", что выжила и процветает в Маршале. Эта школа была странной, но это были хорошие странности. Такие же, как и у нее.

Похоже, директор Йорк был намерен дать своим ученикам классическое образование. Никаких современных технологий поблизости. За исключением, электричества и старинного телефона на третьем этаже главного здания, она не

заметила никакой техники. Ни мобильных телефонов, ни ноутбуков, ни Киндал или iPad. Вместо этого, студенты читали книги в кожаном переплете и прилежно писали, сгорбившись за партами в библиотечных залах. Из окна кухни своего дома она увидела несколько учеников на лужайке, играющих в упрощенную версию бейсбола. Без принимающего, только подающий и отбивающий, и несколько мальчиков, разбежавшихся вокруг баз. Их смех и игривые подшучивания привлекли ее внимание на целый час.

В тот вечер Гвен поужинала в столовой. Она сидела с мистером Прайсом, который рассказывал ей о всех своих годах, проведенных в Маршале. По его словам, он провел здесь уже двадцать лет и наслаждался каждым днем.

- А директор Йорк? - поинтересовалась она, пытаясь сохранить голос безразличным. - Как давно он здесь?

- Десять лет, - ответил мистер Прайс. - Мы беспокоились, что новый директор англичанин, когда он пришел. Мы не знали, сможет ли он вживиться.

- Не похоже, что нет, - Гвен посмотрела в другой конец комнаты, где стоял директор Йорк и тихо разговаривал со студентом. У студента в руках была тетрадь, похоже, они обсуждали домашнее задание.

- Он удивил нас всех. В этом месте он как рыба в воде. Никогда не встречал в своей жизни более преданного директора. Хороший человек.

- Хороший человек, когда не собирается убить студентов, правда? - подразнила она.

Мистер Прайс хихикнул.

- Моя дорогая, этот человек отдаст жизнь ради любого из этих мальчиков, и они это знают. Я не могу сказать, кто кому более предан - директор студентам или студенты директору.

Предан? Какое странное слово, применяемое для описания студентов и директора. Чувствовала ли она преданность по отношению к своим учителям? Не это ей вспоминается. Привязанность? Да. Но преданность? Это почти военный термин. Патриоты были преданными. Солдаты были преданными. Считали ли себя студенты кавалерами, молодыми рыцарями на обучении, преданными Королю Эдвину Йорку? У него безусловно была королевская манера поведения. Голова высоко поднята, крепкие скулы, идеальная осанка, широкие плечи, которые больше напоминали плечи солдата, нежели учителя. И такой проницательный взгляд. Каждую секунду он бросал взгляд в ее сторону, и она чувствовала его на себе так же, как и видела.

Что он пытался увидеть, когда смотрел на нее? Она не знала, но ей нравилось то, как он на нее смотрел. Ей было интересно, был ли он одинок здесь, в школе, со всей этой ответственностью, не имея никого, с кем можно было поделиться. Может, она могла бы облегчить его бремя, взяв себе литературные классы. Он очаровал ее. Что побудило мужчину из самой Англии неизвестно куда стать директором в частной школе из шестидесяти учеников? Был ли он разведен, или Лайрд и Кристофер лишь предполагали? А если был - что произошло? Она приехала с ним в Америку и возненавидела жизнь здесь? Он бросил ее? Она бросила его? Гвен, безусловно, могла разделить чувство брошенности. Они должны обсудить это, узнать друг друга. Если директор Йорк был наполовину так хорош и благороден, как говорит о нем мистер Прайс, то подружиться с ним пойдет ей только на пользу. Если он был королем, и студенты были его рыцарями, конечно же, он мог принять леди ко двору.

Гвен вернулась в свой дом после ужина и стала перечитывать "Большие Надежды" в третий раз. Ей не понравилась эта книга в старших классах. Но преподаватель в колледже открыл эту книгу для нее заново, показав ее секреты. Сейчас она любила ее и надеялась, что и мальчики полюбят ее тоже.

Она была настолько поглощена чтением, что стук в дверь чуть не заставил ее сердце выпрыгнуть из груди, снова.

- Прекрати это, Гвен, - упрекнула она себя. Она так может и привыкнуть к тишине у подножия этих гор. Глубоко дыша, пытаясь успокоить бешеный ритм сердца, она подошла к двери и открыла ее, ожидая снова увидеть на крыльце Лайрда и Кристофера. Но нет, по ту сторону стоял директор Йорк. И речи быть не может об успокоении. Ее сердце забилось еще быстрее в его присутствии. Ей действительно придется многое обсудить со своим сердцем об этой дурной привычке.

- Почему, скажите на милость, вы это сделали? - возмутился директор Йорк. Даже в восемь часов вечера в субботу на нем был одет костюм-тройка, в то время, как на ней джинсы и майка.

- Сделала что?

- Открыли дверь.

- Вы постучали.

- Да, но сначала, вы не спросили кто за дверью. Я мог быть убийцей, в конце концов.

Гвен посмотрела на него, прищурившись.

- Если бы на моем крыльце стоял убийца, вы думаете, он бы сказал мне об этом? - спросила его Гвен.

- Вы должны спрашивать, прежде чем открывать дверь.

- О, прекрасно, - произнесла она, захлопнув дверь у него перед носом.

Снова послышался стук в дверь.

- Кто там? - спросила она игривым тоном.

- Джек Потрошитель, - прозвучал ответ.

Она открыла дверь.

- Господь Всемогущий, юная леди. Вы хотите собственной смерти, - произнес он с выражением абсолютного разочарования на лице. Абсолютное разочарование на его лице выглядело так красиво, что она решила разочаровать его еще раз.

- Мне он кажется довольно интересным. Я бы с удовольствием с ним поговорила

- До или после того, как он вас убьет?

- Одно из двух. Не хотите зайти, директор?

- Это было бы крайне неуместно.

- Мистер Прайс был здесь ранее сегодня и помог мне с плитой. С мистером Рейнольдсом мы завтра будем пить чай.

- Мистер Прайс и мистер Рейнольдс оба вдовцы и старше.

- В то время как, вы молоды, красивы и одиноки, и ваши студенты пытаются найти вам жену, - парировала Гвен.

- Ничего из вышеперечисленного не является правдой, - сказал он выпрямившись.

- Я позволю себе не согласиться, - заметила Гвен.

- Я стар, уродлив и был женат.

- Вы не выглядите старше сорока лет, вы очень привлекательны, и мальчики любезно предоставили мне информацию о том, что вы разведены. Это делает вас одиноким, нравится вам это или нет.

Директор Йорк сделал глубокий вздох, чтобы успокоиться.

- Мисс Эшби.

- Вы можете называть меня Гвен, - сказала она.

- Мне не нравится это имя, - подчеркнул он холодно.

- Вы хотите его изменить?

Он посмотрел на нее, прищурив глаза.

- Я думаю, я мог бы называть вас Гвендолин?
- Можете, - сказала она. - Гвендолин Энн Эшби, к вашим услугам.
- Тогда мисс Эшби.

Директор Йорк оставался на ее крыльце, выглядя привлекательным и сердитым одновременно. Она, вероятно, потеряет сознание, если когда-нибудь увидит его улыбающимся. Такое событие будет стоить травмы.

- Я пришел сюда по делу, - сказал он, наконец.
- Да?
- Да. Однако, я не могу вспомнить по какому.
- Может, выпить со мной чаю?
- Я бы никогда не пришел к вам на чай. Это крайне...
- Неуместно?
- Именно.
- Конечно. Хорошо известно, что чай вызывает пристрастность и страстное желание.

Глаза директора расширились от удивления.

- Я учитель английского, - напомнила она ему. - Я знаю длинные слова. Вы вспомнили зачем приходили?

- Еще нет.
- Может, вы пришли обсудить то, как неловко, что ваши студенты пытаются нас свести.
- Нет, не для этого.

- Вы хотели быть любезным и узнать, как я обустроилась? Спросить меня, нужна ли мне помошь, или, может, вы могли бы сделать мое пребывание здесь еще более приятным? - спросила она. Может целоваться на ее диване в гостиной? Последний вопрос она не озвучила.

- Нет, это тоже не то.
- Я так не думаю.

Директор Йорк пристально посмотрел на нее.

- Что? - спросила она с притворной невинностью. - Вы же не зашли просто увидеть меня?

- Нет... нет, конечно, нет.
- О чем я думала?
- Вы обустраиваетесь? - поинтересовался он, по-видимому, уже не пытаясь вспомнить причину своего визита. - Могу я чем-нибудь помочь?

- Нет, все хорошо. Мне здесь очень нравится. Я думала, что буду скучать без интернета и телевизора. Но это странно... я чувствую, будто могу здесь яснее мыслить.

- Вы можете услышать здесь свои мысли. Хотя, это не всегда желательно.

Гвен облокотилась на дверной проем и скрестила руки на груди.

- Я полагаю, как у директора, у вас всегда крутится много мыслей в голове.
- Я забочусь о шестидесяти мальчиках-подростках.

Гвен рассмеялась и закивала головой.

- Они хорошие дети. Я уже это вижу.
 - Спасибо. Я очень горжусь ими.
 - У вас есть свои дети? - спросила Гвен.
- Директор покачал головой.
- Нет. И мальчиков мне более, чем достаточно.
 - Могу себе представить.
 - Я предполагаю, у вас нет детей?

- Нет, никогда не была замужем. Мне нравится учить детей, так что, я, в любом случае, чувствую себя родителем. За исключением момента, когда отправляю их домой.

- Здесь их не надо отправлять домой. У них бывают каникулы, но они находятся здесь круглый год.

- И им нравится это? Быть здесь круглый год?

- У многих из них нет выбора. Половина из них - сироты, как и вы. Они здесь на полном обеспечении. Им некуда больше пойти.

- Половина - сироты? - Гвен с трудом могла в это поверить. - Даже Лайрд? - Ей не верилось, что такой жизнерадостный мальчик потерял свою семью.

- Нет. Но эта ситуация так же прискорбна. И полностью конфиденциальна. Излишне говорить, что он не был в безопасности дома. Сейчас он вне опасности. Я проследил за этим.

- Могу я вам кое-что сказать?

- Не могу представить, что в моих силах остановить вас, даже если захочу.

- Вы мне нравитесь.

- Вы говорите ужасные вещи.

- Почему? - рассмеялась в ответ Гвен.

- Будет лучше, если я вам не буду нравиться, мисс Эшби. И абсолютно точно, к лучшему, что мне не нравитесь вы.

- Потому что вы здесь директор? Все хорошо. Мы же можем быть друзьями?

- Мальчики очень хотят видеть вас здесь. Но они еще молоды. Многие из них потеряли своих матерей, поэтому, им хотелось бы, чтобы на кампусе снова была женщина. Но они не до конца понимают, чем вы жертвуете, чтобы остаться здесь.

- Послушайте, я знаю, что это отдаленное место. И это определенно не такая школа, в которой я когда-либо преподавала. Но это ни коим образом не является жертвой. Все, чего хочет любой учитель - это класс, полный умных и увлеченных студентов, и директор, который доверяет его методам преподавания.

- Я еще не знаю ваших методов преподавания, мисс Эшби. На меня не так легко произвести впечатление.

- У вас есть совет?

- Простите? - Директор Йорк посмотрел на нее так, словно у нее выросла вторая голова.

- Я спрашиваю, можете ли вы дать мне совет? Вы здесь уже десять лет. Вы знаете лично всех учеников. Конечно же, вы можете что-то посоветовать, - сказала она, надеясь увести его от разговора об ее уходе.

- У меня есть совет. Множество советов.

- Я буду рада, если вы поделитесь со мной мудростью из вашего переполненного рога изобилия, - произнесла Гвен, пытаясь сохранить серьезное выражение лица. - Может, за чашечкой чая на кухне?

Директор Йорк поднял руку и помахал пальцем перед ней.

- Вы не проведете меня, вы не заставите меня так легко выпить вашего чая вожделения, мисс Эшби.

- Стоило попробовать.

- Приятного вечера. Я оставляю вас, чтобы вы смогли поработать над вашими лекциями для следующей недели.

- О, я уже их закончила. Думаю, вместо этого, я расслаблюсь в той огромной прекрасной ванне, - сказала она просто, чтобы рассердить его. Она надеялась, что он представлял ее голой и мокрой. Она точно хотела бы увидеть его голым и мокрым. Или хотя бы голым. Она не привередлива.

- Вы - ужасный человек, - произнес директор Йорк. - Самый ужасный, которого я когда-либо встречал.

- Вы тоже мне нравитесь, Эдвин, - сказала она.

- Вы уволены.

- Вы не можете уволить меня до того, как примите на работу.

- Тогда я уволю вас в пятницу в полдень.

- Значит, я буду очень стараться всю неделю. Не хотите зайти на чай?

Директор Йорк тяжело вздохнул, покачал головой и ушел, не сказав ни слова в ответ.

- Чтобы получить желаемое, надо потрудиться, - сказала она, после того, как он исчез из вида. - Но вы выпьете со мной чаю до конца этой недели.

Она закрыла за собой дверь и заперла ее. Казалось нелепым запирать дверь в таком отдаленном месте. Но снова... Директор Йорк сказал, что она была единственной женщиной на кампусе. Возможно, он прав. Она заперла дверь, как он приказал. Лучше быть в безопасности, чем быть убитой Джеком Потрошителем в своей кровати.

Гвен направилась наверх в ванную комнату и пустила горячую воду. Она дразнила директора Йорка разговором о ванне, но как только она это сказала, она поняла, что именно так хочет провести оставшийся вечер.

Одна в своей ванне, плавая в горячей воде, она представляла, как целует директора Йорка. «Эдвина», - поправила она себя. Эдвин... она же не будет называть его «директор Йорк» во время поцелуя? Только, если его интересуют такие вещи. Она гадала, как он целуется. Жадно и страстно? Медленно и нежно? Сексуально и обжигающе? Все вместе? Она не знала, как? Но она знала одно - она хотела это выяснить.

Лайрд и Кристофер упомянули, что он разведен. Любопытно. Он не был похож на разведенного. Больше похож на тип "терпит до самого конца". Отсутствие влечения кажется не самым правдоподобным объяснением для развода. Эдвин Йорк - привлекателен и умен, и трудоустроен - три святых качества хорошего мужчины. Какая здравомыслящая женщина выгонит его из своей жизни? Она могла только гадать, что произошло между мужем и женой. Или, она могла предполагать, пока Эдвин сам не рассказал бы ей всю историю. И она бы заставила его все рассказать. Она хотела знать все о нем: что ему нравилось, что он ненавидел, какая у него любимая песня, любимая еда, о чем он мечтает по ночам, на что надеется, о чем тоскует, чего жаждет в постели и вне ее.

- Эдвин... - она произнесла его имя вслух. Какое прекрасное старое английское имя. Она бы с удовольствием простонала его ему на ушко, пока он был бы глубоко внутри нее.

- Гвен, держи себя в руках, - приказала она себе. На сегодня больше никаких сексуальных фантазий о красивом боссе. Она исчерпала свой лимит. Горячая вода на теле порождала опасные мысли в голове.

Она обернулась мягким белым полотенцем и ступила на кафельный пол. Она удостоверилась, чтобы шторы на окнах были задернуты. В последнюю очередь, ей нужно было, чтобы студенты увидели обнаженной своего нового учителя литературы. Сложно заслужить уважение шестидесяти юношей, когда они мысленно раздеваются, один или двое из них уже, вероятно, это сделали, все-таки, они молодые мужчины. Тем не менее, не стоит усугублять ситуацию, выставляя себя напоказ перед всей школой.

Как только она оказалась в спальне, то стала рыться в своих вещах. У нее было несколько шелковыхочных сорочек, но она решила спать в полностью закрытой

фланелевой пижаме. Это показалось наиболее умным решением для единственного учителя женского пола в школе для мальчиков.

Гвен стянула покрывало с кровати, но не стала ложиться.

Она почувствовала какой-то запах. Ее тело замерло, когда она вдохнула.

Дым. Она почувствовала запах дыма, резкий и едкий с оттенком смерти, словно сбитое животное спеклось на горячем шоссе.

Гвен ринулась к окну в поисках признаков пожара на небе.

Ничего. Нигде не видно дыма. Ни от зданий, ни из леса, окружающего их, нигде. Она сбежала вниз по лестнице и стала всматриваться в окна. Ничего не горело куда бы она ни посмотрела. Все же, ее сердце бешено билось. Она проверила каждую комнату в доме. Даже плита была холодной.

Гвен поднялась по лестнице и встала у окна. Откуда же шёл этот запах? Она поговорит об этом завтра с директором Йорком. Может, что-то подозрительное происходило в лесу? Кто-то сжигал мусор или фирма сбрасывала химические отходы, или что-то хуже? Она не хотела, чтобы кто-то из мальчиков заболел от этого запаха. Он определенно вызвал у нее тошноту.

Она открыла окно в спальне, чтобы проветрить. Один глубокий вздох, и дым из ее ноздрей исчез, его сменил чистый лесной воздух.

Гвен вдыхала снова и снова, наслаждаясь свежим, прохладным ночным воздухом. Она могла почувствовать лес вокруг: кору деревьев, сочную листву, богатый чернозем гор Каролины. К ней вернулось умиротворение. Она будет спать как убитая.

Когда Гвен открыла глаза, ее тело похолодело от чистого неподдельного ужаса.

Кто-то бродил вдоль края двенадцатиметровой школьной стены. Шел вперед с легкостью, как у эквилибриста. Директор Йорк говорил, что она была единственной женщиной в школе. Никаких девочек-студенток. Никаких женщин-преподавателей. Это невозможно было отрицать. Человек, стоящий на стене, был женщиной, женщиной в белом платье. Платье струилось вниз к ее щиколоткам, как дымка из тонкого кружева и шелка. Оно было похоже на свадебное платье с тяжелыми расклешенными рукавами, свисающими с рук. У женщины были длинные черные волосы, развивающиеся на ветру. Гвен пыталась рассмотреть ее лицо, женщина прятала его за вуалью из кружева и в тени.

Гвен нырнула в свои туфли и побежала из спальни вниз по ступенькам. Черт возьми, почему эта школа должна находиться вне зоны доступа? Она должна была позвонить Эдвину, полиции, всем на свете. Женщина могла быть сумасшедшей. Она понятия не имела, кем была та женщина, но она знала, что ее долгом было защищать учеников от любой опасности.

Гвен выбежала на газон и через двор.

- Эй! - позвала она.

Ответа не было.

- Мэм? - позвала она снова. - Мисс?

Ответа снова нет.

Гвен смотрела на стену, не веря своим глазам.

Женщина исчезла.

Глава 6

Той ночью Гвен почти не спала. Она не могла выбросить из головы образ женщины на стене. Кто это мог быть? Куда она исчезла? Что она там делала? Стены, окружавшие школу, были покрыты плющом и мхом. Кто в белой одежде будет карабкаться на грязные стены? Она искала следы под стеной, но ничего не нашла. За тридцать секунд, что понадобились Гвен обуться и выбежать из дома, женщина просто испарилась.

Должно было быть логическое объяснение. Конечно же оно было. Может, у кого-то из мальчиков была подружка, которая пробиралась в школу его навестить. Но откуда она приходила? Гвен не видела других припаркованных машин. Она забралась на стену снаружи или изнутри? Если кто-то хотел остаться незамеченным, то надел бы все черное и прятался в тени. Эта же девушка была одета в белое и вышагивала взад и вперед по стене.

Это не имело смысла.

Как только стрелка часов прошла 8:00, Гвен выбралась из кровати и оделась. В своих рыжевато-коричневых слаксах и белой блузке она была олицетворением приличия в этот выходной день. Ей не хотелось, чтобы директор обвинил ее в попытке заманить его на чай, одевшись вызывающе. Ни один мужчина за всю историю не был соблазнен женщиной в рыжевато-коричневых слаксах. В любом случае, она сегодня не была настроена флиртовать. Она просто хотела ответов.

Гвен поднялась на четвертый этаж главного здания и постучала в дверь его кабинета. Он не ответил. Она и не надеялась застать его в воскресенье в 8 утра в его рабочем кабинете, и все же, она несомненно чувствовала неловкость, постучав в его личные апартаменты. Но у нее не было выбора, не тогда, когда это касалось безопасности мальчиков.

- Вы, - прозвучало, когда директор Йорк открыл дверь.

- Я?

- Вы упрямые. Я думал, мы уже обсудили вопрос с чаем...

- Забудьте о чае. Я видела привидение, - заявила она. - Не совсем, конечно, привидение. Просто человек, который был там и в следующую секунду исчез.

Директор Йорк смотрел на нее целое мгновение. В это утро он выглядел таким же привлекательным как всегда, но она ухитрилась застать его до того, как он наденет свой пиджак. На нем были черные брюки, белая рубашка, черный с серым галстук и такая же жилетка. Выражение его черных как ночь глаз было невозможно прочитать за стеклами очков.

- Проходите, - наконец произнес он. - Я только что поставил чайник.

Они присели в маленькой, но изысканно обставленной кухне. Она выглядела как кухня из английских сериалов в стиле Арт Деко. Кухня Эркюля Пуаро. Вот, на что она была похожа. Директор Йорк налил ей слабого черного чая, по крайней мере, по ее стандартам слабого, в квадратную кружку, стоящую на квадратном блюдце. Ей нравился стиль Арт Деко, но приходилось пить чай под странным углом.

- Расскажите, что вы видели, - попросил ее директор Йорк, наливая себе в чай молока.

- Я видела женщину в белом.

- Вы же не читали Уилки Коллинз в ванне?

- Нет. И это не такая женщина в белом. Она не была... я не знаю. Она была странной. Но точно была там. В каком-то роде. Пока не исчезла. Уверяю вас, я не сумасшедшая. Я видела ее.

- Я вам верю.

- Да?

- Конечно, - заверил ее директор Йорк. - Вы из тех женщин, которые слишком заняты болтовней, чтобы попутно выдумывать ложь.

Она сжала губы в тонкую линию.

- Я не болтушка.

- Нет. Но ваша речь впечатляет.

- Вокруг школы по ночам бродит женщина, - говорила она со всей важностью и серьезностью. - Мы должны выяснить, кто она. Она может причинить вред кому-то из мальчиков. Я имею в виду, что хождение по стене ночью - не похоже на здоровое поведение.

- Вам не нужно беспокоиться о мальчиках. Женщина в белом еще никого не обидела, и я абсолютно уверен, что она и не собирается - ни сейчас, ни когда-либо.

- Так вы о ней знаете?

- Да.

- Так, кто она? Что она там делала?

- Я не могу сказать, кто она. Иногда ее видят по ночам на кампусе. И это все. Не стоит волноваться.

- О, я волнуюсь. Разумеется, волнуюсь. Как давно она это делает?

- Довольно долгое время, - ответил он. - Мальчики называют ее "Невеста", потому что она, кажется, носит свадебное платье.

- Да, я уловила связь. Не мешало бы поработать над их творческими способностями давать имена.

- Возможно. Но они потеряли к ней всякий интерес. Они даже отказались от попыток поймать ее. Так же следует поступить и вам.

- Как я успела заметить, она молодо выглядела. Она живет поблизости?

- Никто с ней никогда не разговаривал. Мальчики думают, что она просто привидение.

- Привидение? Серьезно? - спросила Гвен, разочарованная, что столь нелепое объяснение было его единственным объяснением. - Я не верю в привидения. Это просто смешно.

- Мальчики верят в привидения. К тому же, мальчикам нравится верить в привидения. Вполне нормально бояться, вполне нормально сказать, что ты не боишься.

Мудрое заключение. Она вспомнила свои начальные классы. Несколько заброшенных хижин были расположены на углу школьного участка. Ученики подзадоривали друг друга пробежать и дотронуться до дома. Якобы, десяток людей были убиты в одной из хижин, и сумасшедший сжег их тела в подвале. Это все было выдумкой и глупостью, конечно. Детям нравилось пугать друг друга. Она с легкостью могла поверить, что мальчики хотели, чтобы женщина в белом была привидением, даже если было ясно, что это не так.

- Вы же не верите, что это привидение, не так ли? - поинтересовалась она у директора.

- Нет, конечно, нет. Но я не говорю этого ученикам. Им нравится подниматься ко мне и рассказывать теории ее происхождения.

- Какова же основная теория?

- Однажды, в этих местах был пожар, в результате которого погибло несколько человек. Она, по-видимому, тоже погибла и сейчас разгуливает по ночам.

- Пожар в лесах? Это объясняет запах дыма, который я почувствовала.

- Вы почувствовали дым? - спросил директор Йорк, опуская чашку чая. - Я не припомню, чтобы кто-то из мальчиков говорил мне о таком.

- Я подумала, может, кто-то поблизости сжигал мусор.

- Школа - единственное жилое место в лесах на мили вокруг. Но ветер разносит запахи на мили. Я думаю, пару раз я чувствовал океан, когда воздух был чист.

Гвен поднесла чашку ко рту и сделала глоток.

- Итак, мальчики думают, что она призрак. Вы так не считаете. Тогда, кто она? Или что она?

- Она не должна вас интересовать, Мисс Эшби. Поверьте мне на слово.

- А я должна? - спросила она.

- Если не будете - я заберу свой чай назад.

- Прекрасно. Я вам верю, - она вздохнула, пока директор Йорк провожал ее до двери. - Мы можем снова попить чай? - спросила она у двери.

- Нет. Никогда.

- А как насчет вина?

- Категорически нет.

- Вода? Вы поделитесь со мной наперстком воды? - дразнила его Гвен.

- Мы в пустыне и это последний наперсток воды? - поинтересовался он.

- Да и да.

Он призадумался, словно всерьез обдумывал ее вопрос.

- Нет.

Он захлопнул за ней дверь, и Гвен молча на неё уставилась. Она не могла понять Эдвина Йорка, и жизнь от этого не становилась легче. Он называл ее милой, но не будет называть ее Гвен. Он отказался пить с ней чай, а затем пригласил ее на чай. Какая загадка. Какая-то головоломка. Ей нужно его разгадать.

Да, это вызов, но она им наслаждается. Кэри никогда не был вызовом для нее. Он был легок, прост. Они пробыли год друзьями прежде, чем сходили на первое свидание. Они влюблялись постепенно и неспешно. Она полюбила его, потому что, его легко было полюбить. Она не знала причин, по которым его можно было не любить. Поэтому, она любила его, так как, любить работающего и доброго мужчину - это благоразумно. В их отношениях никогда не было много страсти. Они были друзьями, которые разделяли постель. Когда он уехал, она скучала по нему, но не настолько, чтобы хоть на секунду подумать о поездке за ним в Африку. Но все эти чувства к Кэри принадлежали прошлой жизни. Жизни, о которой она начала забывать. К тому же был еще и директор...

Ее влечение к директору Йорку было мгновенным, ошеломляющим и неудержимым. Она в своей жизни еще никогда не видела более привлекательного мужчину. Даже его грубость привлекала. Чем больше он притворялся, что она ему не нравится, тем больше она его обожала. Она чувствовала, что у него доброе сердце, и знала, что он отвергает свое влечение к ней из-за чрезмерно развитого чувства приличия. Он - директор. Она - учитель. Даже если студенты хотят видеть их вместе, это не означало, что они должны прыгнуть в кровать.

В любом случае, еще нет.

Она подождет, пока не получит работу.

К вечеру она, практически, забыла о загадочной невесте. Она доверяла директору Йорку. Если он сказал, что Невеста или кем бы она ни была, не является угрозой для школы, то она ему верит. Но это не означало, что она не попытается выяснить кто она или что она, что она и делала, ошиваясь вокруг школы ночью.

В ту ночь Гвен спала как убитая и проснулась в понедельник утром свежей и бодрой. Зазвенел звонок - начало школьного дня. Она надела свою лучшую серую

юбку и блузку, и туфли в стиле 1940-х годов. Она так и не поняла, почему их так называют. Ей просто нравился маленький ремешок на лодыжке.

Девушка сложила все свои заметки в папку, положила ее в сумку на ремне и зашагала с большей уверенностью, чем она чувствовала, в класс. Мальчики, все до одного, пришли вовремя и сидели на своих местах.

- Доброе утро, джентльмены, - поприветствовала она их.

Они все смотрели на нее в тишине.

- Вы можете говорить, - произнесла она. - Я имею в виду, по очереди.

Они продолжали молчать, но она заметила, как они переглядывались и вели безмолвную дуэль - кто рискнет заговорить первым.

- Он хорошо натренировал вас. Лайрд, как у тебя дела?

- Великолепно, мисс Эшби, - ответил он и затем кокетливо отсалютовал ей.

- Прекрасно. Кристофер? Как у тебя дела?

- Превосходно, мисс Эшби, - произнес он немногим писклявым голосом.

- Очень хорошо. Я попытаюсь выучить все ваши имена. Мне понадобится ваша помощь.

Каждый из мальчиков взял по листку бумаги из тетрадей и что-то набросали на них. Гвен наблюдала с любопытством, как они складывали листки вдвое и располагали их на краях своих деревянных парт. Таблички с именами. Они все сделали таблички с именами.

- Что ж, - сказала она, имея перед собой все их имена. - Это очень удобно. Спасибо.

- Нам приходилось делать это для мисс Майр, - объяснил Кристофер, сидевший рядом с Лайрдом.

- Умная леди. Я надеюсь, что смогу занять ее место.

- Сможете, - сказал в ответ Лайрд. - Вы по размеру больше, чем она.

Весь класс захихикал.

- Мальчики, - послышался мужской голос из дверей класса. - Давайте выразим мисс Эшби наше уважение и внимание.

Гвен увидела стоящего в дверях директора Йорка с руками в карманах его пиджака. Похоже, это была его лучшая попытка выглядеть непринужденно и расслабленно. Это был, мягко говоря, полный провал.

- Что вы здесь делаете? - спросила его она.

- Я - Директор. Я наблюдаю. Продолжайте. Делайте вид, что меня здесь нет.

- Хорошо, все залезайте под парты - время вздремнуть!

Класс разразился смехом. Лайрд был уже под своим столом.

- Мисс Эшби? - предупреждающе произнес директор Йорк, растягивая слова.

- Что? Вы сказали сделать вид, что вас здесь нет.

Она ему улыбнулась, но он остался непоколебим.

- Это шутка. Дремать не будем. Давайте начнем. Я подумала, мы прочтем "Большие Надежды" на этой неделе. Чарльз Диккенс. Здесь есть фанаты Диккенса?

Все мальчики подняли руки.

- Я не верю, что вы все - его фанаты.

- Мы прочли "Повесть о двух городах" в прошлой четверти, - сказал Лайрд. - Это была потрясающая история.

- "Повесть о двух городах"? - повторила она. - Это очень впечатляет. Мы читали ее только в колледже.

- Студенты Маршала, - начал директор Йорк, - получают здесь университетское образование на предуниверситетском уровне. Вы можете их проверить. Я уверяю вас, мисс Эшби, они пройдут испытание.

- Правда? - Гвен постукивала пальцами по столу.

- Он прав, - вызвался Кристофер. - Испытайте нас.

Что ж, она не могла устоять перед таким вызовом.

- Испытать вас? Это будет весело. - Гвен посмотрела на директора Йорка, указывающего на класс. Похоже, он подначивал ее так же, как и мальчики.

- Какое важное для английской литературы событие произошло в 1623 году? - спросила она. – Кто знает?

Кристофер поднял руку.

- Первый Том, - ответил он, когда она указала на него. - В тот год были собраны и напечатаны 36 работ Шекспира. Если бы этого не произошло, его пьесы могли быть потеряны для нас навсегда.

- Они были напечатаны и до этого, - добавил Лайрд.

- Да, но Первый Том содержит единственный окончательный вариант двадцати пьес. Людям пришлось бы сидеть в зрительном зале и писать под диктовку. В текстах была путаница.

- Присущая Шекспиру трагедия, - согласилась она. - Почему величайшая работа Данте известна как "Божественная Комедия", когда она таковой не является?

- Я этого не знаю, - ответил Лайрд. - Я смеялся над сценой, когда мужчинанес свою отрубленную голову, как фонарь. Он поднял свою голову в руке, чтобы лучше видеть.

- Я бы не назвала беднягу Бертрана Де Борна шутником, - сказала она. - Однако, это впечатляющая картина.

Молодой человек поднял руку, и она его спросила. На его табличке было написано: "Сэмюэль", и он, к сожалению, был единственным темнокожим студентом.

- Все произведения литературы, - начал он, - были разделены на два классических жанра: комедия и трагедия. Трагедия заканчивается смертью. Комедия заканчивается свадьбой. Раз уж, в конце никто не умирает и Данте - Паломник в завершении становится ближе к Богу, то Данте-Писатель посчитал это комедией.

- Правильно, - похвалила его мисс Эшби. - Кто назовет год первого издания Библии на английском языке?

Мальчик по имени Стивен ответил на этот вопрос. 1526 Уильям Тиндейл. Другой ученик, Джеферсон, с сильным акцентом из Джорджии, прочел наизусть для них Геттисбергскую речь (примеч.: речь Авраама Линкольна — одна из известнейших речей в истории Соединённых Штатов Америки) и изложил это в историческом контексте. Еще 10 вопросов, ответы на которые она узнала в колледже и, даже, работая над дипломной работой, но мальчики отвечали без промедления.

- Хорошо, - одобрила она, кивая головой. - Вы меня убедили. Здесь нет ни одного молодого человека, который завтра же не смог бы поступить в любой колледж страны и преуспеть там.

- Это только верхушка айсберга, мисс Эшби, - подтвердил директор Йорк. - Смотрите! Джентельмены, *virescit vulnere virtus*.

- Смелость приходит в бою, - перевели мальчики.

- *Quoniam diu vixesse denegatur, aliquid faciamus quo possimus ostendere nos vixisse*, - продекламировал директор Йорк.

- Нам отказано в долгой жизни; оставим труды, которые докажут, что мы жили! - ответили ему мальчики.

- Кого мы процитировали, Лайрд?

- Цицерон, - ответил Лайрд.

- *Homines, dum docent, discunt*. Аллан?

- Мужчины учатся, пока учат. Сенека.

Директор Йорк критически посмотрел на нее.

- Женщины тоже, - произнесла она.

- Я не знаю аналог этой фразы на латыни, - сказал Алан. Гвен простила его.

- Deficit omne quod nascitur, - произнес директор Йорк.

- Все, что рождается, умрет. Квинтилиан, - перевел светловолосый мальчик по имени Стэнли.

- И одна последняя на французском, - сказал директор Йорк. - Tous pour un, un pour tous.

- Один за всех и все за одного, - прокричали мальчики все вместе с энтузиазмом.

Гвен зааплодировала.

- Молодцы! Превосходно!

- Эта школа была основана на классических принципах добродетели, здравого смысла и чувства долга, - подчеркнул директор Йорк. - Верность, преданность, стремясь через тяготы, студенты Маршала олицетворяют братство. Образованное население воскресит все общество, целую страну. Образование - это гражданский долг. Один из этих молодых людей может быть следующим доктором Сэлком, открывшим следующую вакцину для больных полиомиелитом в будущем. Они понимают, что они не учатся просто, чтобы поумнеть или впечатлить учителя, а для того, чтобы изменить и произвести впечатление на мир, который дал им жизнь.

- И все же... - Джейферсон с акцентом из Джорджии прервал их. - Мы любим производить впечатление на учителей.

- Я более, чем впечатлена, - высказалась она. - Я горжусь возможностью учить вас.

- Тогда, продолжайте, - сказал директор Йорк, сияя от гордости, словно отец этих мальчиков.

- С удовольствием, - сказала Гвен. Она взяла копии "Больших Надежд" с полки и стала их раздавать. - Я думаю, вам всем понравится эта книга. Кристофер, не прочтешь нам первую страницу?

И они начали. Кристофер стал читать, а класс увлеченно слушал. Она рассказала вкратце биографию Чарльза Диккенса, о его жене и множестве детей. Плодовитый мужчина во многих отношениях - десять детей, пятнадцать книг.

Первый день в классе прошел лучше, чем она могла мечтать. Студенты задавали интересные вопросы о Диккенсе и рассказе, который предстояло прочесть. Что означало название? Диккенс писал много о молодых героях. Писал ли он книги для своих детей? Почему он дал Пипу самое ужасное имя за всю историю литературы? Гвен напомнила мальчикам, что в XIX веке слово "пип" было синонимом слова, обозначающего семена внутри фруктов. Она почти могла видеть, как маленькие лампочки зажигались у них над головами - имя Пип приобрело для них новое значение.

В конце занятия Гвен поручила мальчикам прочесть в тот же вечер первые пять глав книги. Последний раз, когда она проходила "Большие Надежды" с учениками, она задала три первые главы. Казалось, студенты Маршала только преуспевали благодаря сложностям.

Мальчики вышли из ее класса по звонку. Они были шумными, но организованными. Она продолжала ждать, чтобы услышать их ругань, но они культурно разговаривали. Как только все студенты вышли, к ее столу подошел директор Йорк.

- Хороший первый день, - сказал он. - Вы удержали их внимание. И мое.

- Спасибо. Я люблю книгу. Я думаю, это помогло.

- Вы не сможете всегда давать им книги, которые любите.

- Не знаю. Я люблю читать. Я уверена, что смогу найти, что полюбить практически в каждом произведении. За исключением, наверное, "Преступления и Наказания". Ненавижу эту книгу.

- Она немного мрачная, - согласился директор Йорк. - Как и большинство из русской литературы.

- Обещаю, я не буду навязывать мальчикам Анну Каренину.

- Я должен поблагодарить вас от их имени за этот акт милосердия.

- Пожалуйста. Вместо этого они пройдут "Войну и Мир", - добавила она, подмигнув.

- Они прочтут все 1400 страниц, если вы их об этом попросите, мисс Эшби.

- Я сомневаюсь в этом. Однако, они сделают это для вас.

- Это не имеет смысла, - произнес директор.

- Я видела сегодня, как они пытаются произвести на вас впечатление. Вы - их герой, - сказала она.

- Герой? Я? Вряд ли. Шекспир их герой. Цицерон. Сэр Уильям Marshal, в честь которого названа эта школа, вот их герои.

- Они вас обожают. Я еще никогда не видела, чтобы так боготворили героя. Они не старались впечатлить меня. Они хотели, чтобы ими гордились вы.

- Я горжусь ими. Они всегда дают мне для этого основание.

- Я надеюсь, что тоже дам вам для этого основание, - проговорила она.

- Продолжайте хорошо работать и, возможно, так и будет.

Он слегка улыбнулся ей, но и этого было достаточно, чтобы она покраснела.

- Я должна подготовиться к следующему занятию. Это хорошо, что школа такая маленькая. Я могу уделять ученикам много внимания.

- Они обожают личное внимание. У Рассела трудности с пониманием прочитанного. Вы должны заставлять его читать вслух. Он запоминает практически все, когда читает вслух. Но если он читает про себя, то запоминает лишь малую часть.

- Я это запомню. Есть что-то еще, что я должна знать о студентах?

- Очень много.

- Может, нам стоит поговорить о них более подробно. Сегодня. За ужином, - предложила она.

Директор Йорк пристально смотрел на нее. Гвен изобразила широкую улыбку, пытаясь выглядеть невинно.

- Вы - безжалостны, - произнес он. - И упрямые.

- Я вас не прошу о чем-то неуместном, таком, как чай.

- Без чая?

- Без чая и без вожделения. Обещаю. Только ужин и обсуждение тем, касающихся учеников.

- Ну... если мы будем обсуждать только темы, касающиеся учеников...

- Я уверена, вы иногда ужинаете с мистером Прайсом и мистером Рейнольдсом, не так ли?

- Да.

- Разве не будет странным, если мы с вами не поужинаем вместе? Это не будет выглядеть так, словно вы ко мне относитесь по-особенному - игнорируете?

- Мы не можем позволить, чтобы кто-то подумал, что я вас выделил.

- Нет, не можем, - Гвен почти захлопала ресницами, но подумала, что это будет слишком. - Если серьезно, - пыталась Гвен вернуться к теме, - Я действительно хочу быть тем учителем, который нужен этим мальчикам. Это деловой ужин. Нам даже не обязательно смотреть друг на друга. Мы сядем спина к спине и будем разговаривать.

- Прекрасно, - сказал он. Он указал на нее пальцем. - Только разговор по работе. И я позволяю вам со мной поужинать только по одной причине: я хочу, чтобы у моих учеников было самое лучшее образование, насколько это возможно. А не потому, что вы мне нравитесь, и я наслаждаюсь вашей компанией.

- Конечно, нет.

- Хоть она мне и нравится.

Гвен улыбнулась.

- Ужин в восемь? - спросила она.

- Это было бы прекрасно. Но без чая.

- Никакого чая, - пообещала она.

- Хорошо.

- Вместо этого я принесу вино.

Директор только покачал головой и вышел.

Гвен понравилось бы стоять и смотреть, как он уходит. Со спины он выглядел почти так же хорошо, как и спереди.

Но у нее были дела.

Преподавать в классе.

Запланировать лекцию.

Пообедать.

Подготовиться к ужину с директором. Ее не волновало, что он говорил по поводу исключительно деловой беседы. Это все было прикрытием. Она знала это. Он знал это. Они оба знали. Это - не деловой ужин.

Это свидание.

Глава 7

Второе занятие Гвен прошло так же хорошо, как и первое, а третье даже лучше. С таким небольшим количеством учеников каждое занятие больше походило на дружескую беседу, нежели попытки удержать всех вместе, как это было на ее предыдущей работе. У этих детей были манеры, настоящие манеры, старомодные манеры. По всей видимости, директор научил их как себя вести. Она обязательно должна поблагодарить его сегодня вечером за этот неожиданный подарок.

Сегодня вечером... у них с директором будет ужин. Она собиралась вести себя хорошо. Никакого флирта. Никаких подразнений. Будет очень неприятно, если директор подумает, что она желает получить свою постоянную работу через постель. И все же, когда встал вопрос об одежде, она выбрала свой самый симпатичный наряд - синее платье без лямок, черный кардиган и в тон к нему черные сандалии. Платье доходило до колен, но едва прикрывало их. Было время и место для консервативной одежды. Но не на "деловом" свидании с директором.

С трепетом она вышла без пяти минут восемь. Она была уверена - ее провожали взгляды всю дорогу от ее дома до Хоквуд Холла. Следили ли мальчики за ней, как она проходит через весь двор, в платье и с распущенными и завитыми волосами? Знали ли они, куда она идет? Может, ужин с директором был плохой идеей? И в то же время, она не могла отступиться. Она поднялась на пятый этаж и подняла руку, чтобы постучать в дверь. Ее в равной мере охватили нервозность и возбуждение. Это случилось снова - перед ней новый путь. Все внутри говорило следовать вперед. Что-то еще говорило бежать назад. Но куда назад? Ее прошлой жизни больше не было. Все, что ее ждало за пределами этой школы - это диван в Чикаго. Нечего терять. Зато приобрести можно все.

Она постучала.

Он открыл дверь, и Гвен не сразу его узнала. Он был одет в обычный костюм-тройку, но без пиджака. Но не это ввело ее в замешательство, а его лицо.

- Где ваши очки? - поинтересовалась она, впервые увидев его ничем не прикрытое лицо.

- Чтобы поужинать мне не нужны очки. Они необходимы для дальнего расстояния и чтения, - объяснял он, снова впуская ее в свои апартаменты.

- Вы выглядите по-другому, - подметила она, стоя перед ним и рассматривая его лицо с неприкрытым любопытством.

- Что-то не так с моим лицом? - спросил он.

- Я думала ваши глаза темно-синего цвета, но они больше темно-зеленые, ведь так?

- Не знаю. Я никогда не проверял.

Она закатила глаза.

- Я ни за что в это не поверю. Каждый знает, какого цвета у него глаза.

- Определенно нет, - парировал он, провожая ее в столовую. Ужин уже был подан на белом превосходном фарфоровом сервизе. Две длинные конусообразные свечи освещали их стол.

- Все знают, какого цвета их глаза, только если не страдают слепотой, - утверждала она в то время, как директор Йорк выдвигал стул для неё. Она присела и спрятала колени под юбкой.

- Какого цвета ваши глаза? - спросил он.

- Голубые, - ответила она ему. - Скучный, обычный голубой.

- Моя точка зрения доказана. - Он сел напротив нее и положил себе на колени салфетку. - У вас совсем не голубые глаза.

Его акцент заставил ее улыбнуться. "Совсем" прозвучало как "всем". Она захотела, чтобы у нее была с собой телефонная книга, чтобы она смогла попросить его прощать ее.

- Они голубые. Я их видела. И не один раз.

- А вот и нет. Они лазурного цвета, такой же цвет используют в геральдике. Лазурный - это оттенок драгоценного камня. А также, он символизирует Юпитер. Это благородный цвет, который наносят на герб в благородных Французских домах. Назвать ваши глаза голубыми - это словно называть изумруд - зеленым или рубин - красным. Изумруд - изумрудный. Рубин - рубиновый. Ваши глаза - лазурные. Я видел драгоценные камни на короне, и они блестели меньше, чем ваши глаза. Итак, - продолжил он. - Вы не правы. Я прав. А сейчас ешьте свой ужин.

Гвен сидела в растерянности, пока Директор Йорк подносил ко рту бокал и делал глоток. Она положила свою салфетку на стол и встала.

- Что вы делаете, мисс Эшби? Я уверен, что сказал вам есть свой ужин.

Она подошла к его краю стола и забрала у него бокал с вином.

- Я поем, Эдвин, - произнесла она. - Но сначала, мне нужно кое-что сделать.

- Что? - спросил он с крайней подозрительностью.

- Это. - Она наклонилась и поцеловала его. Как только их губы встретились, она почувствовала ток, проходящий сквозь нее, как маленький удар молнии. Ее кожа на всем теле заискрилась от возбуждения. Она выпрямилась.

- Это был безрассудный поступок, - сказал Эдвин. Теперь, когда она его поцеловала, она могла думать о нем только как об Эдине.

- Разве?

- Да.

- И мне не стоит этого больше делать?

- Я этого не говорил.

Улыбаясь, Гвен вернулась к своему месту и ужину.

Они ели. Они разговаривали. Они практически не отклонялись от темы. К сожалению. Гвен желала знать все об Эдвине Йорке, но она узнала только одну вещь в этот вечер об Эдвине Йорке - Эдвин Йорк не любит говорить о себе.

Это, наверное, "британские" заморочки.

- Так я ничего не получу? - спросила она, когда они опустошили второй бокал вина.

- Что конкретно вы хотите получить от меня, мисс Эшби? - Он отставил в сторону уже пустой бокал и изучал ее лицо через весь стол.

- Что ж... для начала, я хотела бы, чтобы вы называли меня Гвен.

Он тяжело вздохнул. Настолько тяжело, что это заставило ее рассмеяться.

- Гвен, - произнес он один - единственный раз.

- Это ведь не больно, нет?

- Нет, я бы не сказал, что это больно.

- Хорошо.

- Тем не менее, я бы сказал, что это раздражает.

- Эдвин.

Он уставился на нее.

- Вы назвали меня Гвен. Это негласное разрешение называть вас Эдвин.

- Очень хорошо. Но только пока не пройдет хмель от вина.

- Пока на вас действует вино... расскажите мне о себе. Пожалуйста? - Она добавила в конце "пожалуйста", чтобы это прозвучало, как скромная просьба, а не приказ. Она не хотела испытывать судьбу.

- Что конкретно вы хотите знать обо мне?

- Что вы здесь делаете?

- Я здесь живу, Гвен.

- Вы понимаете, о чем я. Почему англичанин живет у подножья гор Аппалачи?

- Работает.

- Вы мне не уступите, нет?

- Это предполагался рабочий ужин. Ваши вопросы должны ограничиваться только интересами школьных дел.

- Тогда расскажите мне о школьном директоре.

- Вы недисциплинированы.

- Это одно из моих лучших качеств.

Эдвин посмотрел на нее через весь стол, изогнув бровь. Между ними было четыре фута стола, и это было слишком много.

- Хорошо, хорошо, хорошо, - сказала она, поднимая руки в знак поражения. - Тогда, расскажите мне вот что. Почему вы сказали, что здесь шестьдесят учеников? Я насчитала только тридцать. Остальные на каникулах?

Эдвин отвел взгляд в сторону. Это был первый раз, когда он избегал зрительного контакта с ней.

- Эдвин? - настаивала Гвен. - Что случилось с остальными учениками? - Его нежелание отвечать, придавало еще больше важности ее вопросу.

- Я сделал кое-что в прошлом году, из-за чего некоторые родители и опекуны забрали своих детей из школы. Было сложно смириться с их утратой.

- Вы кое-что сделали? Что, ради Бога, вы могли такого сделать, чтобы спугнуть тридцать учеников?

- Я уверяю вас, они хотели остаться. Сказать, что тогда был плач и скрежет зубов - это еще большое преуменьшение.

- Так, что же вы сделали, что заставило семьи забрать своих детей из школы?
- Я интегрировал школу.

Гвен была поражена и изумленно смотрела на него, это длилось целых тридцать секунд.

- Сэмюэль, - произнесла она.

Эдвин кивнул.

- Тридцать студентов покинули школу потому, что вы приняли Сэмюэля? Какого черта?

- Гвендолин!

- Извините. Хотя... нет, - воскликнула она, хлопнув рукой по столу. - Я не извиняюсь. Это стоит того, чтобы выругаться.

- Слава Богу, здесь нет детей.

- Они не дети. Они подростки. Я уверена, они слышали слова и похуже. А теперь скажите мне, что вы шутите.

- Я бы не стал шутить о таких вещах. Никогда. Но я бы хотел, чтобы это было шуткой. Сэмюэль написал в школу в прошлом году с просьбой принять его. Его уровень IQ вне конкуренции, и у него были проблемы в старшей школе в Алабаме. Недостаточно поощрения. Слишком много издевок. Я выслал ему вступительный экзамен. Он прошел его с самым лучшим результатом за всю историю школы. Я предложил ему полную стипендию. Он приехал и...

- Я не могу в это поверить. Я знаю, что Северная Каролина не поклонница либерализма, но я не думала, что они застряли в 1950-х.

- Сэмюэль вызвался покинуть школу. Я сказал ему, что я, скорее, закрою школу, чем позволю ему это. Он остался. Тридцать учеников уехали. В конце концов, может это и к лучшему...

Его голос стих, и он отвел взгляд.

Гвен сидела в тишине, и позволила сказанному Эдвином проникнуть в ее сознание. Половина коллектива покинула школу за один раз. И он был прав - он сделал единственный правильный выбор, особенно, для человека с присущим ему чувством справедливости и честности. Он сделал единственное, что мог. А сейчас она сделает единственную вещь, которую может.

Гвен встала, обошла стол, нагнулась и оставила на его губах быстрый поцелуй.

Снова.

Она выпрямилась и ждала реакции.

- Это проявление бесчестности, - заявил Эдвин, бросая свою салфетку на стол.

- Разве? - спросила она, неожиданно занервничав.

- Худший поцелуй за всю историю поцелуев.

- Что? Думаете, можете лучше?

- С закрытыми глазами.

- Разве не так все...

Эдвин поднялся, обхватил ее за шею сзади и, поцеловав, перенес прямо на страницы книг исторических любовных романов.

Это был глубокий поцелуй, жесткий поцелуй, крепкий поцелуй, обессиливший ее поцелуй. Она обняла его плечи и прижалась грудью к его груди, что сорвало негромкий стон с его губ. Или ее. Она не могла сказать и, определенно, ей было все равно. Какое это имело значение, если Эдвин прижал ее спиной к стене. У человека настолько сдержанного, настолько скрытного и замкнутого, было слабое место. Слава Богу, она, наконец-то его нашла.

- Эдвин, - шептала она ему в губы, чувствуя волну удовольствия в животе, лишь, произнеся его имя. Он ничего не ответил. Ничего не могло отвлечь его от ее губ. Она

приподняла голову, давая ему больший доступ к шее. И он принял это, оставляя дорожку из поцелуев от щечки до уха, заставив ее задрожать. Он укусил ее за шею, и она ловила воздух ртом от удовольствия ощущать его зубы на ее коже. - Больше, - умоляла она.

Он немного отодвинул ее и обхватил ее талию своими широкими ладонями. Она выгнула спину, и он целовал ее в центр груди, прямо под ключицей. Она хотела, чтобы он раздел ее, уложил на стол, сбросил посуду и погрузился в нее. Она отчаянно желала его внутри себя... но Эдвин сдерживался и лишь дразнил ее руками сквозь платье, а не под ним, как она этого хотела.

Гвен сделала отчаянный вздох, когда он спустил кардиган, оголив ее плечо и оставляя на нем свои поцелуи. Но этого было недостаточно - позволить ему целовать себя. Она вцепилась пальцами в узел галстука и ослабила его. Она умрет, если не доберется до его шеи. С неистовством она стянула его галстук с шеи на пол, где и было ему место. Она расстегнула первые две пуговки на его рубашке и прильнула губами к впадине у его горла. Ее пульс ускорился. Она почувствовала его невероятную эрекцию, упирающуюся ей в живот, в то время, как целовала его шею и грудь. Гвен толкнулась бедрами ему навстречу, и Эдвин зарычал у ее уха. Она никогда не слышала более эротичного звука, чем это маленькое, неконтролируемое высвобождение удовольствия. Его палец впился ей в спину. Как мог один лишь поцелуй, ощущаться так хорошо, так властно? В его руках она могла потерять контроль над собой в любой момент.

- Займись со мной любовью, Эдвин, - прошептала она ему.

И после этого чары спали. Поцелуй оборвался так внезапно, что она чуть не упала на колени, потеряв опору его рук. Она держалась за стену, чтобы не упасть. Эдвин сделал шаг назад.

- Что? - спросила Гвен, задыхаясь. - В чем дело?

- Я прошу прощения за свое поведение, - произнес он, застегивая пуговицы на рубашке.

- Извиняешься за то, что целовали меня? - спросила она, слишком потрясенная, чтобы ясно мыслить.

- Я думаю, вам лучше уйти, мисс Эшби.

Она пристально смотрела на него крайне изумленная и чрезвычайно оскорбленная.

- Мое имя - Гвен, - сказала она.

- Я думаю, вам нужно уйти мисс Эшби, - повторил он. - Я - директор этой школы. Вы - учитель в ней. По крайней мере, на эту неделю. Мы должны вести себя соответствующе.

Гвен поправила кардиган, прикрывая себя, и сделала глубокий вздох, чтобы успокоиться.

- Я шутила до этого, когда говорила, что вы мне не нравитесь. Я сейчас не шучу. Вы даже не будете говорить со мной об этом?

- Здесь не о чем говорить.

- Ваш язык был у меня во рту тридцать секунд назад, и сейчас вы говорите мне уйти.

- Я прошу прощения за это.

- Это... это очень невежливо, - произнесла она, и заметила по его взгляду, что ее упрек попал в цель.

Она повернулась к нему спиной и вышла. На третьем этаже она мысленно перебирала все причины, по которым его ненавидит. На втором этаже она начала

корить себя за то, что поцеловала его первой. На первом этаже ей пришлось зайти в ванную комнату, чтобы вытереть слезы с лица.

Несчастных полчаса она отсиживалась в ванной комнате, пока к ней не вернулось хоть какое-то подобие самообладания. Ей казалось, что несколько мальчиков заметили, как она заходит к директору. Если они увидят ее уходящей с опухшим лицом и в слезах, то они, вероятно, подумают, что он сделал что-то не подобающее по отношению к ней. Несмотря на всю свою злость, она не хотела, чтобы кто-то подумал, что он ей навредил. Никакого вреда. Он всего лишь растоптал ее гордость своей внезапной холодностью. Она попросила его заняться с ней любовью, и он оттолкнул ее так, словно она призналась в убийстве. Он даже извинился за то, что целовал ее, и это было самым жестоким с его стороны. Мужчины извиняются только в том случае, когда считают, что поступили неправильно, совершили что-то, о чем жалеют. Это был самый страстный, чувственный и крышеносный поцелуй в ее жизни, а он извинился за него.

Как только она была полностью уверена, что может выглядеть спокойной и собранной, она покинула ванную и направилась назад в коттедж. Она заварила чашку чая и села за кухонным столом, размышляя, что же пошло не так. Эдвину было за сорок, и он разведен, соответственно она знала, что он был, по крайней мере, с одной женщиной за всю его жизнь. Судя по его одержимости вежливостью и правилами приличия, она могла бы подумать, что он девственник, если бы не знала о его браке. До этого вечера она находила его старомодные манеры очаровательными и оригинальными. Сейчас же, они задевали ее и приводили в ярость.

В тот вечер она изо всех сил постаралась сконцентрировать внимание на работе. Она читала, делала заметки, придумывала интересные темы для дискуссий в классе на следующий день. Той ночью она мало спала, и виной тому была не загадочная невеста.

Ее настроение улучшилось, когда она вошла в класс на следующее утро. Мальчики были готовы к разговору. Каждый из них прочел главы, которые она задала, и все десять мальчиков приняли участие в дискуссии. Лайрд посчитал интересным то, что Пип любил такого бессердечного человека, как Эстелла. Гвен обосновала это тем, что люди склонны хотеть то, чего не могут хотеть, даже если это им во вред. Лайрд кивал с пониманием.

- Как я и молочные продукты, - сказал Джейферсон. - Не очень хорошее сочетание.

- Расскажи нам об этом, - ответил ему Лайрд, щелкнув его по носу.

Гвен все ждала, когда появится Эдвин и будет наблюдать за ее уроком, как он сделал это вчера, но он так и не показался. Ни на ее первом занятии, ни на втором, и даже на лекции после обеда. Еще долгое время после того, как последний ученик покинул класс, она сидела за столом над конспектами. На ее столе внезапно появилось яблоко.

Она подняла взгляд и увидела по-доброму улыбающегося Лайрда.

- Для вас, мисс Эшби, - сказал он. - За школой есть фруктовый сад. Я подумал, вам нужна улыбка.

- Спасибо, Лайрд. Я ценю это. - Она взяла большое красное яблоко в руку.

- Дайте ему время, - добавил Лайрд тихим заговорщическим тоном. - У него давно не было практики.

- Ты опять играешь роль свахи?

- Говорят, каждому Адаму нужна Ева, - подмигнув, произнес он и оставил ее одну с яблоком. Она откусила от него большой кусок и представила, что это сердце Эдвина.

По окончанию последнего урока в пятницу, Гвен вышла из Хоквуд Холла через заднюю дверь. Ей необходимо было пройтись, размять ноги и подумать. Они с Эдвином не разговаривали с вечера понедельника, когда они разделили поцелуй, изменивший их жизнь. Она знала, что очень чувственна, всегда была. Она должна была оставаться спокойной и адекватной, пока мир вокруг нее рушился после смерти отца. И сейчас один поцелуй был таким ошеломляющим, что она обдумывала проживание в школе "на краю света", без интернета, с одним телефоном и директором, который делает ее безумной, неосторожной и доводит до бессознательного состояния, особенно, когда целует ее. Но она не могла принимать решения сердцем или телом. Ей необходимо думать головой. И та подсказывала ей, что нельзя оставаться в школе, если к ее директору у нее такие сильные чувства.

И все же, она была здесь...

Она шла по территории школы вдоль стены. Такая маленькая школа могла похвастать огромной территорией. Пять зданий были расположены на 0,25 кв. мили земли. Чтобы пройти вдоль всей стены необходимо целых двадцать минут. Она изучала землю, пока шла. Невеста ходила по вершине стены, но она, конечно, начала где-то на земле. Гвен искала следы, но не увидела ничего, кроме широких отпечатков ботинок, которые наверняка принадлежали мальчикам. Они слишком много играли во дворе, чтобы она смогла найти что-то еще, кроме разбросанных кусков грязи и травы повсюду. В некоторых местах плющ на стене выглядел разорванным, и на этом заканчивались все ее наблюдения.

Возле третьей башни, что была направлена на восток, Гвен обнаружила узкую лестницу в стене. Она осторожно поднялась по каменным ступенькам и нашла маленькую комнату и предположила, что та была декоративной. В комнате был узкий вход, в него она проскользнула боком. Внутри башни она не обнаружила ничего, кроме пыли и клочков бумаги. По всей видимости, мальчикам нравилось делать здесь свои домашние задания. Она нашла несколько страниц с уравнениями и кое-что на латыни.

Но что это?

Гвен развернула тетрадный листок.

Суббота ночью. В месте как обычно. Пожалуйста, я хочу тебя.

Гвен улыбалась, когда читала записку. От этих четырех слов исходил жар: "Пожалуйста, я хочу тебя!" Теория Гвен о том, что у кого-то из мальчиков есть тайная подружка, которая прокрадывалась на кампус, не казалась такой уж маловероятной.

Целых две секунды Гвен думала, что нужно отнести записку Эдвину. Конечно, прокрадывающаяся на кампус девушка - это грубое нарушение правил. Но она - не ябода, и Эдвин уже решил закрыть глаза на случаи с "Невестой". Она порвала записку на мелкие кусочки, чтобы больше никто ее не нашел.

Прошедшая неделя пронеслась над ней, как волна океана. Её поддерживало удовольствие от преподавания. Злость и боль, причиненная Эдвином, поглотили ее как зыбучие пески. Поэтому, она сфокусировалась на работе, на лекциях, на обучении тридцати подростков по Викторианской системе и ведении дискуссий согласно принципам аристократии. Это было врожденным? Или приобретенным? Или же все эти идеи о "джентльменстве" были фарсом.

Пришла пятница, и Гвен провела свой последний урок и последнюю дискуссию о "Великих Надеждах". Мальчики сказали, что им понравилась книга. Они только хотели бы, чтобы Диккенс не писал две концовки. Они не знали, какую из них считать

настоящей: скучную философскую или более счастливую, в которой Пип сбегает с более взрослой и мудрой Эстеллой?

Гвен видела Эдвина всего пару раз в течении недели, и только за ужином в столовой, в присутствии всех мальчиков. Слава Богу, она могла поговорить с мистером Прайсом и мистером Рейнольдсом, иначе, она бы уже упаковала свои вещи и уехала. Или нет? Эдвин ранил ее, ученики исцеляли ее. Обучать их было сплошным удовольствием, это вряд ли можно было считать работой. Их вопросы удивляли, раскрывали для нее книгу в новом свете. Так как они были практически одного возраста с Пипом, у них было свое мнение о его мотивации, которое отличалось от ее точки зрения взрослой женщины. Она научилась у них многому так же, как и они у нее.

В пятницу в конце каждого занятия она поблагодарила всех мальчиков за такую прекрасную неделю в Академии Уильяма Маршала. Она сказала, что не уверена, будет ли она и на следующей неделе, поскольку это решает директор. Но что бы ни случилось, она будет хранить воспоминания о проведенной среди них неделе, как самые лучшие.

Мальчики покинули классную комнату, и Гвен еще долго сидела за своим столом прежде, чем набралась мужества уйти. Она не хотела покидать Маршал. И тем более оставаться. Только не после того, что произошло с Эдвином и того ужасного, прекрасного поцелуя. Она не знала, что ей делать - остаться или уехать, она оставит это на волю судьбы. А под судьбой она подразумевала Эдвина.

По окончании последнего занятия Гвен направилась на еще одну прогулку. Лайрд не обманул. Позади школы деревянная дверь на ржавых петлях вела в сад диких яблонь на заднем дворе. Она посмотрела вокруг на небольшой клочок земли с яблоневыми деревьями на ней, на их склоненные и согнутые ветви, увешанные тяжелыми плодами - красными сентябрьскими яблоками. Дотянувшись, она сорвала одно яблоко с дерева и надкусила. От его кислинки у нее появилась оскомина. Сок потек по ее пальцам. В ее рот ворвался сильный аромат. Она хотела оставаться. Там и тогда она решилась. Жизнь была здесь. Обучение было здесь. Так или иначе, они с Эдвином разрешат свои разногласия... это не имело значения. Лайрд был мил, но он ошибался. Еве не нужен Адам, пока у нее были яблоки.

Гвен ступила на грунтовую дорожку позади школы, но остановилась, когда увидела две фигуры, движущиеся между деревьев. Одну из них она узнала сразу. Это был Кристофер, лучший друг Лайрда и партнер в неформальном приветственном комитете. Рядом с ним стоял пожилой человек, которому на вид было лет семьдесят или восемьдесят. Несмотря на разницу в возрасте, между старичком и Кристофером, Гвен могла видеть родственное сходство. Они были практически одинакового роста, манера ходьбы была такая же. Они оба держали плечи немного напряженно, и у них был одинаковый изгиб носа и подбородка.

Пожилой человек и Кристофер не разговаривали. Почему, гуляя бок о бок, они молчали? И кем был этот старичок? Кристофера приехал навестить дедушка? Это объясняло родственное сходство. Но это не объясняло, почему старик плакал, пока шел. Кристофер, похоже, сдался, пытаясь его утешить. Все, что он мог сделать - это идти с ним рядом, не проронив ни слова. Пожилой человек остановился. Он положил руку на ближайшее дерево и промокнул лицо носовым платком. Нет, не платком. Белой салфеткой. Белой салфеткой с красной полоской. Он, должно быть, побывал в той же закусочной, что и Гвен.

Она наблюдала, как мужчина пытался взять себя в руки. Он выпрямился и прошел мимо нее через дверь в стене. Кристофер шел позади него и послал ей робкую улыбку, словно, стесняясь проявлению эмоций своего деда. Гвен сжала его плечо в

знак понимания. За несколько дней Гвен, практически, убедилась, что живет в прошлом. Здесь это так и было: у подножья гор, без доступа к интернету, без телевидения, без мобильной связи. Но пожилой мужчина сел в последнюю модель Лексуса и уехал прочь, Кристофер стоял и смотрел, как машина исчезает из вида.

Гвен отказалась от своей прогулки и вернулась в коттедж. Когда она распахнула дверь, то увидела в гостиной Эдвина.

Глава 8

На мгновение Гвен замерла, восхищаясь его видом. Она была бы менее удивлена, увидев в своей гостиной "Невесту", танцующую самбу, нежели самого Эдвина, стоящего там.

- Извините, - взяв себя в руки, наконец, сказала она. - Я не помню, чтобы вы стучали в мою дверь.

- К вашему сведению, я стучал. Я не виноват, что вас здесь не было, и вы не слышали, - ответил он.

- И вы позволили себе войти?

- Да.

- Это взлом с проникновением.

- Я ничего не взламывал, - произнес он. – Поэтому, это всего лишь проникновение.

Гвен сжалась губы в тонкую линию в знак возмущения.

- Вы здесь, чтобы уволить меня? - поинтересовалась она, скрещивая руки на груди.

- Я не могу уволить вас, я вас не нанимал, - ответил он, все еще держа руки в карманах. Он, вероятно, хотел казаться непринужденным и расслабленным. Но вместо этого выглядел напряженным и обеспокоенным.

- Мы хорошо потрудились с мальчиками за эту неделю. Я просто хотела, чтобы вы знали. У нас были отличные дискуссии. И они написали фантастические сочинения о том, что значит быть джентльменом. Вам стоит их прочесть. Вы могли бы кое-чему научиться.

Глаза Эдвина загорелись вновь. Затем он вздохнул и кивнул.

- Я задолжал вам объяснение, мисс Эшби.

- Да, я думаю, задолжали, - согласилась она, присаживаясь на диван. Просто из вредности она сосчитала до десяти, прежде чем предложить присесть и ему.

Он взял один из деревянных стульев и подвинул его напротив дивана, где нервно сидела она.

- В понедельник вечером, - произнес он, когда присел и встретился с ней взглядом. - Нет, я начал неправильно. Простите меня, мисс Эшби.

- Разве у нас не было этого разговора? Вы можете называть меня Гвен. Или Гвендолин, если это слишком неофициально для вас.

- Мне нравится Гвендолин.

- Мои бабушка с дедушкой всегда называли меня Гвендолин. Мне это нравилось.

- А когда я так делаю? - спросил он с сомнением в голосе. Обычно он был таким уверенным в себе, бесстрастным и решительным. От того, как он нервничает, ее злость дала трещину.

Она улыбнулась.

- И когда вы это делаете, мне тоже нравится, - согласилась она.

- Что ж, хорошо, Гвендолин, - сказал он. - Я не уверен с чего начать. Мисс Майр уехала так внезапно, и я принял Самуэля в школу... все очень усложнилось с тех пор. Настолько, что я не чувствую себя комфортно, принимая незнакомца в необычной ситуации.

- Это не необычная ситуация. Вы разозлили некоторых родителей. Ученики уехали. Теперь вы восстанавливаете коллектив преподавателей и учеников. Многие школы проходят через это, Эдвин.

- Ни одна школа не прошла через то, через что прошли мы. Я в этом уверен. И будут последствия, серьезные последствия, если я позволю вам остаться.

- Вы же знаете, что вам нужен новый учитель литературы? Или вы собираетесь вечность преподавать Айвенго?

- Я не имел в виду, что будут последствия, если я позволю учителю остаться. Хотя, могут быть. Я имел в виду... я имел в виду, что... Гвендолин, если я позволю тебе остаться...

Эдвин смотрел на нее с мольбой в глазах и рукой на сердце. Теперь она поняла. Он не говорил о последствиях, пуская ее в школу. Нет, он говорил о последствиях, пуская ее в свое сердце.

- Эдвин... - она дотянулась до его руки и взяла ее в свою. Он смотрел на их соединенные ладони так, словно никогда такого не видел: женщину, взявшую мужскую руку в свою.

- У меня нет привычки заводить мимолетные интрижки. У меня их никогда не было. Это не по-джентльменски играть с чувствами женщины без благородных намерений.

- Благородных намерений? - повторила Гвен, не веря своим ушам. - Ты имеешь в виду, что если мы станем любовниками, то ты захочешь, чтобы мы поженились?

- Я полагаю, это и есть определение для благородных намерений.

- Вы религиозный человек?

Эдвин нахмурил брови.

- Я был крещен и вырос в Англиканской Церкви. Конечно же, я - нерелигиозный человек.

Гвен обдумывала сказанное им. Обдумывание перешло в смех.

- Вы живете не в то время, - произнесла Гвен, беря его за руку. - Вы должны были родиться в Эпоху Регентства. Из вас бы получился прекрасный мистер Дарси.

- Я приму это за комплимент, - сказал он, и на его губах, наконец, появилась улыбка. - Несмотря на то, что Фицуильям Дарси был слегка ослеплен предрассудками против семьи Беннеттов, он позволил своей интуиции взять верх. Он знал, что брак единомышленников и людей с добрыми сердцами гораздо лучше союзов, рожденных из чувства долга, согласно своему благородному происхождению.

- Я так же считаю, что Элизабет Беннетт и Фицуильяму Дарси хотелось сорвать друг с друга одежду.

- Я думаю, вы вкладываете слишком много смысла в подтекст произведения.

- Мне нравится подтекст, - сказала она, сжав его руку. - Вы же знаете, что я на этой неделе попросила мальчиков написать сочинение о том, что означает быть джентльменом. Хотите узнать, что для меня означает быть джентльменом?

- Я полагаю, вы скажете это, независимо от моего желания.

- Да, - ответила она, возвращая свою руку к себе на колени. - Я думаю, джентльмен уважает женщин и не считает, что знает лучше самой женщины, что для нее хорошо и что - нет. Я считаю, что джентльмен достаточно смелый, чтобы не придерживаться глупых правил, навязываемых женщинам обществом. Я считаю, что

джентльмен говорит людям заняться своим делом и беспокоится лишь о том, что он и его леди хотят делать наедине.

- У вас интересное определение для "джентльмена".

- Надо признаться, оно немного эгоистично. Но, в то же время... это был самый потрясающий поцелуй в моей жизни, Эдвин.

У нее все еще горели губы при воспоминании о том поцелуе.

Он с трудом выдохнул, его дыхание было неровным. Она знала, как он себя чувствует.

- Мне очень приятно слышать, что он действовал на вас так же, как и на меня. Я не переставал думать о нем с вечера понедельника. Гвендолин, вы должны понять, что это несвойственно для меня вести себя с вами безнравственно. Я очень вас уважаю.

- Тогда уважай меня достаточно, чтобы верить мне, что я достаточно взрослая и достаточно умна для принятия решения быть с тобой и жить с последствиями. Мне двадцать пять, Эдвин. Я не девственница. Я принимаю контрацептивы. Я уже взрослая. Пожалуйста, относись ко мне соответственно.

Эдвин поднял руку и погладил ее щеку.

- Если бы все было так просто, - произнес он и опустил руку.

Гвен увидела что-то в его глазах, взгляд, который она не поняла до конца, но отчаянно хотела. Это было не столько смущение, сколько скрытность. У него была тайна, которую он хотел ей раскрыть, но не знал, как.

- Твоя жена была единственной женщиной, с которой ты был, да?

- Джентльмен не должен обсуждать такие личные вещи с леди.

- А что, если эта леди - его любовница?

- Тогда, это совершенно другое дело, - ответил он.

- Как давно у тебя кто-то был?

- Очень давно, - признался он уже робко.

- В таком случае, ты должен подняться наверх и заняться со мной любовью. Я настаиваю, - сказала она, взяв его руку и положив ее себе на бедро.

- Ты настаиваешь?

- Да, и будет очень невежливо с твоей стороны отказать такой скромной просьбе.

- Очень невежливо, да?

- В крайней степени, - вторила Гвен, пока рука Эдвина поднималась вдоль ее бедра. Гвен задрожала, таким горячим было его прикосновение.

- Даже неблагородно.

- Во-первых, остаюсь ли я при работе? - спросила она. - Нам следует решить это сейчас. Это не совсем хорошая идея - принимать решения о трудоустройстве в постели.

- Да, вы приняты. Сегодня в моем офисе стояли тринадцать мальчиков, чтобы сказать, что они поднимут бунт, если я вас не найду.

- Только тринадцать? - дразнила она.

- Столько смогло уместиться в моем офисе. Остальные стояли в холле.

- Я не хочу покидать это место, - произнесла Гвен, смотря в темно-зеленые глаза Эдвина.

- Если вы действительно так чувствуете, тогда вам и не придется.

Их губы снова встретились, и, так же как и во время их первого поцелуя, Гвен почувствовала, как сквозь ее тело проходит ток. Она никогда не испытывала такого желания, какое испытывала к Эдвину. Казалось, он так же был от нее без ума. В мгновение она уже была у него на коленях, в пленах его рук, его губы осыпали ее поцелуями. Она стянула пиджак Эдвина с его плеч, в то время, как он обрушил на ее

шею череду укусов и затем облизал их. Жар его языка ласкал ее кожу. Освободившись от пиджака, он сразу же поднял ее своими невероятно сильными руками. Мужчина поднялся с ней по лестнице в спальню и очень осторожно положил ее на мягкие белые простыни. Она привстала и расстегнула его жилет, когда он снова ее поцеловал. Она проводила руками по всей его груди, чувствуя какой он твердый под нежным хлопком его идеально заправленной рубашки.

Как бы сильно ей не хотелось сорвать с Эдвина одежду, она сдерживала себя и предоставила ему возможность быть главным. Она хотела, чтобы он был главным, хотела, чтобы он делал с ней все, что захочет так сильно и так часто как он этого пожелает. Вопреки всем его переживаниям ранее, сейчас он казался полностью сосредоточенным, доминирующим и решительно настроенным заняться с ней любовью. Его губы проследили путь от ее шеи до груди и обратно. Он осторожно толкнул ее на спину и расстегнул блузку ловкими и смелыми движениями пальцев. Ей не терпелось быть обнаженной для него. Такой мужчина заслуживает иметь женщину, дарящую ему удовольствие в постели каждую ночь всей его жизни. Она хотела быть этой женщиной.

Целуя ее грудь сверху, пальцами он ласкал кружевной край ее бюстгальтера. Казалось, целую вечность он нежно дразнил ее своим ртом и руками, касаясь везде, кроме тех мест, которые больше всего жаждали его ласки. Сначала она решила, что он ее дразнит, заставляя ее ждать так долго, но затем осознала, что он пытался быть вежливым даже сейчас.

- Эдвин, - прошептала она, положив руку ему на щеку. Она почувствовала легкий намек на щетину на его лице, так по-мужски. - Я хочу тебя. Ты не должен бояться сделать со мной все, чего ты хочешь.

- Ты говоришь это сейчас, - сказал он с игривой улыбкой на лице. Она улыбнулась ему в ответ.

- Я скажу это и после. Обещаю.

От ее слов желание разгорелось в нем еще сильнее. Эдвин поднял юбку до самого живота и, стянув с нее трусики, бросил их на пол. Она раскрыла свои ноги для него, страстно желая, чтобы он ее увидел. Одной рукой он развязал свой галстук и снял его. Пальцами другой руки он вошел в нее и надавил на влажные стенки сначала одним, затем двумя пальцами. Она задохнулась от ощущения первого проникновения. Удовольствие взорвалось в ней и растеклось от самого центра через все ее тело от того, как он касался ее изнутри.

- Еще, - умоляла она, и тогда он вытащил пальцы из нее и расстегнул свои брюки. Она сгорала от нетерпения почувствовать его внутри себя. Он раздвигал ее губы своими пальцами, открывая ее для себя. Она почувствовала у входа головку. Медленно и глубоко он вошел в нее. Это было невообразимое удовольствие чувствовать всю его толстую длину, широко ее растягивающую. Он погрузился в нее одним быстрым резким толчком, и Гвен прошептала его имя.

Эдвин накрыл ее рот рукой, и Гвен замерла. Затем она услышала голоса мальчиков во дворе своего дома. Эдвин улыбнулся ей и прошептал:

- Шшиш... - Она кивнула, и он начал двигаться внутри нее долгими, медленными, глубокими движениями, его рука все еще на ее губах. Гвен не возражала. Она любила его силу, его контроль над ней и его тело. Они оба все еще были одеты. Только там, где их тела соединялись, они были обнажены. Но ей нравилось это, нравилось чувствовать себя заклейменной им, прильнув своим голым бедром к его.

Медленно его рука соскользнула с ее рта вниз на шею. Гвен старалась изо всех сил не шуметь. Это было сравнимо с пыткой: не вздыхать, не стонать, когда Эдвин сдвинул лямку ее кружевного бюстгальтера и оголил правую грудь. Он сосредоточил

все свое внимание на ней и втянул сосок губами, его язык кружил вокруг него. Она горела, сгорала заживо от прикосновений его рук, его рта на ее груди. Она чувствовала себя заполненной его длиной, чего она чувствовала ни с одним мужчиной прежде. Гвен сильнее прижалась к нему бедрами. Она умрет под ним, если вскоре не кончит. Удовольствие нарастало в ней, словно игристое вино, готовое выстрелить из бутылки в любой момент.

Они занимались любовью почти в полной тишине. Лишь несколько приглушенных стонов и вздохов слетели с их губ. Ученики, играющие прямо под окнами ее дома, могли услышать любой звук. Тишина только усилила в разы удовольствие, когда ей пришлось сдерживаться, в то время как все чего ей хотелось, так это стонать и вздыхать во весь голос. Они чувствовали себя заговорщиками, она и Эдвин, вынужденные двигаться в полной тишине. Она вцепилась в его плечи и обвила ногами его бедра. Он дразнил ее сосок снова и снова, пока его твердый член не стал двигаться в ней медленными, но жесткими толчками.

Его рот настиг ее губы, и она с жадностью поцеловала его. Да, она желала этого навечно, жаждала дарить ему наслаждение до конца своих дней, хотела быть женщиной в его постели, раскрывающей свои ноги для него, принимающей его внутри себя, дарящей ему безопасное место и возможность быть властным, сильным, эротичным мужчиной, каким он и был.

Как только частота его толчков увеличилась, он сильнее впился пальцами в ее спину. Она почувствовала пульсацию внизу живота, ее мышцы напряглись, сжимая его... ее влага стекала на простины под ними. Никогда еще в своей жизни она не чувствовала себя такой похотливой. Словно этот мужчина был больше, чем обычным человеком, и он делал нечто более совершенное, заполняя ее тело собой.

Он положил руки по обеим сторонам ее плеч и стал двигаться бедрами навстречу. Она лежала под ним, покоренная и подчиненная. Он, закрыв глаза, потерялся в своих толчках. Ее жажда росла, узел завязался в животе. Когда она кончала, он снова накрыл ее рот рукой, приглушая ее стоны. Ее плечи оторвались от кровати, когда оргазм прошел сквозь ее тело, каждая ее мышца бешено сокращалась вокруг него. Как только Гвен пережила свой собственный оргазм, Эдвин сразу же последовал за ней. Он посмотрел на нее сверху вниз и встретился с ней взглядом на одно идеальное мгновение, прежде чем закрыл глаза. Все его тело замерло, в то время как он кончал внутри нее, наполняя ее своим жаром.

Гвен обвила его руками и ногами, когда он рухнул на нее. Она не могла насытиться теплом его тела и звуком его сердца, бешено стучащего напротив ее голой груди.

Он целовал девушку, пока осторожно выходил из нее.

- А вот это, - прошептала она, - было вежливо.

Глава 9

Несколько прекрасных минут Гвен лежала в руках Эдвина не шевелясь, лишь восстанавливалась дыхание и наслаждалась тем, как все ее тело вибрировало после оргазма.

- Я не могу оставаться на ночь в твоей кровати, - тихо произнес он. - Мой долг - подавать хороший пример мальчикам.

- Если эти мальчики, когда вырастут, будут хотя бы наполовину так же хороши в постели, как и ты, тогда их будущие жены и подружки будут очень тебе благодарны.

- Даже не упоминай о женах и подружках этих мальчиков. Достаточно того, что они уже просят пустить сюда учиться девочек. Неважно, как часто я им повторяю, что в уставе школы конкретно указана причина отказа в финансировании...

- А вот это уже звучит ужасающе. Я бы не хотела, чтобы ты получил отказ. - Гвен свернулась калачиком на груди у Эдвина и подмигнула ему.

- Я сам дам вам отказ, если вы не будете себя хорошо вести, юная леди.

Гвен лишь рассмеялась. Это было прекрасно - видеть Эдвина таким расслабленным и умиротворенным. Завтра они вернутся к своим публичным высказываниям о том, как сильно друг друга недолюбливают, но сегодня... она знала, что сегодня они оба чувствовали правильность того, что делают.

- Кстати, об отказе, я так и не увижу тебя голым? - дразнила она его. Он уже поправил свою одежду и расчесал пальцами волосы. Ее взъерошенный вид и его семя внутри были единственным доказательством того, что всего несколько минут назад, он входил в нее неистовыми толчками. Она обожала обоих Эдинов: цивилизованного директора и первобытного любовника. Но сегодня вечером она желала любовника, не директора.

- Увидеть меня голым? Мисс Эшби, я задаюсь вопросом, видели ли вы до этого мужчину голым. С точки зрения эстетики, мы не настолько привлекательны, как женщины.

- Позвольте себе не согласиться. Я бы с большим удовольствием посмотрела на тебя обнаженного, нежели на себя. Я вижу себя голую все время.

- Я тебе завидую.

- Хотел бы увидеть меня голой? - спросила она. На ней все еще была надета юбка, туфли и бюстгальтер, который она задрала наверх. Даже незастегнутая блузка все еще была на ней.

- Несомненно. Но для этого еще будет время.

- А сейчас - не время? - спросила она, сбрасывая юбку.

Он поспешил поцеловать ее и улыбнулся.

- Нет. Но скоро. Увы, долг зовет. Сегодня пятница - моя очередь следить за столовой.

Гвен посмотрела на часы на стене - 6.30. Каждый вечер ужин подавали ровно в семь. Два дня назад она поинтересовалась, кто все это готовит и была потрясена, узнав, что мальчики сами себе готовят. Инициатором этого нововведения был Эдвин. Мальчикам необходимо освоить основные кулинарные навыки. Это обосновано тем, что мужчина не должен полагаться только на то, что о нем будет всю жизнь заботиться его жена или мать. Мальчики могли пойти в армию или повременить с женитьбой до окончания своего обучения. Умение самому о себе позаботиться является обязательным качеством джентльмена. Так же, это способствует развитию духа колLECTИВИЗМА, как объяснял ей мистер Прайс. Мальчики служили друг другу, учились планировать, учились работать в коллективе. И ни у кого еще не было пищевого отравления. В то же время, кухня, заполненная подростками, могла в миг превратиться в хаос, поэтому учителя по очереди дежурили в столовой.

- Я не могу тебя отвлекать от исполнения долга, - произнесла Гвен, когда Эдвин покинул ее объятия. Он поднял свой жилет и надел его.

- Или от ужина.

- Можешь быть уверена, я буду делать все возможное, чтобы не думать о тебе все время.

- Прекрасно. Я буду здесь в кровати думать о том, как ты занимаешься со мной любовью, за нас обоих. - Она легла на подушки и вытянулась, нежась на простынях. Девушка расстегнула бюстгальтер за спиной и стала его стягивать.

- Я внезапно вспомнил, почему вы так мне не нравились, мисс Эшби. Вы жестокая.

- А ты соблазнительный.

- Вот что: я ухожу, - сказал Эдвин прежде, чем поцеловать ее последний раз. - Тебе нельзя доверять.

- Знаю. Я ужасна, правда? - спросила она, пока Эдвин дважды потерпел фиаско, завязывая галстук. Она бросила бюстгальтер на пол и встала перед ним на колени. Оголившись выше талии, она взяла его галстук и прижалась своей грудью к его. - Просто чудовищна.

- И даже не раскаиваешься, - подтвердил Эдвин, поднимая на нее глаза.

Она завязала ему галстук, несмотря на то, что он левой рукой пробрался к ее груди. Он был в ней только что, но она снова хотела его внутри себя.

- Совсем. Желаю хорошего ужина, директор Йорк. Я останусь тут. Если я пойду в столовую с тобой, боюсь сделать что-то ужасное, например, поцеловать перед мальчиками. - Она поцеловала его в губы, и он ответил ей, не скрывая желания.

- Ты не посмеешь.

- Испытай меня, - ответила она.

- Я рад, что нанял тебя, - произнес он уже в дверях. - Теперь я могу тебя уволить.

- Можешь увольнять меня сколько угодно. Я никуда не уйду.

- Этого я и боялся, - произнес он и оставил ее одну в кровати. Она слушала его шаги по лестнице. Он найдет свой пиджак на полу в гостиной. Он непременно остановится перед зеркалом и проверит свой внешний вид на отсутствие каких-либо признаков, выдающих его неджентльменское поведение с одним из его учителей несколькими минутами ранее. Наконец, она услышала, как хлопнула дверь. Он ушел.

Чувствуя себя невесомой и крайне медлительной, Гвен ничего не могла делать, кроме как, лежать на спине и наслаждаться приятными воспоминаниями. Ее тело все еще дрожало от воспоминаний об Эдвине. Но как бы она ни пыталась сконцентрировать все свое внимание на физическом удовольствии, которое он ей подарил, она не могла перестать мечтать о совместном с ним будущем. Она обожала его. Без сомнения. Даже если бы и захотела, она не могла этого отрицать. Судьба привела ее в эту школу. Случайная остановка на ужин и теперь она - учитель литературы в престижной Академии Маршала и любовница директора. Любовница... ей нравилось быть ею. Но так ли это? Было что-то большее? Гвен знала, что хочет остаться в этой школе на всю оставшуюся жизнь. Но была ли причиной тому школа? Ученики? Или сам директор?

Если бы это был тест со множеством вариантов ответов, она бы смогла на него ответить.

Всё из вышеперечисленного.

Хотя все ее тело протестовало, Гвен встала с кровати и направилась в ванную. Она предполагала, что будет уставшей после такого занятия любовью. Эдвин не сдерживал себя с ней, и в ней тоже. Но никогда еще она себя не чувствовала так хорошо. Она захотела принять долгую горячую ванну только для того, чтобы почувствовать, как ее обнаженное тело обволакивает вода, и представлять, что это руки Эдвина.

Лежа в воде, она помыла волосы, тело, следуя пальцами по дорожке из поцелуев, оставленных Эдвином, на губах, шее и груди. Она оставалась в воде, пока та не остыла, а затем вылезла и высушилась. Вечер пятницы... почти девять, и она уже готова ко сну. Это совсем на нее не похоже. За все свое время работы преподавателем она никогда не ложилась так рано. Прежде чем попасть сюда, она всегда ложилась спать за полночь, отвечая на электронные письма, сочиняя статьи, она надеялась

опубликоваться в школьных журналах. Но той жизни больше нет. Бах. Нет больше электронных писем. Никакой писаницы по ночам.

Никаких больше "публикуйся или умри!". Все это безумие осталось позади, и она по нему не скучала. Оглянувшись назад, она осознает, что должна была понимать - их отношения с Кери зашли в тупик. Она увлеклась этой научной гонкой, хотя и понимала, как далеко это уводит от ее мечты - преподавания. Но это все закончилось. Начиная с сегодняшнего дня, она была преподавателем в Академии Маршала. Никому не было дела до ее публикаций в Журнале Новой Англии об Американской Литературе. Ее единственной обязанностью было научить тридцать мальчиков всему, что она знала. И, конечно же, побеспокоиться о каждом сексуальном желании Эдвина, его потребностях и фантазиях. Это она считала дополнительной льготой.

Она могла лечь пораньше. Больше никаких дел, ведь так? Она провела занятия, сходила на прогулку, занялась сексом с директором, приняла ванну... насыщенный день и теперь он закончился. Или нет?

Гвен выглянула в окно и заметила мерцающий свет за цветным стеклом на пятом этаже главного корпуса. Эдвин вернулся в свои апартаменты. Она осмотрела двор - вокруг никого не было. Ождался холодный вечер, и так оно и было. Все мальчики остались в своих спальнях.

Гвен сменила мягкую пижаму на комбинацию и платье. Если кто-то ее и заприметит, она, по крайней мере, будет выглядеть почти по-рабочему.

Осторожно и тихо она выскользнула из дома и быстро пошла через кампус. Она шла с гордо поднятой головой. Ей не хотелось, чтобы кто-нибудь подумал, что она крадется. Она не кралась. У нее не было причин для этого. Она работает здесь учителем. Эдвин - директор. У нее имеется полдесятка прекрасных и серьезных причин навестить его в его покоях в девять вечера в пятницу. Мысленно она их перебирала на случай, если кто-то ее спросит.

Первая: Сэмюэль - единственный афроамериканский студент в школе. Возможно, они добавят несколько темнокожих авторов. Может, Александр Дюма?

Вторая: она нашла Библию мисс Майр. Она действительно должна отправить ее ей. Возможно, у директора есть ее адрес.

Третья: Лайдр перестанет когда-нибудь вмешиваться в личную жизнь его преподавателей?

Четвертая: Гвен просто необходимо заняться любовью. Так же, ей надо узнать систему оценок. Но больше - заняться любовью.

Пятая: она уже упоминала о том, что ей необходимо снова заняться любовью?

Девушка постучала в дверь Эдвина, и он открыл через секунду. Он уже был без пиджака, жилетки и галстука. Хорошее начало.

- Мисс Эшби, я надеюсь, у вас имеется веская причина постучать в мою дверь поздним вечером, - его голос был строг, но в глазах было веселье.

- Да. Много веских причин. Три или четыре из них. И одна некорректная.

- И какова некорректная?

Она поднялась на цыпочки и поцеловала его.

- Вот эта, - произнесла она.

Гвен ждала, что он упрекнет ее, начнет отталкивать, будет строить из себя недотрогу за то, что она тайком пришла к нему. Вместо этого, он проник языком ей в рот, и это было именно то, чего она хотела. Он втянул ее внутрь и захлопнул за ней дверь так сильно, что картины на стенах задрожали в своих рамках.

Эдвин провел руками вдоль ее спины. Она расстегнула его рубашку.

- Я скучала по твоей спальне, - сказала она задыхаясь. - Я провела в ней всего лишь пару часов.

- Как долго ты хотела бы пробыть в ней сегодня?

- О, хотя бы до следующей пятницы.

Взял ее за руку, Эдвин потянул Гвен за собой через гостиную. Он толкнул ее в спальню и закрыл за ними дверь. На пятом этаже, за двумя дверьми между ними и кампусом, она могла шуметь так, как ей хотелось. Отлично. Она хотела, чтобы он слышал насколько ей хорошо с ним. Она хотела услышать, как он будет называть ее по имени, когда будет в ней. Он целовал ее губы, ее шею в то время, как она вытащила его рубашку из брюк и сняла ее с него. С нескрываемым удовольствием она поцеловала его голую грудь и провела руками по ребрам. Он мускулистый и худой, и ей нужно укусить эту маленькую вену, что пульсирует у него на бицепсе. Она взялась за его ремень, но он отодвинул ее руки. Расстегнув платье, он спустил его вниз, оставляя ее лишь в белой шелковой комбинации. Она не стала тратить время на бюстгальтер и трусики. Они бы только мешали. А сегодня она не хотела никаких препядствий между их с Эдвином телами.

Гвен выскользнула из его рук и отошла на два шага, столбик кровати был за ее спиной. Медленно, соблазняя, она спустила с плеч лямки сорочки, оголила грудь и позволила ткани упасть на пол. Теперь она была обнаженной, полностью. За исключением туфель. Он был таким высоким, что она решила оставить их до тех пор, пока он не заставит принять ее горизонтальное положение.

- Твоя очередь, - сказала она.

Эдвин расстегнул свой черный кожаный ремень и вытащил его из петель. У нее перехватило дыхание от такого зрелища - кожаный ремень в его широких ладонях. Может, в одну из ночей она уговорит его поиграть в игру "Строгий учитель наказывает плохую ученицу".

- Ты великолепна, Гвендолин, - сказал он ей, расстегивая брюки. - Не только красива. Если бы я был скульптором, то сделал бы карьеру, пытаясь запечатлеть твои изгибы в мраморе для потомков.

- Я уже стою перед тобой голая. Тебе не нужно петь мне дифирамбы.

- Но это правда, - ответил он. - А джентльмен говорит только правду.

Он открыл ей дверь в тапочках. Вероятно, он готовился ко сну, когда она постучала. Он отбросил тапочки и снянул брюки и черные шелковые боксеры.

- Кстати, о мраморных скульптурах, - произнесла она, шагая к нему навстречу и обернув руку вокруг его твердой длины. - Из мрамора не сделать такого тела как у вас, ваша честь!

Он закрыл глаза, когда она стала ласкать его рукой по всему стволу.

- Гвендолин, позовь мне коснуться тебя...

Гвен накрыла его губы пальчиками.

- Ты заботишься обо всей школе, - ответила она ему. - Позволь мне позаботиться о тебе.

Она опустилась перед ним на колени. У Эдвина перехватило дыхание, когда кончик ее языка коснулся головки.

- Гвендолин... - произнес он, явно потрясенный.

- Просто получай удовольствие, - приказала она. - Даже леди делают минет джентльменам.

- Ты уверена в этом?

- Абсолютно. И я обещаю, что это будет минет, подобающий леди.

Всем сердцем она хотела доставить ему самое лучшее удовольствие в жизни. Она взяла его в рот и провела язычком. Посасывая, она вела руками по его упругим бедрам, нежно царапая бархатную кожу на боках и животе. Его дыхание участилось, и он вздрогнул, ее переполняла радость от того, что он наслаждался тем, что она с ним

делала. Он получал удовольствие от ее ласк в равной степени, как и она наслаждалась, даря их ему.

- Гвендолин... - позвал он ее, задыхаясь. Она почувствовала первые капли соленой жидкости на языке. - Мне необходимо быть внутри тебя.

Она подняла голову, улыбаясь.

- Что ж, если ты настаиваешь.

- Да, я настаиваю, - сказал он, взяв ее за руку и поднимая с колен. Он захватил ее рот жадным поцелуем, но тут же отпрянул.

- В чем дело? - удивилась она.

- Я могу чувствовать свой вкус на твоих губах. - Он был удивлен. Его это не беспокоило. Просто удивило.

- Ты никогда прежде не пробовал себя на женских губах?

Он отрицательно покачал головой.

- Никогда.

- Бедняжка.

Он рассмеялся и поцеловал ее с еще большей страстью. В то время как он целовал девушку, он продвигал ее ближе к кровати.

- Тебе это тоже нравится? - спросил он, когда она уперлась бедрами в изножье кровати.

- Ты имеешь в виду такие же поцелуи?

- Да.

- Конечно же, - ответила она с соблазнительной улыбкой на губах.

- Хорошо, - произнес он, опуская ее спиной на алые простыни. Она раскрыла ноги для него. Единственным источником освещения в комнате была антикварная настольная лампа на прикроватной тумбочке. И этого было достаточно, чтобы осветить каждую часть его превосходного тела. Она не отводила от него взгляд - он смотрел на нее с такой страстью, она едва могла дышать. В его глазах читалась жажда. Его губы были приоткрыты, а дыхание тяжелым.

Эдвин опустился и стал ласкать ее ртом и пальцами. Его язык нашел ее клитор, а пальцами он надавил в том самом нежном месте так, что от каждого его прикосновения все ее тело замирало.

- Да, - прозвучало, когда она схватилась за его руку. - Да. Именно так. - Он нашел идеальный темп, идеальный ритм. Все внутри сжималось. Сильнее и сильнее. Она держалась за его руку мертвой хваткой, и каждый вздох приближал ее все ближе и ближе, толкал ее выше и выше... и когда она уже не могла больше сдерживаться, она кончила так стремительно и так сильно, что содрогнулась всем телом.

Она едва перевела дыхание, когда Эдвин поднял ее на ноги и поцеловал снова. На этот раз она могла попробовать себя на его губах. Он развернул ее и положил ее руки на столбики кровати. Она начала спрашивать, что он делает, но затем он вошел в нее сзади, ее влажное тело легко его принял.

Гвен опустилась лбом на руки и ловила ртом воздух каждый раз, когда он резко входил в нее. Она повернула голову в сторону и увидела их отражение в передвижном зеркале в раме.

Видела ли она что-то более прекрасное, чем их соединенные с Эдвином тела? Она смотрела и была зачарована зреющим: он двигался внутрь и наружу, его эрекция покрыта смазкой. Правой рукой он схватил ее за бедро, удерживая на месте во время резких толчков. Его левая рука блуждала по ее телу, сжимая груди, пощипывая соски. Она была готова кончить второй раз, когда его толчки стали все чаще и сильнее. Она никогда еще не была с таким выносливым мужчиной.

- Ты можешь кончить, когда захочешь, - сказала она между рваными вздохами. - Тебе не нужно дожидаться меня.

- Сначала леди, - ответил он, и Гвен рассмеялась.

Она взяла его левую руку и направила себе между ног. Она показала ему, где ее трогать, как ее трогать. Он прекрасно понял все инструкции. Он массировал тугой комочек ее плоти меж пальцев, пока крик Гвен не оповестил о втором оргазме. Она стояла обмякшая и истощенная в то время, как Эдвин держал ее за талию, вонзаясь в нее. Он кончил практически бесшумно, единственным звуком был негромкий хрип. Она задрожала, почувствовав его горячее дыхание на голой спине.

Гвен прижалась спиной к его груди, и он обернулся руки вокруг нее. У него просто великолепные руки. Жилистые и мускулистые... и следы от ее ногтей, что она оставила, только добавили им привлекательности.

- Сегодня ночью я хочу спать в твоей кровати, - произнесла она. - Можно?

Эдвин развернул ее, чтобы встретиться взглядом, и она обняла его за шею. Очень хорошо, что она до сих пор не сняла туфли на двухдюймовых шпильках. Так легче его целовать.

- Вряд ли будет по-джентльменски, отправить тебя одну холодной темной ночью, - сказал он.

- Да, эти пятьдесят ярдов между нашими дверьми могут быть смертельно опасными.

- Никогда не знаешь, какие опасности тебя подстерегают, - сказал Эдвин, пропуская ее волосы сквозь пальцы. - Медведи. Змеи.

- Львы. Тигры.

- Пожары, - сказал он.

- Даже не знаю. Мне кажется, что весь огонь прямо... - она поцеловала его грудь.
- Здесь.

Эдвин уложил ее на кровать и стянул покрывала. Будучи укрытой, она растянулась на нем, а ее голова покоялась на его груди.

- Теперь, когда мы любовники, ты собираешься мне рассказать все те личные вещи, о которых ты сказал, что не можешь говорить с леди?

- Нет, - ответил он.

- Нет? Ты сказал нет?

- А "нет" был неправильный ответ? - спросил он.

- Это был ответ противоположный правильному, - заявила она. - Ты сказал, что те личные вещи твоего прошлого недопустимо обсуждать с леди. Я спросила, а что, если эта леди - твоя любовница, и после мы оказались в кровати. Итак, мы теперь в постели. И мы теперь любовники.

- Что, если я не скажу тебе?

- Я полагаю, мы больше не будем любовниками.

- Что ж, - сказал он вздыхая. - Раз вопрос поставлен именно так...

Глава 10

- У меня не очень интересное прошлое, - начал он, устроившись в кровати. Такая роскошная и удобная кровать, она могла бы провести в ней всю оставшуюся жизнь. Гвен надеялась, что Эдвин такого же мнения и о ее теле.

- Прекрати увиливать, - сказала она приказным тоном. Эдвин тяжело вздохнул. Она засмеялась, как от этого вздоха под ее щекой двигалась его грудь. - Все, что касается тебя - интересно. Ты - англичанин с чрезмерно развитым чувством долга и

благородством, руководишь школой для мальчиков у подножья гор Аппалачи. Я теряюсь в догадках, как такое могло произойти.

- Все очень просто. После войны...
- Войны? Ты был на войне?
- Да, но недолго. Война закончилась за год до моего увольнения.
- Ты был офицером?
- Низшего звена, - ответил он, махнув рукой.
Она приподнялась, чтобы взглянуть на него.
- Это английская привычка, да? Ничего не рассказывать о своей жизни людям?
- Безусловно.
- Я никогда не встречала настолько типичного британца, как ты, - произнесла она, и положила голову ему на грудь.
- Спасибо, - сказал он.
- Это не комплимент. Продолжай.
- После войны я пошел в университет. Мне нравилось то чувство власти, что я успел испытать в армии. Я подумал, что руководить классом детей будет таким же испытанием и наградой.

Гвен считала в уме. Она не была уверена насчет возраста Эдвина, но угадала, что ему было около сорока. Война в заливе закончилась в 1991, это означало, что Эдвину едва исполнилось двадцать, когда он был в армии. Всего лишь мальчик, не намного старше ребят из "Уильяма Маршала".

- Близкие друзья моих родителей были богатыми. Они очень помогли им, особенно, когда я служил. У них была дочь, на пару лет младше меня. Поженить нас было их заветной мечтой. Я обожал своих родителей и не мог их разочаровать.
- Ты женился из чувства долга? - спросила она, не веря своим ушам. - Даже мистер Дарси не сделал этого.
- Родители мистера Дарси были мертвые.
- Верно, - подтвердила она. - Хорошее замечание. Продолжай.
- Виктория была прелестной девушкой, умной и доброй, так что это с трудом можно было назвать жертвой. Мы не были влюблены, но уважали друг друга, и у нас была настоящая дружба. Несмотря на это, первые несколько недель нашего брака были... сложными.
- У тебя был кто-то до неё? - заинтересовалась она.
- Да.

Гвен барабанила пальцами по его груди. Ответа не последовало. Она постучала сильнее. Он все так же молчал.

- Гвидолин? Ты пытаешься забить меня до смерти? Если так, то могу предложить более эффективные способы убийства.

Она снова приподнялась и посмотрела на него сверху вниз.

- С кем ты был до своей жены? Лучше бы это была королева, иначе я не вижу причин для такой секретности.

- Боюсь, это была не королева. Это была овдовевшая мать одного из моих одноклассников. И прежде чем ты ужаснешься, мне было восемнадцать, а ей всего лишь тридцать шесть.

- Я вовсе не в ужасе. Что случилось между тобой и матерью твоего друга?

- Он был в отъезде и попросил меня проверить его мать, у которой не было больше детей. Я не скажу, что она соблазнила меня, но уверяю, что пошел к ней домой только проверить, могу ли я ей чем-то услугить.

- И ты услужил, - поддразнивала его Гвен.

- Я услужил ей трижды в нашу первую ночь, - произнес Эдвин и рассмеялся. - Наша весьма легкомысленная связь длилась все лето.

- Она научила тебя всяким сексуальным штучкам? Женские особенности и все такое?

- Да, она была опытной. Но не очень ласковой. Отношения между нами были... холодными.

- Холодными? Это самое несексуальное описание секса, которое я слышала, - возмутилась Гвен.

- Холодными, но основательными.

- Настолько основательными, что она делала тебе минет.

- Да, делала.

- Но ты сказал, что никогда прежде не пробовал себя на губах женщины.

- Это потому, что она никогда меня не целовала.

Гвен села и уставилась на Эдвина.

- Твоя первая любовница никогда тебя не целовала?

- Она сказала, что у нас отношения другого рода. Чувства усложнили бы все еще больше, - Эдвин произносил слова практически без эмоций, но за безразличным тоном она почувствовала призрак ущемленной гордости.

Гвен наклонилась, обняла лицо Эдвина руками и поцеловала его. Она целовала его так, как он того заслуживал, так, как его должны были целовать в ночь, когда он потерял девственность, и все последующие ночи. Она целовала его так долго и страстно, что почти забыла, почему это делала, потому, как это могла быть самая лучшая идея - целовать его. Он поцеловал ее в ответ, держа руки на ее обнаженных плечах и прижимаясь теплой грудью к ее груди.

- И за что это было? - спросил Эдвин, когда Гвен, наконец, отпрянула от него.

- Поцелуй - извинение за поведение всего женского пола.

- Извинения приняты.

- Теперь продолжай свой рассказ, - она оседлала его бедра и устроилась сверху.

- Моя первая любовница, как я и сказал, была абсолютно безразличной. Я был уверен, что смогу доставить удовольствие своей невесте, как только мы поженимся. Как оказалось, я горько ошибался.

- Первые разы для женщины могут быть очень болезненны. У меня все болело в течение двух недель, когда я начала заниматься сексом.

- Эта боль не была физической, - подметил Эдвин, поглаживая ей спину пальцами. - Я понял, что у нее уже был кто-то. Но меня это не волновало. У меня тоже. Она плакала, когда мы пытались, до и после. Я предложил остановиться и подождать пару недель. Шли месяцы. После года поддельного счастья на публике и неловкости наедине, я раскрыл причину нашей несовместимости. У Виктории был другой любовник.

- Боже, это, наверное, было ужасно, - Гвен поцеловала его грудь, выражая сочувствие.

- То, что это был шок - мало сказано. Я даже не подозревал. Но я случайно приехал из командировки домой раньше и обнаружил ее в постели с любовником. Она во всем созналась.

- Ты был зол?

- Нет, - ответил он, и Гвен ему поверила.

- Я бы рассвирепела. Я бы выбила всю дурь из того мужчины.

- Но понимаешь, - вздохнул Эдвин. - Это был не мужчина.

Гвен скатилась и посмотрела на Эдвина с широко открытыми от удивления глазами.

Твоя жена была гомосексуалкой?

- Гомосексуалкой?

- В смысле, лесбиянкой? Играла за другую команду? Она член общества Сапфо (прим.: др. греч. поэтесса, лирические героини многих её стихотворений говорят о страстной влюблённости или любви к различным женщинам)?

- Да. Она была тайно влюблена в свою подругу в течение многих лет. Замужество должно было скрыть их связь от любопытных глаз. Она сказала, что моя доброта к ней сделала все еще более невыносимым. Она ненавидела себя за то, что вовлекла меня в этот брак без любви. У нас не было другого выхода. Мы развелись по причине супружеской измены.

- Что ж, по крайней мере, она взяла на себя ответственность при разводе.

- Нет, Гвендолин. Если бы ее родители узнали правду, они бы отреклись от нее. Я позволил Виктории утверждать, что изменником был я.

Сердце Гвен сжалось, кровь забурлила в венах, а улыбка исчезла.

- Ты... - смогла сказать она. - У меня просто нет слов.

- Только так мог поступить джентльмен. Конечно же, моя семья была зла и пристыжена. Я опозорил их доброе имя своим разводом. Я собрал вещи и приехал в Америку. Я нашел работу здесь, в Академии Уильяма Маршала, и когда уволился директор, меня повысили в должности. Я говорил тебе, что моя история не такая уж и интересная.

- Тебя соблазнила мама друга, ты служил офицером на войне, был женат на лесбиянке и разведен, и все это в возрасте...?

- Двадцати четырех лет, - закончил он за нее.

- Если это неинтересная история, тогда я не знаю, что может быть интересно.

- Я уверен, история твоей жизни намного интереснее моей.

- Вовсе нет, - Гвен прижала подушку к груди. - Я родилась в Эшвилле. Выросла среди хиппи и хипстеров. Обычное детство. Любила читать. Немного зануда. Как я уже говорила, обоих моих родителей уже нет.

- Гвендолин... Мне очень жаль.

- Сирота в 18 лет. Полагаю, всё как у Диккенса, да? Но я никогда не была сорванцом.

- Как ты справилась, потеряв обоих родителей?

- Это было нелегко, - признала она. - Но меня спасли книги. Знаю, звучит глупо и пафосно. Но я растворилась в книгах. Читала постоянно. Я не могла насытиться вымышленными историями. Любой мир был лучше моего собственного. У Элизабет Бенетт была мать - дура, но лучше живая сумасшедшая мать, нежели мертвая. Но затем появился мистер Дарси и увидел ее добродетель, вызволил ее из безвестности и сделал своей женой. Идеально. Я хотела своего мистера Дарси. И Джен Эйр была, так же, как и я, сиротой. Но при этом, гораздо храбрее и сильнее, чем я надеялась когда-либо стать. Быть одной в Эшвилле совсем невесело, поэтому я переехала в Новый Орлеан, мысленно, по крайней мере, и жила какое-то время с вампирами, колдунами... серьезные вещи я начала читать в колледже. Фолкнер, Фланнери О'Коннор.

- Фолкнер? Современный вздор.

- О, перестань! Не каждая книга должна быть "Айвенго". Все равно, мои бабушка и дедушка обвинили меня в том, что я прячусь в своих книгах. Но я не пряталась, я лечилась. Те истории заставили меня поверить, что все происходит с какой-то целью, а хорошие вещи случаются с тобой, если будешь идти до самого конца. Надежде и упорству - вот чему я научилась, читая книги. Поэтому сейчас я преподаю литературу мальчикам - подросткам. И, может, они так же научатся надежде и упорству.

- И твои надежды и упорство были вознаграждены? - спросил Эдвин, его голос звучал мягко. Гвен улыбнулась.

- Я учитель в самой странной школе в мире, Академии Уильяма Маршала, - ответила она. - И я в твоей постели. Да, я была вознаграждена.

- Академия Уильяма Маршала не странная, - с поддельной суровостью произнес Эдвин.

- Твои студенты ставят спектакли по пьесам Шекспира. В школе примерно ноль компьютеров. Здания выглядят так, словно их перенесли из Франции пятнадцатого века. Школу окружает стена, словно, это крепость. О, а также, здесь есть сумасшедшая женщина, слоняющаяся вокруг по ночам. И ты говоришь, что Маршал - не странная академия? Нам с тобой необходимо обсудить значение слов "интересный" и "странный". Ты живешь в противоположном мире.

- Во-первых, невеста не является сумасшедшей женщиной.

- Я знаю.

- Ты знаешь?

- Она - одна из подружек мальчиков, ведь так?

- Я не могу ничего сказать.

- Я приму это за "да".

- Гвендолин.

- Что?

Эдвин поцеловал ее и потянул за собой в кровать. Вскоре, они занялись любовью в третий раз за ночь. Третий раз был последним. После этого он притянул ее ближе к груди, и она заснула в его объятиях.

Когда гвен проснулась утром, казалось, что прошло всего лишь несколько минут. Нет, не совсем утром. Скоро рассвет. Она осторожно высвободилась из рук Эдвина и накинула на себя его рубашку, ту самую, которую практически сорвала с него накануне вечером. Она отодвинула край занавески и выглянула в окно. Осенний туман покрыл всю школьную территорию. Трава, деревья, даже стены были окутаны белой пеленой. Ночь растворилась, но солнце еще не успело занять место луны на небе. Весь мир стал белым.

Скоро мальчики проснутся, и начнется суматоха. Ей нужно поскорее вернуться в свой коттедж прежде, чем кто-либо успеет заметить, как она покидает апартаменты директора. Они не смогут долго держать в секрете свою любовную историю, она и не очень переживала. Мальчики обожали директора, и даже сговорились подыскать ему подружку. Нет, не подружку. Жену.

Жену? Во что она ввязалась?

Гвен тихо и быстро оделась, и оставила для Эдвина записку на прикроватном столике.

Директор Йорк, вы - ужасный соня. Это еще один ваш недостаток. Если бы ты не спал, мог бы сделать меня своей еще раз прежде, чем я улизнула бы из твоей кровати навсегда. Под "навсегда" я имела в виду, когда мы увидимся сегодня позже. Я тебя обожаю. Искренне ваша мисс Эшби. Р.С. Может, выпьем чаю позднее? И под чаем я подразумеваю... не чай.

Она нежно поцеловала его в губы. Ей разбивало сердце воспоминание о том, что его первая любовница ценила лишь его тело и даже не целовала во время их свиданий. И затем его жена раскрыла тайну о том, что ей не только онексуально не интересен, но и мужчины вообще, и точка. Гвен была решительно настроена наверстать упущенное: возместить ущерб потерянного времени, отказа и причиненной боли. Она будет целовать его, трогать и доставлять ему удовольствие при каждом удобном

случае. Даже если она боялась, что это будет её самой глупой идеей - она будет любить его, если он этого захочет.

Она удостоверилась, что выглядит собранной и профессиональной на случай, если кто-то вышел так же рано, как и она. Но она ничего и никого не увидела, когда покидала главное здание через черный ход и направлялась к своему коттеджу. Она была почти на месте в тот момент, когда заметила кое-что краем глаза.

Какое-то движение. Где-то. Она остановилась и огляделась. Ничего. Абсолютно. Но она явно не выдумала этот замеченный боковым зрением шелест белой ткани.

Гвен кралась вдоль стены дома. Она знала, что видела что-то. Она отказывалась отрицать очевидное.

Снова белый блик. Теперь она видела это. Что-то белое мелькнуло в окне одной из спален мальчиков. Несколько секунд спустя она ее увидела.

Невеста стояла на заднем крыльце Пемброкского общежития, обратившись лицом к небу и спиной к Гвен. Теперь их разделяло всего пятьдесят шагов. Она заметила, что у Невесты было элегантное кружевное платье и длинные черные волосы, завязанные белой косынкой. Стройная и высокая, у нее была осанка, как у молодой женщины, но, все же, Гвен не видела ее лица.

Гвен открыла рот, чтобы позвать девушку. Прежде, чем она смогла хоть что-то произнести, к Невесте кто-то подошел со стороны заднего крыльца. Со спины она не могла определить кто это, из-за бейсбольной кепки на голове. Но она увидела, как он тянулся к руке Невесты.

Так оно и есть. Теперь Гвен была уверена. Невеста вовсе и не была невестой. Просто девушка в платье, прокрадывающаяся в кампус повидаться со своим парнем. Гвен не могла понять, зачем та заморачивалась с этим маскарадным костюмом. Может, если она выглядела страшно и как привидение, это держало подальше от нее других мальчиков. Подростки были странными. Несомненно.

Успокоившись, Гвен оставила молодых влюбленных наедине. Она еще разузнает, кто эта девчонка, но сейчас она уже не так обеспокоена. Все же, не помешает узнать к кому из мальчиков она приходит тайком. Менее всего Гвен хотела, чтобы от одного из учеников Маршала забеременела городская девушка. В этой школе произошло достаточно событий за последнее время.

Юная любовь. Почти такая же сильная, как и зрялая.

Любовь? Она уже использует это слово? Ага. Именно. Как долго она здесь находится? Всего неделю? Она знала, что люди быстро влюбляются. У ее родителей так было. Её отец рассказывал, что знал о том, что женится на ее маме уже на их первом свидании. Все равно это казалось странным, как быстро она обрела в этом месте любовь, и чувствовала себя как дома. После аварии она ни разу не проверяла повреждения своей машины. Она сделает это позже. Сейчас ей хотелось свернуться в кровати, поспать - чего она не делала прошлой ночью, и увидеть сны об Эдине.

Машина подождет.

Привидения подождут.

Весь мир может подождать.

Сон - нет.

И любовь. Любовь также не ждет.

Поэтому она прыгнула в кровать, как и в любовный омут, с головой, и проснулась там же через пару часов.

Глава 11

Следующая неделя пролетела как в тумане: учеба, чтение, Эдвин и счастье. Она работала с небольшими группами мальчиков в свободное время, надеясь, что они ей откроются. Она искала хоть какую-то зацепку, указывающую на мальчика, к которому в кампус тайно приходит подружка. У них у всех были бейсбольные кепки, поэтому эта единственная подсказка никак не помогала. На их шеях не обнаружилось никаких засосов или любовных укусов. Их улыбки не таили никаких секретов. Она могла только надеяться на то, что чья бы подружка это ни была, мальчик был осторожен.

Осторожен? Хороший вопрос. В этой школе преподавали сексуальное воспитание? Похоже, это вполне разумно. Она спросит об этом директора. И она будет настаивать на том, что именно он должен преподавать, а она должна присутствовать на уроке и смотреть, как Эдвин рассказывает о пенисах и вагинах тридцати подросткам 16-ти и 17-ти лет.

Как только уроки закончились, Гвен поднялась на четвертый этаж Хоуквуда и нашла Эдвина в своем кабинете.

Она закрыла за собой дверь, и Эдвин перевел взгляд на неё.

- Ты улыбаешься, - произнес он. - Прекращай.

- Я не могу. Это происходит, когда я нахожусь с тобой в одной комнате.

- Я надеюсь, ты здесь, чтобы обсудить работу. - У него был суровый взгляд, который должен был прогнать ее улыбку.

- Да.

- Хорошо.

- И секс.

- Это плохо.

- Мы преподаем в Маршале сексуальное воспитание?

- Сексуальное воспитание? Ты имеешь в виду уроки здоровья?

- Я думаю, ты можешь это так называть, если тебе необходим эвфемизм, - ответила она. - А конкретно - сексуальное воспитание. У нас на кампусе есть, по крайней мере, один мальчик с подружкой.

- Только не об этом снова.

- Снова и об этом, - парировала она, обходя его стол. Это был большой стол, огромный стол, впечатляющий мужской письменный стол. Поэтому, она посчитала оправданием сесть на него, перекинув ногу на ногу, прямо перед лицом Эдвина.

- Нам не нужно обучать сексу мальчиков.

- Я не говорю, что мы должны обучить их лучшей позиции сзади. Но они должны знать о средствах защиты и ЗПП (*прим.: ЗПП- заболевания, передающиеся половым путем*).

- ЗПП?

- Такие, как гонорея, сифилис, СПИД...

- Ты имеешь в виду венерические заболевания?

- Именно, - ответила она, забавляясь тому, как он упорно придерживался старомодной терминологии. Однажды он даже назвал как-то ванную уборной. Очаровательно.

- Вряд ли нам стоит об этом беспокоиться.

- Эдвин, это очень мило с твоей стороны думать, что все мальчики - девственники, которые будут ангелами, пока не женятся, но это реальный мир. Подростки занимаются сексом почти так же часто, как и взрослые. И давай посмотрим... мы занимались сексом... - она замолчала. - Три раза в пятницу, три раза в

субботу, дважды в воскресенье. Один день отдыха, я понимаю. И затем в понедельник ночью, во вторник ночью, в среду...

Он поднял руку.

- Нет необходимости производить подсчет, - произнес он, сдерживая улыбку. - Я тоже там присутствовал.

- Правда? Если у нас двоих так многоекса, то, как ты думаешь, сколько им могут заниматься мальчики - подростки с переизбытком гормонов?

- Я не утверждаю, что они все монахи, Гвендолин. Нет основания о них беспокоиться.

- Я не беспокоюсь. Я просто думаю, что они должны получить и другие знания, кроме латыни и геометрии. Кроме школы есть много чего еще, - сказала она, раздвинув ноги, и расположив их по сторонам его ног. - Ты не согласен?

- Гвендолин? - Эдвин смерил её холодным, суровым взглядом.

- Эдвин? - передразнила она, соблазнительно улыбаясь.

- Это крайне неуместно.

- Я заперла дверь, когда вошла.

Он не отпускал ее взгляд. И затем, не прилагая особых усилий, он встал, снял очки, обхватил ее бедра и потянул к краю стола.

- Эдвин! - воскликнула она, потрясенная его действиями, но он заставил ее замолчать поцелуем. Если мальчики хотели получить сексуальное воспитание, они могли получить его, наблюдая за Эдвином. Он удивлял ее своим мастерством, как любовник. Он никогда не отправлял ее спать неудовлетворенной. Конечно же, как только она просыпалась, она хотела его снова.

Снова. Всегда. И сейчас.

Особенно сейчас.

- Ты абсолютно точно уверена в том, что заперла дверь? - спросил шепотом Эдвин возле ее уха. Она не знала, что делало его шепот эротичным, как и его прикосновения, скорее всего, причиной тому был его акцент.

- Я уверяю тебя, что да.

- Хорошо, - произнес он, расстегнув ее блузку. Но он не только расстегнул ее. Он полностью ее снял. А после продолжил раздевать, полностью, за исключением бледно-розовых туфлей на маленьком каблучке. Большие и сильные руки Эдвина блуждали по всему ее телу. Он обхватил ее груди руками, снова целуя губы. Он пощипывал и перекатывал соски между пальцами до тех пор, пока она не стала часто и тяжело дышать.

Он негромко засмеялся и прошептал ей: - Ш-ш-ш!

Если они не в его спальне, им стоит приложить максимум усилий, чтобы быть как можно тише. Но было совсем нелегко оставаться беззвучной, когда Эдвин массировал так ее груди, когда его бедра расположились напротив ее, когда его губы ласкали ее шею именно в том месте, которое делает ее возбужденной, трепещущей и мокрой.

Эдвин нажал ладонью между ее бедер и толкнулся одним пальцем внутрь. Она подалась вперед, жаждая большего. Он ввел второй палец, и ее влагалище сжалось вокруг него.

- Боже, Гвен! - сказал он у ее кожи. Она любила эти моменты, когда он был настолько возбужден, что называл ее Гвен, вместо Гвендолин. Это была его версия потери контроля.

Она просунула руку между их телами и расстегнула брюки Эдвина. Обеими руками она ласкала его, пока он полностью не стал твердым. Он закрыл глаза и

откинула голову назад. Это было прекрасно - видеть, как он теряется в ощущениях от удовольствия, которое она дарила ему.

Гвен позволила ему расслабиться достаточно долго, чтобы успеть смять его пиджак и стянуть тот с плеч. Она сдернула галстук и расстегнула наполовину рубашку. Её не волновало, что он не раздет полностью, все то время, пока у нее есть возможность целовать и дотрагиваться до его груди и плеч. Ей нужно чувствовать его кожу к коже, так же, как она нуждалась в том, чтобы почувствовать его внутри себя. Он, вероятно, чувствовал то же самое, поскольку схватил ее крепко за бедра, потянул к краю стола, и обеими руками развел ее ноги шире. Он наклонил голову и проник в нее языком. Ощущения были яркими, но это было и не обязательно. Она уже была влажной и готовой для него.

Эдвин выпрямился и обхватил рукой её запястье, поддерживая ее, пока она ложилась на спину. Он закинул её ноги себе на плечи и вошел в нее одним толчком. Она придвигнула бедра, принимая его всего. На секунду она задумалась, на каких важных документах она лежала и, возможно, их намочит. Но затем он вышел из нее и вошел снова одним толчком, жестко и глубоко, и она решила, что ей все равно, даже если они трахаются на самом оригинале "Великой Хартии", пока он продолжит... так... делать.

Гвен лежала с полузакрытыми глазами и растворялась в удовольствии от своего разгоряченного тела и от того, каким твердым он был внутри неё. Неожиданно, ее эротические грёзы рассеялись, когда Эдвин произнес ее имя.

- Гвендolin?

Она открыла глаза и посмотрела на него.

- Эдвин?

- Ты, ведь, останешься, не так ли? Несмотря ни на что? Ты останешься здесь, со мной?

Его голос был тихим, а тон - серьезным. Казалось, он имел в виду гораздо больше. Она приподнялась и обвила руками его шею, притягивая ближе. Он снова толкнулся в нее, когда она обняла ногами его спину, прижимаясь в порыве страсти.

- Я не должен просить тебя оставаться. Ты даже не знаешь, от чего отказываешься, - говорил он, поглаживая ее волосы, целуя шею. - Но, пожалуйста...

- Я останусь, - ответила она, обещание далось ей легко, она даже не могла назвать это жертвой. Она останется ради Эдвина. Ради мальчиков. Ради любви к преподаванию и любви к учебе, и любви к жизни, что она обрела здесь, как подарок, о котором, она даже не успела помечтать. Это была мечта. Это был сон. Это было всем, чего она хотела и не смела просить. И вот оно сбылось, он в её руках. И она никогда его не отпустит.

Переплетенные, они двигались вместе и напротив друг друга, и друг к другу, пока она не задрожала в его руках, и он не кончил внутри неё. Но они все еще продолжали держать друг друга, взволнованные данным ею обещанием, осознавая его смысл, даже не произнося этих слов вслух.

Эдвин влюблен в неё.

И она никогда его не оставит.

Никогда.

Глава 12

Гвен нежилась целый час в руках Эдвина в его кабинете после того, как они занимались любовью на столе. К сожалению, полностью одетые. Им не хотелось лишний раз рисковать. Думая об этом, она, наконец, заговорила.

- Мы должны рассказать мальчикам, - сказала она.

- Рассказать что?

- Что мы уже "мы".

- Стоит ли?

- А мы - это "мы", или нет?

- Да, - ответил он, ухмыляясь.

- Хорошо. Тогда, следует рассказать мальчикам, что мы - это "мы", пока они сами не догадались. Будет лучше, если они услышат это от "мы", то есть, нас. В противном случае, пойдут слухи.

- Они очень любопытные сплетники.

- Особенно Лайдрд.

- Он, вероятно, уже планирует нашу свадьбу.

- Он любит тебя, как отца, - сказала Гвен. - Он хочет, чтобы ты был счастлив.

- Я счастлив, - сказал Эдвин. - Ты сидишь у меня на коленях, в моем офисе... я, должно быть, умер и попал на небеса.

- Я не знала, что на небесах секс так хороший. Мне необходимо пересмотреть свои религиозные убеждения.

- Иначе, это не было бы раем.

Она подарила ему райский поцелуй на прощание и оставила его работать. По-видимому, они намочили лишь столешницу. Слава Богу, никаких табелей с оценками.

Гвен вернулась в свой коттедж, рассортировала бумаги и поужинала в столовой с мистером Прайсом и мистером Рейнольдсом. После ужина она вышла на прогулку на дорожки вокруг сада. Она целый час обдумывала, как рассказать ученикам о том, что они с директором вместе. Будь эта школа побольше, никого бы это не беспокоило. Но здесь все друг друга знают. Все говорят, что за стенами школы было всего тридцать три человека. Не может быть никаких секретов в столь маленькой школе. Она предпочла бы быть откровенной и честной в их отношениях, нежели продолжать прокрадываться тайком и ждать, когда их кто-то застукает, целующимися или держащимися за руки. Или того хуже...

Лайдрд.

Вот оно. Конечно же, Лайдрд. Он не смог бы сохранить секрет, даже ради спасения собственной жизни. Этот заядлый сплетник - то, что нужно. В следующий раз, когда он спросит о них с директором, вероятно, завтра, она скажет ему правду. Хорошо откорректированную, детскую интерпретацию, конечно. И уже к ужину вся школа будет оповещена. Возможно даже, все в радиусе восьмидесяти километров.

Гвен вернулась в свой дом и долго принимала ванну. Проверив время, она заметила, что едва минуло девять. Если она будет послушной и очень вежливо попросит, может быть, она уговорит Эдвина повторить дневную сцену, но теперь уже в его кровати, вместо твердого рабочего стола. Она выглянула за парадную дверь, сначала посмотрела налево, затем направо. Затем посмотрела в сторону спален. Похоже, вокруг никого. Она может свободно добежать до Хоуквуда и выловить там директора. Он доставил ей столько удовольствия сегодня, поэтому она решила отплатить тем же. Леди только так и поступают.

Представшая в её воображении картинка, как она делает ему очередной минет, как воспитанная леди, заставила ее ухмыляться и поглотила ее настолько, что она чуть не пропустила Леди в белом рядом со стеной. Но когда Гвен её увидела, то решила для себя, что сейчас, прямо сейчас, она разгадает эту тайну. Гвен волновало не то, что Невеста встречается тайком с одним из мальчиков, а то, что она прокрадывается на кампус и гуляет по нему по ночам. Это небезопасно. Не здесь, в этой глухомани.

- Мисс? - позвала Гвен. - Мисс, могу я с вами поговорить?

Невеста замерла, но лишь на мгновение. Через секунду она побежала так быстро, что Гвен за ней было не угнаться. Она еще не видела, чтобы девчонка бегала так быстро и уверенно. Она обходила каждую кочку, каждый камень. Она скрылась за углом Ньюбери и исчезла.

Гвен стояла, разглядывая школьный двор. Куда же она могла подеваться? Не могла же она раствориться в воздухе? Не перелезла она через школьный забор?

Сердце Гвен бешено стучало в груди после такой прогулки, но она вернулась назад к зданию Пемброук, где и заметила Невесту. Она увидела следы на мягкой земле, но ничего более. Нет, еще кое-что. Она нашла клочок белой ткани на крыльце, который зацепился за торчащий гвоздь. Гвен отцепила его, чтобы рассмотреть.

Белая. Кружевная. С вышивкой. Это был всего лишь носовой платок. И никакой мистики, никакого присутствия призрака. Он даже не пах женскими духами. И он принадлежал Невесте. Или нет?

Гвен перевернула его и заметила инициалы в углу. Она сразу же их распознала и поняла, что здесь, в Академии Уильяма Маршала, что-то не так. Она надеялась, что девушка окажется просто подружкой. Но сейчас она всё поняла.

Твердой походкой она направилась к покоям Эдвина и постучала. Когда стук не привлек его внимания, она стала колотить в дверь.

Эдвин распахнул дверь. На нем были шелковые пижамные штаны, домашний халат и выражение испуга на лице.

- Гвендолин, ради Бога, что...

- Звони в полицию, - произнесла она. - Мисс Майр все ещё живет в кампусе.

Глава 13

Гвен сидела напротив Эдвина за кухонным столом. Он приказал ей успокоиться и выпить чай.

- Ты все еще не вызвал полицию, - настаивала она.

- Ты не притронулась к чаю.

- Я выпью его, если ты пообещаешь вызвать полицию после того, как я закончу.

- Я не собираюсь вызывать полицию, Гвендолин. Нет необходимости впутывать в это дело посторонних.

- Я видела её у спален мальчиков, Эдвин. Не могу поверить, что ты так беспечен в отношении безопасности учеников.

- Я готов умереть ради этих мальчиков, и ты это знаешь. Но об этой ситуации мне известно больше, чем тебе. И это не обсуждается.

- Ты не обсуждаешь факт того, что бывшая учительница - сумасшедшая бродит вокруг школы?

- Мисс Майр не бродит вокруг школы.

- Тогда почему я нашла носовой платок с ее инициалами? Он был на крыльце у спален - Р.Л.М. - это означает Розмари Лей Майр. Я видела это имя и инициалы в её

Библии, которую она оставила в доме. Она чокнутая, и она опасна, и она точно все еще в кампусе.

- Она - не безумная, и она не в кампусе. Она уехала и больше не вернется.

- Как выглядела мисс Майр? Ты можешь сказать? - настаивала Гвен.

Эдвин пожал плечами.

- Она была женщиной. У неё были женские черты.

Гвен закатила глаза.

- Волосы? У неё были волосы?

- Да.

- Какого цвета они были? Чёрные? Белые? Блондинка? Шатенка?

- Чёрные и длинные, если я правильно помню.

- Тогда это она. Чёрные длинные волосы.

- Это не она, - стоял на своем Эдвин. - Мисс Майр уехала. Я не знаю, сколько раз тебе это повторять.

- Почему она уехала?

- Она уехала, чтобы выйти замуж.

- Что? Уехала ради замужества? Кто бросает работу только потому, что выходит замуж. Моя мама не сделала этого даже в семидесятых.

- Мисс Майр сделала.

- Ты знаешь, где она сейчас? Могу я ей позвонить? - спросила Гвен, надеясь вытянуть из Эдвина хоть какую-то информацию.

- У меня нет данных о ее местонахождении.

- Тогда она могла быть здесь.

- Не могла, - сказал Эдвин.

Гвен сжала кулаки от ярости.

- Не могу поверить, что ты так себя ведешь. Это не тот секрет, который ты можешь скрывать от меня. Это касается школы, безопасности студентов.

- Я об этом полностью осведомлен. Если бы я считал, что присутствие этого человека в кампусе хоть каким-то образом должно меня насторожить, я бы побеспокоился. Но это не так. И ты просто должна мне поверить, но я не вправе обсуждать это с тобой.

Это был не тот ответ, который она хотела услышать. Гвен поставила чашку чая на блюдце и встала.

- Я хочу тебе верить, Эдвин, но не могу. Не в этом.

- Мне ужасно жаль, - ответил он, и её сердце разрывалось от грусти и сожаления в его голосе.

- Если ты передумаешь и решишь рассказать, что происходит, то знаешь где меня найти, - сказала она. - Пока ты не решишь рассказать мне все, я буду благодарна, если ты не будешь приходить в мой дом. И я точно не буду больше приходить сюда.

- Я понимаю, - произнёс он равнодушно и холодно, хотя ещё сегодня он был таким чувственным и пылким.

Не произнеся больше ни слова, Гвен развернулась и ушла, оставив его одного за кухонным столом. Вместо того, чтобы пойти назад в свой дом, она отправилась на прогулку по школьным паркам в надежде найти еще больше следов Невесты. У неё был носовой платок. Конечно же, здесь должны быть ещё улики.

Она прошла несколько раз вокруг кампуса, пока её ноги не заныли от усталости. Злость придавала ей сил. Эдвин должен доверять ей, не так ли? Ей необходимо, чтобы он верил ей. Она думала, что он ей доверяет. Он рассказал о своей первой любовнице, жене, всю правду о разводе. Это все было частью его прошлой жизни, которую она

хотела узнать, но это было необязательно. А это – это она должна знать. И всё же никакие мольбы и просьбы не заставили его рассказать правду.

Что он скрывал? И почему он это скрывал?

Но эти вопросы беспокоили её меньше всего. Самым важным было обеспечение безопасности мальчиков в кампусе. А Эдвин, похоже, совсем не беспокоился по поводу сумасшедшей женщины, бродившей по территории. Прекрасно, Гвен сама защитит учеников, если потребуется.

Она вернулась к себе в дом и присела за кухонный стол. Ответы. Вот что ей нужно. Если мисс Майр все ещё живет здесь, то ей необходимы вещи - еда, вода, место, где принять душ, место для сна. Предполагалось, что она жила в этом доме перед замужеством. Библия в тумбочке является тому доказательством.

Гвен достала Библию снова, и в этот раз она просматривала страницы. В Саванне у Гвен был курс о поэзии в Библии - Псалмы, Песнь Соломона. "Веселые Книги", как называли это её студенты. Но, по-видимому, мисс Майр не была заинтересована в "веселых книгах". Но вот заповеди Старого Завета явно завладели её вниманием. Слово "мерзость" было обведено снова и снова по всей Библии. Везде, где оно встречалось, оно было обведено. Есть свинину и моллюсков - это мерзость. Постриг чьей-либо бороды - это мерзость. Переодевание - это мерзость. Мужчина, лежащий с другим мужчиной - это мерзость. Эта строка была не просто подчеркнута мисс Майр, она была подчеркнута дважды.

И обведена.

И отмечена звездочкой.

Отлично. Если мисс Майр такая, тогда сегодня вечером Гвен будет есть устрицы, одетая в штаны и читая гей-эротику.

Мисс Майр... кто эта женщина? А точнее, где эта женщина?

Гвен никогда еще не видела Невесту возле коттеджа. Только на стене и у спален. Но Гвен покидала дом на девять часов каждый день. Завтрак в восемь. Занятия начинаются в девять. Ланч - в час дня. Её последние уроки в три часа по полудню. Она не возвращается домой раньше пяти. Пряталась ли мисс Майр - или кто бы то ни был - в её доме, чтобы спать, поесть или принять ванну?

Холодок прошел по ее телу от ужасного предчувствия. Она делила дом с незваным гостем?

Гвен осмотрела весь дом и не нашла никаких признаков чужого присутствия. Это было слабым утешением, но уже что-то. Она так мало знала о мисс Майр. Эдвин практически ничего о ней не сказал. Может, мальчики будут более разговорчивыми.

В понедельник она вошла в класс готовая начать "Сон в летнюю ночь". К чему она действительно не была готова, так это найти десять яблок у себя на столе и плакат на доске с надписью: "Добро пожаловать в Маршал".

Её глаза наполнились слезами, когда она улыбалась ученикам.

- Нет, только не плачьте, - сказал Лайрд. - Никаких слёз. Мы заберем яблоки, если вы начнёте плакать.

- Я не буду плакать, - ответила она, плача.

- В общежитие была вывешена записка о том, что вы - официально новый учитель литературы в Маршале. Мы этому рады, - сказал Кристофер.

- Больше никакого "Айвенго", - проскандировал Джейфферсон, и все в классе стали аплодировать.

- Это очень мило с вашей стороны, мальчики, - сказала она. - Вам не стоило тратить свои выходные, делая мне плакат с приветствием.

- Мы застряли в школе для мальчиков, - ответил, вздыхая Кристофер.

- Нам необходимо находить занятие на субботу. Выбирали между плакатом и ограблением банка.

- Я рада, что вы провели выходные за написанием плаката и не совершили преступлений.

- Банки закрыты по субботам, - парировал Кристофер, пожав плечами. А затем он улыбнулся ей, подтверждая тем самым, что он действительно рад её присутствию. Она не стала им рассказывать, что банки, на самом деле, открыты по субботам. Не было смысла давать им повод для размышлений.

- Надеюсь, вы нашли чем развлечься на выходных, - подметил Лайрд, его тон показался ей слишком невинным. Она посмотрела на него.

- Весь уикенд я готовилась к лекциям и делала заметки. Я тоже не грабила банки.

- Так вы не развлекались на выходных, мисс Эшби? Совсем нет?

- Нет, - заверила она. - Учителя не развлекаются. Никогда.

Лайрд кивнул головой.

- Конечно. Все верно. Никаких развлечений.

- Никаких. А теперь, говоря о не развлечениях, вернемся к делу.

Она развернулась и начала писать на доске план занятий на эту неделю.

Как только она оказалась спиной к классу, один из мальчиков идеальным женским фальцетом простонал: "Эдвин!"

Рука с мелом замерла, весь класс захихикал. Гвен покраснела настолько, что почувствовала жар во всём теле до самых косточек. Она сделала глубокий вздох и напомнила себе, что она учитель, и мальчики - подростки. Это был всего лишь вопрос времени, когда её маленькие ангелочки покажут свою дьявольскую сторону.

- На самом деле, прежде чем мы приступим к новой книге, давайте развлечемся. Доставайте листок бумаги, мальчики. У нас будет тест.

Она развернулась и посмотрела на Лайрда, который уже доказал свои музыкальные способности во время пьесы.

- Мы забираем приветственный плакат, - сказал Кристофер, съезжая вниз на стуле с хмурым взглядом.

К концу занятия Гвен ещё больше отомстила мальчикам.

- Лайрд, Кристофер, задержитесь на минутку, - произнесла она.

Мальчики замерли с явным страхом на лице. Одноклассники сочувственно проводили их взглядом, покидая класс.

Как только они остались одни, Лайрд начал.

- Извините меня, мисс Эшби. Я не хотел... это был не я, - врал он. - Я просто...

- У тебя не будет проблем, - остановила она. - И у тебя тоже, Лайрд. Я полагаю, кое-кто подслушивал?

- Эм... - Кристофер запнулся. - Да. Но мы действительно счастливы за вас. И за директора Йорка. Он - выгодная партия. Хорошая работа.

- Я не намерена обсуждать с вами двумя директора Йорка.

- Без обид, мисс Эшби, но вам и не придется, - сказал Лайрд. А затем он добавил полуслепотом - Мы уже все знаем.

Она провела пальцами по губам, закрыв их на замок.

- Отлично, - подтвердил Лайрд, повторяя ее жест, закрыв свои губы на замок.

- Причина, по которой я попросила вас двоих остаться - это то, что вы напугали меня до...

- Всего лишь немного, - сказал Кристофер.

- Я хотела спросить вас кое о чём. Что вы знаете о мисс Майр?

Кристофер и Лайрд мгновенно замолчали и переглянулись. Очень странно.

- Что? - сразу же спросила Гвен. - Расскажите мне.

Кристофер пожал плечами.

- Нечего рассказывать. Она была здесь несколько лет. Вела литературу. В один день пришла, а в другой - её уже нет.

- Почему? - поинтересовалась Гвен. - Ты что-нибудь знаешь об этом, Лайрд?

- Не совсем. Директор сказал, она уехала, чтобы выйти замуж.

- Ты уверен? - переспросила Гвен. У неё было чувство, что мальчики что-то от неё скрывают. – Есть что-нибудь еще, что ты можешь рассказать мне о ней?

- Она много читала Библию, - ответил Кристофер. - Но ее занятия были хорошими.

- Хорошими, - подтвердил Лайрд. - Но ваши - лучше.

- Вы говорили, что она вас недолюбливала, - напомнила им Гвен.

- Мы очень много говорим, - сказал Кристофер. – Может быть, на этом все.

- Спасибо. Вы оба можете идти. Увидимся позже. И, мальчики, постарайтесь сдерживать ваш энтузиазм относительно моей личной жизни.

- Мы постараемся, но, понимаете, у нас нет своей личной жизни. Должны же мы как-то развлекаться, - Лайрд бесстыдно ухмыльнулся.

- Ищите развлечения в другом месте, - предупредила она.

- Да, мисс Эшби, - произнес Кристофер, и они с Лайрдом ушли.

Она обвела взглядом пустой класс. Мисс Майр сидела на этом же стуле с доской за спиной и смотрела на те же ряды столов и стульев. Нравилось ли ей здесь работать? Любила ли она учеников? Относилась ли она к ним хорошо? Была устрашающей? Жестокой? Равнодушной? Гвен открыла выдвижной ящик стола и внутри ничего не нашла. Ни ручек, ни бумаги. Это было неудивительно. Мисс Майр хранила все свои вещи...

Тут Гвен вспомнила, что ей показывал Эдвин в её первый день в Маршале.

- У меня есть офис.

Глава 14

Гвен настолько увлеклась Эдином и Маршалом, что едва обратила внимание на экскурсию по школе, устроенную ей. Но да, сейчас она припоминает, что он показал ей маленький офис. Она поднялась по ступенькам и уставилась на дверь рабочего кабинета мисс Майр. Гвен не могла объяснить причину своего беспокойства, открывая дверь. Может, она думала, что обнаружит там Невесту или призрак мисс Майр в кресле? Она сделала глубокий вздох и отворила дверь. Ничто и никто её не поприветствовал, лишь солнечные лучи струились из окна и пылинки танцевали в воздухе.

И запах дыма.

Запах был настолько сильным, что ей пришлось открыть окно. И все же, поблизости ничего не горело. Никакого огня. Никакого тепла. Нет пламени. Нет ничего.

Нет дыма без огня, гласит пословица, но Гвен не видела огня. Ни внутри здания, ни снаружи. Через минуту запах дыма рассеялся. Так откуда он взялся? Очень странно... Абсолютно точно, это не игра воображения.

Гвен повернулась спиной к окну и осмотрела весь кабинет. В центре стоял небольшой письменный стол. Женский стол, с орнаментом, изысканный. Полная противоположность массивному дубовому столу Эдвина, на котором могли свободно уместиться стоя двенадцать мальчиков (или одна женщина лежа). Гвен просмотрела

бумаги на столе. На некоторых были сделаны записи, но это были всего лишь заметки для занятий.

Тест в четверг.

Финальные оценки 1 Мая.

Заказать новые работы Роберта Фроста.

Гвен нахмурила брови. Новые работы? Роберт Фрост умер в 1963 году. Она, наверное, имела в виду новую биографию или новый сборник его стихов.

В выдвижном шкафу стола она нашла журнал оценок мисс Майр. Там были все тридцать учеников. Рассел Адамс. Элиот Брайнт. Джошуа Чарльз. Лайрд Доннэлли. Маркус Фаррэлл, Кристофер Хайс. И так далее. Она улыбалась, читая их имена, теперь у каждого имени было свое лицо, а у лица - личность. Кристофер и Лайрд - хулиганы с добрыми сердцами и, несомненно, лучшие друзья на всю жизнь. Сэмюэль - единственный темнокожий ученик и, вероятно, самый умный. На её занятиях он стал более разговорчивым, и она была удивлена его познаниям в психологии. Элиот - тихий заучка, но с ясным умом. Джошуа больше интересовалась математикой, чем английский, но он старался изо всех сил. Хорошие мальчики, все они. Хорошо обучены директором. Под журналом Гвен нашла список имен и адресов. Имена учеников. Адреса учеников.

Но там были только 29 имен из школьного списка. Гвен положила журнал, заполненный вручную, рядом со списком имен и адресов, и сопоставила имена одно за другим. Не заняло много времени найти отсутствующего.

Лайрд Александр Доннэлли. Как странно. Он есть в классном журнале, но его нет в списке? Это бессмысленно. Здесь что-то не сходится.

Она перерыла все содержимое, но больше ничего не нашла подозрительного и странного. Единственной странной вещью было то, как мисс Майр оставила все свои вещи. В ее столе остались ручки, за которые можно выручить целое состояние в антикварном магазине. Ручки Old Montblanc все еще в рабочем состоянии. Что было не так с этой женщиной? Большинство преподавателей покупали свои собственные книги, но здесь в кабинете книжные полки были заполнены ранними изданиями классиков в твердом переплете. Эти книги были просто сокровищем, и мисс Майр их так просто оставила.

Гвен провела кончиками пальцев по обложкам книг. «Гордость и Предубеждение». «Эмма». И Эдвина любимая - "Айвенго". Мальчиков, очевидно, заставили прочесть эту книгу не один раз после того, как Эдвин взял на себя уроки мисс Майр. Она с любопытством открыла книгу, пытаясь узнать, чем же та так тронула душу Эдвина. Гвен мало что знала об этой книге, за исключением того, что главным героем был рыцарь двенадцатого века, и это был классический роман - история о герое, отправившемся совершать подвиги и отстаивать принципы рыцарства и благородства. Она перелистывала страницы.

- Ибо кто творит добро, имея неограниченную возможность делать зло, тот достоин похвалы не только за содеянное добро, но и за всё то зло, которого он не делает.

Ага. Это похоже на раздражающее благородного Эдвина. Неудивительно, что ему это так нравится.

Пока Гвен перелистывала странички "Айвенго", одна из них выпала. Она подняла ее с пола и увидела, что это была не страница из книги, а черновик письма.

Письмо Эдвину.

Гвен села на стол и прочла письмо, затем второй раз, и третий, просто чтобы убедить себя поверить своим глазам. И все же, она не могла поверить. Многие слова и строки были зачеркнуты, будто у мисс Майр были трудности с ними.

Директор Йорк! Начиналось письмо.

К моменту, когда вы будете читать это письмо, меня уже здесь не будет. Я больше не в силах терпеть грех и безнравственность, которым вы позволили процветать у вас на глазах. Здесь царит Зло, и на кону души мальчиков. Грех - недуг, я не могу более здесь находиться, дабы не заразиться им. Господь поразит эту школу огнем и смертью, если не вырвать укоренившееся зло. Это не только дело чести. Это огромная настоящая угроза. Позволяя процветать этому злу, вы подвергаете опасности всю школу. Я свяжусь с родителями, если вы отказываетесь выполнять свои обязанности. Господь помилуй вашу душу.

Во имя Господа,

Розмари Майр.

Руки Гвен дрожали, когда она перечитывала записку в последний раз. Был ли написан чистовик этого письма, который мисс Майр отдала Эдвину? О каком грехе она говорила? Какое зло пришло в эту школу, и мисс Майр была уверена, что оно уничтожит мальчиков в пылающем огне? Она казалась сумасшедшей из-за рассуждений о гневе Господнем и грехе, который распространяется как недуг. Но всё же, что-то вывело ее из себя. Но что? Что такого она увидела или услышала, что напугало ее настолько и заставило бежать из школы, и сообщать родителям?

Гвен покинула офис и направилась прямиком к Эдвину. Он сидел за столом с ручкой в руке и журналом перед собой.

- Мне нужно с тобой поговорить, - сказала она.

Он переместил взгляд на неё. Она заметила проблеск удовольствия в его глазах при ее появлении в дверях его офиса.

- Закрой дверь, пожалуйста.

- Не думаю, что это хорошая идея, - прошептала она. - Мальчики нас подслушали.

- Подслушали? - переспросил он, откинувшись на спинку кресла.

- В пятницу. Точнее, они услышали, как я произносила твоё имя, - добавила она, устраиваясь на стуле напротив его письменного стола. Ее щеки покрылись румянцем. - Они очень четко дали мне это понять в классе.

Глаза Эдвина стали больше от шока.

- Я очень надеюсь, что ты их сурово наказала. Это неприемлемое поведение для молодого джентльмена.

- Я дала им внеплановую контрольную. Очень сложную.

- Хорошо. Ты здесь не для того, чтобы поговорить о... нас?

- Нет, - ответила она и заметила разочарование, которое он скрывал. Он, должно быть, скучал по ней так же сильно, как и она по нему. - Я только что была в своем офисе мисс Майр. Я нашла это в одном из изданий "Айвенго". Можешь мне сказать, о чем это?

- Для начала, скажи мне, почему ты читала "Айвенго"?

- Я собиралась использовать его для розжига. А сейчас прочти письмо.

Она передала ему записку. Эдвин пробежался по ней глазами.

- Судя по всему это черновик письма.

- Ты получил окончательную версию? - спросила она.

- Да.

- И?

- Так же, как и ты с "Айвенго" - я использовал его для розжига.

Она подумала, что он, должно быть, шутит, но она увидела честность в его глазах - он сжег письмо.

- Почему?

- Потому что оно было сплошной бессмыслицей, на которую у меня нет времени. Она покинула школу. Она уехала. Мыдвигаемся дальше, - ответил Эдвин, держа в руке бумагу, складывая её с пренебрежением.

- Ради Бога, о чём она говорила в том письме? Грех? Порок? Гнев Божий?

- Мисс Майр была чрезмерно набожной женщиной. Ей виделся грех во всем, - ответил Эдвин с отвращением.

- Она увидела зло здесь, в школе, и утверждала, что ты об этом знаешь.

- Я не вижу в этой школе никакого зла, мисс Эшби. Я вижу молодых людей, которые стараются изо всех сил. Им необходима дисциплина. И образование. Вот и всё.

- Я вижу то же самое, - сказала она. - Я ещё никогда не встречала группу студентов, настолько преданных друг другу.

- Они готовы отдать жизнь друг за друга, - подтвердил Эдвин. - И если бы хоть у одного из них были неприятности, или же ему угрожала опасность, мы были бы первыми, кто узнал об этом.

- Ты в этом уверен? Ты абсолютно уверен в том, что они бы нам доверились?

- Они доверяют мне, мисс Эшби. И когда у них появляются проблемы или страхи, они приходят ко мне. Вы - новенькая, вы - женщина, займёт какое-то время прежде, чем они начнут делиться с вами своими личными переживаниями. Я хорошо осведомлён обо всём, что происходит с мальчиками на территории этой школы, поэтому, я вас уверяю в том, что нет причин для беспокойства и нет повода тревожить мисс Майр.

- Я хочу в это верить, - призналась Гвен. - Но не могу.

Она встала, чтобы уйти, но остановилась, когда Эдвин произнёс её имя. Она медленно развернулась.

- Закрой дверь, пожалуйста, - произнёс он.

Его голос прозвучал уныло, и она сделала, как он сказал.

- Что? - спросила она, как только дверь была закрыта.

- Гвендолин, - начал Эдвин и остановился, собираясь с духом. - Эти несколько дней вместе... они для меня многое значат. Я говорил тебе вещи, которые никогда никому не рассказывал. И мы разделили с тобой самые серьезные, самые личные, самые интимные моменты, какие только могут разделить двое людей.

Гвен проглотила ком в горле.

- Я знаю.

- Наши ночи что-нибудь значили для тебя? Всё, что я говорил? Что я делал?

Гвен вздохнула и приложила руки к животу.

- Да, они значили даже больше, чем я могу признать, - она подошла назад к столу и снова присела в кресло. - Я никогда не была романтичной. Огромная разница между тем, о чём я читала в романах и реальным миром... мои родители были мертвые, прямо как родители Пипа из "Великих Надежд". Где мой таинственный богатый покровитель? Я была вынуждена оплатить сама за всё свое обучение. Мы находимся среди леса вдали от города. Где Оберон и Титания и их волшебные чары? Реальный мир и мир из художественной литературы очень далеки друг от друга. И так и должно быть. Сказки вдохновляют. Во всяком случае... я так думала до встречи с тобой. Можно читать книги о любви с первого взгляда, но я никогда не верила, что это правда.

Гвен посмотрела на Эдвина и улыбнулась.

- Затем ты... - Гвен продолжила. - Я проснулась в твоей кровати, ты дал мне работу и место, где я могу жить, и я потерялась. Потерялась в своих чувствах к тебе. И

затем мы занялись любовью, и я запуталась ещё больше. Эдвин, я настолько заблудилась, что даже карта и компас, и целая стая ищек не смогут меня снова найти.

Эдвин снял очки и положил их на стол. Он сжал ладони и взглянул ей в глаза.

- Я тоже потерялся, Гвендолин. У меня никогда не было того, что зародилось между нами за это короткое время. Ты приехала сюда, это последнее место, где ты должна находиться, и вот оно. Я потерялся в месте, которое всегда было для меня домом. Я хочу тебя обратно в свою постель. Сейчас. Сегодня. Навсегда. Но ты должна мне доверять. Я верил тебе.

- Эдвин... - Гвен прошептала и закрыла глаза. В её памяти пронеслись тысячи картинок. Эдвин целующий её, трогающий её, двигающийся в ней. То, как его глаза горели желанием, когда он втянул её в свою спальню. В его руках она была в безопасности. Его место было внутри неё. Она никогда ещё не чувствовала ничего настолько правильного.

- Пожалуйста, верь мне, Гвендолин. Пожалуйста, поверь мне, что я знаю, что делаю. Пожалуйста, доверься.

- Я хочу этого, - сказала она. - Но я могу сказать тебе то же самое. Доверься мне. Расскажи, что происходит. Расскажи, что знаешь.

- Я не могу. Я просто не могу. И не могу сказать тебе, почему не могу. Если бы я мог, я бы рассказал, но рассказать тебе - означает пойти против всего, во что я верю, и противоречит всем моим убеждениям.

- Рассказать своей любовнице правду противоречит всем твоим убеждениям? Тогда, возможно, это к лучшему, что мы больше не любовники.

- Возможно, так и есть, - повторил он, его голос прозвучал холодно и невозмутимо. - Но ты должна знать, что я хотел бы, чтобы был другой путь.

- Есть другой путь. Это твоё решение, Эдвин.

Он посмотрел на нее с мольбой. Но он ничего не сказал, не раскрыл никаких секретов, не поведал ответов. Она ушла.

Гвен заставила себя улыбаться ради студентов. Её второй и третий уроки прошли хорошо. Никто не дразнил её по поводу директора, и они ясно дали понять, что в восторге от того, что она останется в Маршале. В конце дня она собрала свои вещи и вернулась в офис мисс Майр - свой офис. Она провела остаток дня в поисках, проверяя каждую вещицу в кабинете. Она пролистала каждую страницу каждой книги, чрезвычайно трудная задача, но в конечном итоге безрезультатная. Мисс Майр оставила записки практически в каждой книге на полке, но это были всего лишь заметки для занятий, классные оценки или, как в одном из случаев, список покупок. Рабочий кабинет больше не представлял интереса. После часовых поисков в офисе мисс Майр Гвен вернулась к себе домой. Но прежде, чем войти, она постояла на лужайке и осмотрела свой новый дом. Она даже никогда не мечтала жить в таком милом доме. Учителя не зарабатывают достаточно, чтобы позволить себе дом вековой давности в Тюдоровском стиле. Сам дом был белым, но снаружи его украшали стандартные темные декоративные балки. Он выглядел как домик из сказки, особенно сейчас - в свете взошедшей луны. Шекспир, наверное, жил в таком доме. Плющ взобрался на дом с одной стороны, покрывая его почти полностью до самого камина, в виде узелков и завитков, так густо и часто, что окно с северной стороны было практически накрыто им. Гвен видела, как серебристые лучи отражались от стекла.

Окно? Гвен никогда прежде не замечала, чтобы одно из её окон было покрыто плющом. И внизу тоже. Но окно было, на самом верху дома. Сердце Гвен выпрыгивало из груди от возбуждения. В её доме была другая комната. Тайная комната.

- Попалась, - произнесла она вслух.

И тихо, насколько было возможно, она прокралась в дом.

Глава 15

Гвен сняла туфли, чтобы не цокать каблуками по деревянном полу. Босиком она поднялась на второй этаж. Окно, покрытое плющом, которое она увидела, было высоко. Очень высоко. Выше, чем окно её спальни. Это означало, что в доме был третий этаж или чердак. Гвен осмотрела весь второй этаж в поисках двери, которую она не заметила. Ничего в главной спальне. Ничего в гостевой спальне. Но она отказывалась сдаваться. Здесь должен быть путь наверх. Она пропилит потолок пилой, если придется.

Потолок?

Гвен обратила внимание на потолки, но нигде она не увидела двери или выдвижной лестницы, ведущей на чердак. Она, наверняка, что-то упустила. Гвен проверила наверху каждую комнату, даже уборные. Где-то должен быть выход на третий этаж.

- Я - идиотка! - воскликнула она и сбежала вниз по лестнице.

Конечно же, там был выход на третий этаж. Но он не проходил через второй. Это бы слишком бросалось в глаза. Как только она оказалась на первом этаже, то направилась к кухне. Из кухни прошла в кладовку. И там, в конце кладовой, за коробками, на которые она раньше не обращала внимания, была маленькая дверь. Она однажды посмотрела на неё, но подумала, что та ведет в подвал или к водопроводным кранам. Гвен сняла засов, открыла дверь и увидела за ней узкую лестницу.

Гвен осмотрелась в поисках фонарика, но ничего не нашла. Поэтому, она взяла масляную лампу с прикроватной тумбочки, подожгла фитиль спичками и вернулась к двери в кладовке. Как только она протиснулась через дверной проем, то смогла двигаться более свободно. Ширина лестницы едва достигала полуметра, но она могла встать на неё всем весом. Гвен держала лампу впереди себя, освещая лестницу. Пыль кружилась вокруг, и она прикрыла рот и нос рукой, сдерживаясь от чихания.

Гвен взбиралась на каждую ступеньку, предварительно пробуя её на прочность носком ноги. Двадцать четыре ступеньки до двери наверху. Осторожно она повернула ручку двери. Её охватил страх. Её руки так тряслись, что свет лампы прыгал то вверх, то вниз. Дверь не заскрипела, когда она поворачивала ручку.

Мысленно она посчитала... раз... два... три...

Дверь открылась, и Гвен закричала.

Вот она. Невеста.

Она стояла, словно окаменевшая, спиной к Гвен.

- Мэм? - Гвен прошептала, входя в комнату. Невеста по-прежнему оставалась неподвижной.

Ещё никогда в своей жизни Гвен не испытывала такого страха. Она сделала глубокий вздох.

- Мэм? - произнесла она громче в этот раз.

Никакого ответа. Гвен осмотрела комнату. Она не знала чего ожидать, но это была обычная комната. Никаких трупов. Никакого оружия. Ничего, кроме нескольких рулонов ткани, пары стульев и ковра. Собирая остатки храбрости, она сделала шаг вперёд, всем телом подготовилась к нападению. Но женщина так же осталась неподвижной.

Гвен сделала ещё один шаг, и ещё один. Её руки дрожали, её ладони вспотели от ужаса. Она подумала, что её грудь разорвётся, так бешено и неистово билось сердце. Наконец, она встретилась с женщиной и обнаружила, что у той нет лица.

Лица не было, потому что никакой женщины тоже не было. Это был манекен, швейный.

- О, мой Бог... - Гвен выдохнула, практически теряя сознание от облегчения. На манекене висело свадебное платье, сшитое вручную. Мерная лента обернута вокруг шеи модели. Вероятно, мисс Майр использовала эту комнату как швейную мастерскую. Здесь она шила свое свадебное платье.

Но Эдвин говорил, что она покинула школу, чтобы выйти замуж. Какая невеста будет выходить замуж без подвенечного платья ручной работы? Или она уехала не ради свадьбы...

Или мисс Майр не уехала.

Гвен спустилась вниз по лестнице и вернулась в кухню. Она была вся в пыли из-за своего путешествия в потайную комнату, но она не стала задерживаться, чтобы очистить одежду. Она пойдет прямо к Эдвину и притащит его за ухо в комнату наверху, и покажет ему свадебное платье мисс Майр. Если он сможет смотреть на это и говорить ей, что мисс Майр уехала, чтобы выйти замуж...

Гвен призадумалась. Нет. Может, она не пойдет к Эдвину. Может, ей не стоит идти к Эдвину. В том письме говорилось об опасности, настоящей смертельной угрозе. И Эдвин дал ясно понять, что ничего не собирается с этим делать. Прекрасно. Посмотрим, что скажет на это полиция. В конце концов, они могут связаться с мисс Майр. И если им это не удастся, тогда Гвен им расскажет, что она подозревает что-то неладное - она знает где находится женщина - все ещё здесь, в кампусе, и это не к доброму.

Гвен покинула дом и направилась прямиком к машине на небольшую гравийную парковку за территорией школы. Она увидела лишь свою машину и никаких других. А где машина Эдвина? Мистера Прайса? Только у неё здесь была машина? И почему она только сейчас шла к своей машине? Что-то не так. Попав сюда однажды, она больше не захотела покидать это место. Почему? Даже ради похода в магазин или звонка другу? Позвонить другу? В её доме даже не было телефона. Эдвин сказал, что в школе есть телефон, но она его не видела. Что происходит? Эта школа её так затянула, словно, весь окружающий мир перестал существовать с момента, когда она начала здесь преподавать.

Ей нужно выбраться отсюда. Сейчас. Ей необходимо побывать на расстоянии от Эдвина и школы несколько часов.

Но когда она дошла до машины, у неё перехватило дыхание от увиденного. Она знала, что машина была повреждена от столкновения со стеной. Эдвин говорил ей, что, возможно, она не пригодна для вождения. Но это...

- О, Боже мой! - воскликнула она. Как она выжила? Вся передняя часть автомобиля была расплощена, стекло разбито, руль вывернут.

Нет... этого не может быть. У неё была лишь царапина на голове, которая очень быстро зажила. Кто-то что-то сделал с её машиной. Взял её, угнал и врезался на ней в стену на скорости сто миль в час. Кто-то хотел удержать ее здесь. Она им не позволит. Она пойдет пешком до города, если придется. Она побежит.

Гвен шагнула в сторону выхода с территории, но заметила движение на земле.

Ахнув, она отпрянула.

Змея. Большая, чёрная, свернувшаяся в клубок змея лежала на дороге и охраняла её, как одноголовый Цербер. Гвен отскочила назад. Одинокая женщина ночью? Ей надо взять с собой нож. Она развернулась, чтобы побежать назад к себе домой.

И вот оно. В темноте промелькнуло белое платье.

Инстинктивно, движимая страхом и решимостью, Гвен ринулась через весь кампус, стараясь изо всех сил бежать максимально быстро. На этот раз она не позволит Невесте ускользнуть.

Невеста заметила её, но было поздно. Гвен ухватила прядь волос, когда та спускалась по ступенькам каменной лестницы в башне.

Гвен взглянула на клочок волос, оставшийся у нее в руках. Она пыталась закричать, но её рот накрыла рука и заглушила крик.

Затем она увидела лицо Невесты.

Рука, прикрывающая ей рот, опустилась.

- Лайрд?

- Эмм... привет, мисс Эшби, - сказал он, при этом выглядел извиняющимся и смущенным одновременно.

У неё сердце ушло в пятки от такого испуга и облегчения, что это был Лайрд, всего лишь Лайрд в белом платье.

Какого черта?

- Лайрд, что ты здесь делаешь? Что все это значит? - возмутилась она.

- Ничего. Просто пугаем ребят. Играем в привидения. Просто розыгрыш. Это шутка, - сказал он, нервничая, его голос был выше, чем обычно.

- Просто розыгрыш? Ты напугал меня до чёртиков. Ты пугал меня до ужаса с тех самых пор, как я сюда попала. Что заставило тебя...

- Лайрд?

Гвен подняла взгляд туда, откуда доносился знакомый голос.

Немного заикаясь.

- Мисс Эшби, послушайте. Я могу объяснить, - произнес Лайрд и взял ее за руку.

Гвен выдернула руку и помчалась вверх по лестнице. - Это не то, о чем вы подумали!

В конце лестницы был небольшой каменный проход в башню. И там, внутри маленькой комнаты, размером не более пяти шагов в ширину и в длину, сидел Кристофер.

На нем были шорты и белая футболка. Рядом с ним стояла небольшая масляная лампа. На майке были видны швы. Она была одета наизнанку.

- Мисс Эшби, - сказал он, явно шокированный ее появлением. - Это не...

Гвен услышала позади себя звуки. Она оглянулась и увидела Лайрда, смотрящего на Кристофера. И Кристофера, смотрящего на Лайрда. Они оба смотрели на неё.

Гвен испустила вздох неподдельного облегчения.

- Слава Богу!

Глава 16

Первое, что она сделала - это приказала обоим мальчикам надеть школьную форму. Во-вторых, она приказала им немедленно прийти к ней в дом, как только они будут выглядеть подобающе. В-третьих, она присела за кухонным столом и пыталась не упасть в обморок. Ещё один испуг, и ей конец.

Пятнадцать минут спустя она услышала робкий стук в дверь. Впустив мальчиков и проведя их на кухню, она поставила перед ними две дымящие кружки горячего шоколада.

- Так это... настоящая любовь? - спросила она.

Мальчики нервно засмеялись.

- Наверное, да, - ответил Лайрд. - Я знаю, что вы вероятно, думаете, это мерзко или неправильно, или...

- Нет, остановись сейчас же, - прервала его Гвен. - У меня нет никаких проблем с двумя парнями, которые хотят быть вместе. Совсем. Ни в коей мере. Я выкладываю все карты на стол. Я не осуждаю вас за вашу связь. Я осуждаю вас за то, что до смерти меня напугали. А теперь говорите.

Кристофер пожал плечами и отпил немного горячего шоколада.

- Я не знаю, что сказать, мисс Эшби, - произнес Кристофер. - Лайрд попал к нам три года назад и это было просто... сначала мы были друзьями. Затем лучшими друзьями. А потом Лайрд намекнул, что чувствует ко мне нечто большое. И я сказал, что чувствую то же самое. И потом мы начали делать, ну вы знаете, разные вещи вместе.

- Не нужно вдаваться в подробности о "разных вещах вместе", - сказала Гвен. - Я уже взрослый человек. Я знаю, что делают двое влюбленных людей наедине.

- Это ясно, - подметил Лайрд, и Гвен стрельнула в него глазами.

- Сегодня мы говорим не обо мне, - произнесла Гвен. - А теперь вы двое признавайтесь? Что все это значит?

- В общем, - произнес Лайрд. - мисс Майер все узнала. Она была в гневе. Она читала нам лекции об аде и грехах, и как это все отвратительно.

- Как она узнала, - поинтересовалась Гвен. - Так же, как и я?

- Нет, - ответил Кристофер, указывая пальцем на Лайрда. - Этот гений передал мне записку в классе. Она её перехватила.

- Дай-ка угадаю, - сказала Гвен. - Она и Директору Йорку её показала?

Кристофер кивнул.

- Да, так она и сделала.

- Я думал, нас выгонят, - продолжил Лайрд. - Я, Крис и мисс Майер, все мы были в кабинете директора. В отличие от неё он встал на нашу сторону. Она сказала, что нас необходимо исключить, что грех можно...

- Искоренить, - закончила за них Гвен.

- Да, именно так, - согласился с ней Кристофер. - Откуда Вы об этом знаете?

- Я нашла черновик письма, которое впоследствии было послано Эдвину. Я имею в виду Директору Йорку. Так было написано в письме. В школе есть опасная угроза, зло, и его необходимо искоренить прежде, чем оно распространится как болезнь.

- Смешанная метафора, - сказал Лайрд, качая головой. - Учитель английского должен знать лучше.

- Ей действительно следовало, - согласилась с ним Гвен. - Так что же произошло? Она уволилась?

- Директор Йорк её уволил. Уволил её перед нами, - произнес Кристофер.

- Это было офигительно! - произнес Лайрд, широко улыбаясь. - Я имею в виду, это было так мило с его стороны. Извините.

- Все в порядке. Это наверняка было офигительно, - поддержала она его, улыбаясь его старомодному сленгу. Гвен сделала глоток чая. - Я рада, что директор её уволил.

- Она ушла, хлопнув дверью. Она так взбесилась, что, наверное, всех бы перестреляла из автомата, если бы могла. Она уехала в тот же день. Оставив все, - сказал Лайрд. - Взяла один лишь чемодан и уехала. Скатертью дорога!

- Было страшно, - продолжил Кристофер. - Она сказала, что намерена рассказать все моим родителям. Всем родителям школы.

- Мои родители уже знают, кто я, - признался Лайрд, опустив свой взгляд в кружку с горячим шоколадом. Он не сделал и глотка. - Они узнали это, когда мне было четырнадцать. И выгнали меня из дома.

- Они выгнали тебя?

Он кивнул.

- Какое-то время я жил у тети. Она была хуже моих родителей. Думала, что может переделать меня.

- Переделать тебя? - переспросила его Гвен.

- Она била его, - ответил Кристофер, и Лайрд отвел свой взгляд в угол кухни, избегая контакта с ними обоими. - Расскажи ей, что она делала, Лайрд.

- Это неважно, - сказал Лайрд.

- Расскажи ей. Она должна знать. - Кристофер посмотрел на Гвен, которая потянулась через весь стол и накрыла его руку своей.

Лайрд взглянул на Кристофера и кивнул. Она заметила, как эти двое могли общаться только при помощи жестов и взглядов. Теперь она поняла почему. Они были не просто лучшими друзьями. Они были любовниками.

- Тетя Лайрда заперла его в комнате вместе с... ну... с проституткой.

- Моя тетя заплатила ей, чтобы она сделала меня мужчиной, - произнес Лайрд. - И она была полна решимости отработать свои деньги.

Кристофер прошелся рукой вверх и вниз по своему запястью.

- Он разбил окно, чтобы сбежать. У него на руках были огромные шрамы от порезов стеклом. Они у него все ещё были, когда он начал учиться здесь.

- Боже мой, это ужасно, - произнесла Гвен со слезами на глазах.

- Поэтому мы стали друзьями, - продолжил Кристофер. - Я заметил повязку на его руке, когда он приехал. Я спросил, всё ли с ним в порядке.

У Гвен застрял ком в горле. Бедные мальчики. Из какого кошмарного отсталого мира они сюда попали? Крайне консервативные преподаватели? Нанять проститутку для совращения гея-подростка? В каком веке они жили? Слава Богу, здесь директор Эдвин, и он заботился об этих мальчиках. Кто-то же должен. Все остальные, казалось, от них отвернулись.

- Как ты попал сюда? - спросила она Лайрда, пытаясь вернуть его в реальность из воспоминаний о его тёмном прошлом. - В школу, я имею в виду.

- Моя тётя живет примерно в часе езды отсюда. Я слышал об этой школе от одного учителя и написал письмо Директору Йорку, в котором спросил, что я должен сделать, чтобы попасть сюда и получить стипендию. Он ответил и устроил все для меня. Когда я рассказал ему о том, что мои родители выгнали меня, он пообещал, что это место станет моим домом.

- Это объясняет, почему твое имя было в книге мисс Майр, но не в списке адресов.

- Нет адреса, - сказал он. - Я имею в виду, кроме этого места. Директор Йорк спас мою жизнь. Думаю, я бы покончил с собой, если бы остался со своей тетей еще хотя бы на один день.

- Я спросила у директора, что это за загадочная "Невеста". Он ничего не ответил. Не могу отрицать, что очень разозлилась на него за то, что держал это в секрете от меня. Так, может, кто-то из вас просветит меня?

- Не сердитесь на директора, - умолял Лайрд. - Он ни в чем не виноват. Я умолял его никому не рассказывать о нас с Крисом. Его родители сойдут с ума, если узнают. И он поклялся своей честью, как настоящий джентльмен, что будет хранить наш секрет до самой смерти и, даже, после неё.

- Но почему трюк с "Невестой"?

- Я на четвертом курсе. Кристофер на третьем. Мы спим в разных спальнях. Мне нужен был предлог, чтобы улизнуть. Если бы парни поймали меня, разгуливающим по ночам в этой одежде... - он указал на школьную форму, - они бы задались вопросом, зачем я выхожу. Но если я буду сбегать одетым как безумный призрак, они подумают, что я придумал очередной розыгрыш.

- Мы устраиваем розыгрыши, - поддержал Кристофер. - Все время.

- Если нас с Крисом застукают вместе ночью в странной одежде, мы скажем, что просто всех разыграли.

- К тому же, одежда принадлежит мисс Майер, - подметил Кристофер с озорной ухмылкой на лице. - Это, вроде как, весело-осквернять её одежду.

- Вы не думали рассказать другим мальчикам? - спросила она. - Они ваши одноклассники и друзья. Они могут вас удивить.

- Мы обсуждали это, - ответил Кристофер. - Возможно, они примут это, нас. Но они будут смотреть на нас по-другому. Я не хочу этого.

- И я тоже, - согласился с ним Лайрд. - Это школа для мальчиков. Я не хочу, чтобы кто-то подумал, что я... ну, вы понимаете...

- Что он тебя привлекает? - закончила за него Гвен.

- Да, - ответил Лайрд. - Только Крис. Я имею в виду, Директор Йорк тоже хорош, но он слишком стар для меня.

- И он уже занят, - произнесла Гвен, похлопав его по руке.

- Жадина, - сказал Лайрд и подмигнул ей.

Она крепко обняла мальчиков, приказала Лайрду прекратить навсегда спектакль с Невестой и отправила их спать. Если кто-то спросит их, где они были, Кристофер и Лайрд скажут, что помогали мисс Эшби переносить кое-что тяжелое.

Одна таинственная загадка разгадана. Остался один вопрос – что, черт возьми, случилось с её машиной? Она могла только догадываться. Кто-то взял её прокатиться? Они использовали её как мишень для обучения стрельбы из пушки? Она сама сделала это с машиной? Возможно? И всё же, она не могла поверить, что выжила после такого столкновения, отдавшись лишь маленьким порезом на голове.

Она побеспокоится о машине завтра. Сегодня вечером она чувствовала такое облегчение от того, что разгадала тайну "Невесты" и секрет мисс Майер, что хотелось плакать.

И она заплакала. Он не был негодяем. Он пообещал мальчикам хранить тайну об их отношениях до самой смерти и сдержал обещание. Он был благородным дураком, и за это она его обожала.

Она пойдет к нему завтра и извинится. Она пойдет и скажет ему, что должна была верить ему и теперь всегда будет. И она скажет ему, что он для неё герой, потому что заступился за Лайрда и Кристофера, и за то, что не осудил и не порицал их так, как это сделала мисс Майер. Она восхищалась им, потому что он из благородства мог пожертвовать своим сердцем, храня тайну двух напуганных влюбленных юношей. Она скажет ему, что любит его. Она понимала, что это безумие влюбиться по уши так быстро. Она никогда не совершала ничего безумного в своей жизни, пока не решилась приехать в эту школу. Эта единственная безумная вещь была самым лучшим решением всей её жизни, потому что привела её прямо к нему.

- Почему бы не сказать ему всё это в лицо? - спросила она сама себя, упираясь руками об умывальник.

Гвен не смогла придумать ни одного подходящего ответа. Она пригладила волосы, поправила одежду и направилась прямиком через кампус, глядывая вокруг, чтобы не было змеи. Но никакие змеи или львы, или тигры и медведи не смогли бы удержать её от Эдвина.

Она постучала в дверь директора, и он открыл мгновенье спустя.

- Я встретила "Невесту", - выговорила она, как только увидела лицо Эдвина.

- Так ты здесь, чтобы принести свои извинения? - спросил он с самодовольной улыбкой на лице.

- Нет.

- Тогда зачем, скажите на милость, Вы здесь, мисс Эшби?

- Сказать тебе, что люблю тебя.

Глава 17

Эдвин сделал глубокий вдох.

- Ты уверена? - спросил он. Он скрестил руки на груди. Так как было уже поздно, она ожидала, что он будет в халате и тапочках. Вместо этого она застала его полностью одетым. Костюм только без пиджака. Не беда. Немного больше работы для неё, когда она начнет срывать с него одежду.

- Я абсолютно в этом уверена. И буду первой, кто скажет, как безумно это звучит. Я пробыла здесь две недели. Но я влюбилась за две недели. И не только в тебя, но и в эту школу. Землю, здания, в мальчиков.

- В мальчиков?

- О, не в этом смысле, и ты знаешь об этом, - сказала она, смеясь. - Кристофер и Лайрд были сегодня в одной из башен. Не сложно было догадаться, чем они там занимались. У нас с ними был долгий разговор. Они рассказали мне как... - Гвен прервалась на полуслове. - Могу я войти внутрь и продолжить этот разговор с тобой? Или ты собираешься держать меня здесь, в коридоре?

- А ты будешь себя хорошо вести, если я впущу тебя? - спросил Эдвин, оглядывая ее с подозрением.

- Нет.

- Тогда ты можешь войти, - он сделал шаг в сторону и провел её внутрь. Она обрадовалась, когда дверь за ним закрылась и заперлась. Хорошо. Она в любом случае не хотела уходить.

Они присели лицом к лицу на кожаном диване.

- Итак, Лайрд и Кристофер рассказали мне, что произошло с мисс Майер. Она нашла записку, написанную Лайрдом для Кристофера.

- Не совсем обычную записку, - глаза Эдвина комично округлились.

- Страстное любовное послание, да?

- Откровенное, было бы более подходящим определение. Не уверен, что оправился после его прочтения.

Гвен рассмеялась.

- Подростки! Сплошные гормоны и мало ума.

- Тебя не беспокоят их отношения?

- Конечно, нет, - ответила Гвен. - Не будь глупцом. Сейчас не девятнадцатый век. И это не та ситуация, в которой надо беспокоиться о ранней беременности.

- Какое облегчение, - сказал Эдвин.

- Они сказали, что ты уволил мисс Майер прямо у них на глазах.

Эдвин сложил ладони между колен.

- Я осознаю, что это было неуместно, - сказал Эдвин с сожалением.

- Но её обвинения возмутили меня. Они - влюбленные мальчики, не нацисты или демоны. И у них были предшественники. Солдаты Древней Греции...

- Эдвин.

- Да, вернемся к нашей теме. мисс Майер повела себя так, словно сам дьявол явился в школу. Это абсурд, абсолютное безумие. И мальчики не заслужили слушать все это. Они ученики Маршала. Они заслужили наше уважение и поддержку. Я тотчас отоспал мисс Майер собирать вещи.

- Ты никогда не говорил в школе, что она была уволена?

Эдвин покачал головой и откинулся на спинку дивана.

- Я не мог. Это вызвало бы много вопросов среди учеников и сотрудников. Я пообещал мальчикам, что буду хранить их тайну до самой смерти и после неё. Я сказал, что мисс Майер покинула нас ради замужества. Что было не совсем ложью. Она была помолвлена с мужчиной из её церкви. Никто не просил объяснений.

- И затем появилась я.

- Это то, чему я очень благодарен, - Эдвин взглянул на неё и улыбнулся. - Я хотел рассказать тебе правду, Гвендолин. Я просто не мог. Надеюсь, ты понимаешь почему.

- Я понимаю, ты ужасно благородный человек.

- И ты прощаешь меня?

- Конечно, нет, - ответила она. - Я имею в виду, что ты поступил правильно. Это моя вина, что не поверила тебе. Теперь буду. Ты прощаешь меня?

- Нет, - ответил он и положил руку ей на колено. - Ты поступила правильно. На твоем месте, я был бы столь же подозрителен и обеспокоен благополучием учеников.

- Значит, мы оба были правы. Такого просто не может быть. Это место, должно быть, волшебное, - произнесла она, окинув взглядом комнату.

- Именно так я и чувствую себя с тех пор, как ты здесь появилась, - Эдвин дотронулся до её лица. Она сняла с него очки и положила их на стол.

- Может, пойдем сотворим волшебство в твоей спальне? - просила она, жар, исходящий от его ладони проник в ее кожу и распространился по всему телу.

Эдвин вздохнул и забрал руку с ее лица.

- В чем дело? Эдвин? - выпытывала Гвен, неожиданно испугавшись.

- Как бы сильно мне не хотелось этого, а я уверяю тебя, Гвендолин, я хочу этого. Мне кажется, что продолжать наши отношения будет плохим примером для школы. Благодаря твоему... энтузиазму в прошлую пятницу, они знают, что мы - любовники. Я не знаю, как мне научить их быть джентльменами, если у меня интрижка с одним из учителей без помолвки и каких-либо обязательств между нами.

Сердце Гвен ухнуло вниз.

- То есть ты хочешь сказать, что мы должны перестать видеться из-за твоего чрезмерно развитого чувства долга и благородства?

- Нет, - продолжил он и переместился с дивана на пол. Встав перед ней на колени, он взял её за руку и поднес её к губам. - Я говорю, что я почту за честь предложить тебе руку и сердце.

- О, Боже мой, - произнесла Гвен, ее глаза округлились, а внутри всё перевернулось. - Ты серьезно?

- Никогда в жизни я еще не был так серьезен. Я никогда не любил прежде. И появилась ты, и это произошло - я любим и люблю. Я молюсь, чтобы это никогда не закончилось. Когда мужчина видит в этом мире что-то хорошее, он должен чтить это и лелеять, и оберегать. Я смотрю на тебя и вижу кое-что доброе и прекрасное. Позволь мне почитать и баловать и защищать тебя. И любить тебя. Навсегда. Ты скажешь "Да"?

Гвен уставилась на него, переполненная радостью и страхом, шоком и желанием. Она потеряла дар речи, голос, способность мыслить. Ей понадобилась вся её мощь, чтобы собраться с силами и произнести одно единственное слово Эдвину в тот момент. Но в итоге она смогла и произнесла правильное слово.

- Да, - ответила она. И хотя она знала, что это было безумием - помолвка с тем, кого знаешь только две недели, "да" было правильным ответом, единственным, и другого не было. Но она знала, что здесь она на своем месте, ее место - в этой школе и рядом с Эдвином, навсегда.

Он достал кольцо из кармана, изысканный ободок, увенчанный блестящей белой жемчужиной. Он надел его ей на палец, и оно подошло ей, словно по волшебству было отлито для её руки.

Она обхватила руками слишком красивое лицо Эдвина и поцеловала его, будто от этого зависела её жизнь. И он целовал и целовал её в ответ.

- А теперь мы можем пойти в твою спальню? - спросила она.

- Тебе даже нет необходимости спрашивать. - Эдвин встал и притянул ее к себе, целуя ее всю дорогу до двери спальни. Она дотянулась до ручки. - Погоди.

- Подождать? - спросила Гвен.

- Ты ведь согласилась на мое предложение не для того, чтобы я занялся с тобой любовью?

- Нет, конечно, нет. Не полностью, во всяком случае. - Она улыбнулась ему.

Эдвин распахнул дверь и внес Гвен в спальню. Она присела на край и Эдвин встал перед ней. Он наклонился и снова поцеловал ее, как будто прошла целая вечность с тех пор, как она была в его спальне в последний раз, а не просто несколько дней. Это казалось вечностью. Больше она не пропустит ни одной ночи, не разделив постель с Эдвином. Никогда, если это будет зависеть от неё.

Эдвин резко расстегнул её блузку, и вскоре та оказалась на полу. Гвен сняла свой бюстгальтер и отбросила его в сторону. Он положил её на спину и снянул ее юбку и трусики. Вскоре Гвен лежала полностью обнаженной поперек самой желанной кровати. Он подполз к ней и расположился у нее между ног.

Она наблюдала за тем, как он снимал жилет и рубашку. Почему каждый мужчина на земле не носит костюм-тройку? Потому что, все женщины мира были бы не в состоянии здраво мыслить, вот почему. Она должна запретить Эдвину появляться на её занятиях, чтобы она могла сконцентрироваться на лекциях, не представляя себе, как она откусывает эти пуговицы от его жилетки и целует каждый сантиметр его мускулистой груди с идеальным количеством волос на ней. Он смотрел на её тело с благоговейным желанием и нескрываемым голодом. Он обхватил ее груди руками, и она выгнула спину, предлагая себя ему. Он массировал ее груди и соски. Дразнил их. Растирал их. Вскоре она задыхалась от желания и, практически, была готова умолять.

- Пожалуйста, Эдвин...

- Позволь мне насладиться, - произнес он. - Я не хочу спешить со своей будущей женой.

Она улыбнулась ему. Как она могла возразить ему? Это был их первый раз как помолвленной пары. Она чувствовала особенность этого момента. Нет, им не стоит спешить. Она навсегда сохранит воспоминания об этой ночи.

Эдвин проводил руками вверх и вниз по ее телу, от бедер до груди и снова обратно. Он касался всех ее изгибов... её бедер, их внутренней стороны, ее узкой талии, полных грудей и плеч. Она изнывала от желания быть заполненной им, он был таким твердым и длинным, но Гвен прикусила язык, сдерживая свои мольбы. Она будет его, когда он того пожелает. И не раньше.

Держа руки по обе стороны ее головы, он приблизился к ней и оставил на ее губах легкий поцелуй, его губы дразнили её. Она приподнялась углубить поцелуй, но он отстранился. Застонав, она снова легла на спину, и он рассмеялся.

- Будь умницей, - сказал он.

- Ты всегда главный, да? - спросила она.

- Я - директор. Я здесь главный.

Затем он доказал, насколько действительно он был главным, припечатывая её глубоким собственническим поцелуем. Его язык исследовал ее губы. Она не могла насытиться его вкусом - привкус вина, немного чая и его свежий мужской запах - кедровое мыло и благородные намерения.

Она подняла руки к его плечам, ей необходимо было чувствовать жар его тела. Его мышцы напряглись от ее касаний. Каждый сантиметр его тела был тверд как гранит. Он целовал её от губ и до сосков. Он кружил языком вокруг них, посасывал их и дразнил их. Волна желания прокатилась сквозь ее груди и послала импульс к её внутренним мышцам, которые сжимались и сокращались от возбуждения.

- С тобой я чувствую себя необыкновенно, - произнесла она, в то время, как Эдвин проводил вверх и вниз руками вдоль внутренней стороны её бёдер.

- Ты прекрасна. Я никогда не видел столь красивой женщины. Здесь, - сказал он, коснувшись ее лица внешней стороной ладони. - И здесь, он провел рукой по её плечам и груди. - И здесь, - продолжал он, накрыв рукой её жар и погружая два пальца в её влажность.

Гвен ахнула от неожиданного вторжения. Она нуждалась в этом, он должен быть внутри неё. Ее мышцы сжимались вокруг него, пока он ее исследовал. Несмотря на то, что её дыхание сбилось, он остановился и уделил этой части особенное внимание. Она чувствовала себя такой открытой, такой готовой для него, готовой быть заполненной им.

- Эдвин, пожалуйста, - снова взмолилась она. - Ты нужен мне внутри.

Он нежно засмеялся.

- Не в моих правилах отказывать леди в такой скромной просьбе.

Он расстегнул брюки и высвободил себя. Она наблюдала с ещё большим желанием, как он себя трогает. Ей нравилось смотреть, как он себя ласкает. Ещё больше, она любила вид того, как она его ласкает. Она дотянулась рукой между бедер и взяла его в руку, направляя его в себя. С мучительной медлительностью он входил в нее дюйм за дюймом. Она покрыла его своей влагой, приподнимая бедра, чтобы принять его как можно глубже. Он идеально заполнил ее, растягивая и раскрывая ее влажные стенки, она дрожала от невероятного удовольствия от того, как он проникает в неё до самого центра.

- Эдвин... - её дыхание стало тяжелым, по мере того, как он двигался. Он выходил из неё полностью, прежде чем войти в неё снова жестким размеренным толчком. Его движения были сдержанными, что только увеличивало напряжение. Она хотела, чтобы он растворился в ней, потерял контроль. Но он оставался серьезным и спокойным, нависая над ней, только его бедра двигались, задавая темп и заставляя её ждать.

В эту игру могли играть двое. Она провела руками вдоль его рук и по груди, поцеловала его ключицу, прикусила шею. Она обвила ногами его спину и шептала ему о своей любви и страсти, и о всех тех вещах, которые она мечтала они будут делать в этой кровати. Он стал двигаться жестче и быстрее. Он обхватил ее за голову, обнажая ее шею для поцелуя. Он с жадностью целовал её горло, а она в ответ стонала, терзаемая желанием. Ее бедра качались напротив его. Она хотела кончить, ей необходимо было кончить. И она кончила с закрытыми глазами, впившись пальцами в его плечи. Оргазм пронзил ее тело, а когда он стих, она обессирила под ним. В конце концов, Эдвин потерял остатки своего контроля, вбиваясь в нее быстрыми неистовыми толчками, прежде чем кончить, дрожа в её руках.

Эдвин вышел из неё и лег на бок. Притянув Гвен к себе, он положил руку поверх ее живота.

- Милостивый Боже, - произнес он.

- У меня такие же чувства, - Гвен захихикала. – Так будет всегда, да? Ты и я?

- Да, - ответил он, это прозвучало странным образом грустно. - Ничего не изменится. Совершенно ничего.

Она улыбнулась, глядя на красный балдахин.

- Хорошо, - она вновь рассмеялась.

- Что вас так развеселило, мисс Эшби? - спросил он у неё.

- Я помолвлена с мужчиной, которого я знаю всего лишь две недели, который является директором школы, где я работаю. Школа для мальчиков в глухи, без интернета, без мобильной связи, без компьютеров... Эдвин, обычно я такая разумная.

- Что произошло?

- Я пришла в себя.

Глава 18

Гвен снова проснулась в темноте. В слабом утреннем свете, просочившемся сквозь витражи, она приподняла руку и рассматривала кольцо на пальце.

Оно было настоящим. Это был не сон. Каждый раз она просыпалась с тревожным чувством, что время, проведенное в Маршале - сон. Прекрасный, чудесный осенний сон. Но вот оно - серебряное кольцо с жемчужиной. Представляла ли она когда-нибудь, что ее обручальным кольцом будет именно это, такое простое и такое элегантное. И ни одного бриллианта в поле зрения. Однажды, она читала о детях, которых заставляли работать на алмазных шахтах в Африке, как рабов. Ей не надо бриллиантов. Откуда Эдвин узнал, что это кольцо её мечты?

Потому что это Эдвин и он ее знает. И поскольку, он её знает, он знает, что она ускользнет назад к себе в дом, готовиться к урокам. Она поцеловала его спящие губы и вытащила себя из его кровати. Этим утром было легко уходить, потому что она знала, что вернется в его постель сегодня вечером, и все следующие вечера. Она быстро оделась и выскользнула в прекрасный сентябрьский рассвет.

Чувство умиротворения охватило Гвен. Все было идеально. Даже слишком идеально. Она знала, что не должна подвергать сомнению милостиво дарованные подарки судьбы, но оставшаяся часть от прошлой чувствительной Гвен, заставила задуматься, почему все было таким... совершенно... идеальным...

Сделав шаг, Гвен остановилась. Посреди кампуса в тумане раннего утра стояла женщина. Пожилая женщина с поседевшими волосами и лицом, на котором целая жизнь оставила свой отпечаток в виде морщин.

- Мэм? - позвала Гвен, приближаясь к женщине. Та, похоже, её не слышала.

Она позвала её снова. И снова пожилая дама лишь смотрела на кампус. Она смотрела на него и в то же время через него.

- Могу я вам помочь? - поинтересовалась Гвен, встав прямо перед женщиной.

- Бабуля? Ты куда пошла? - послышался голос молодого человека у входа во внутренний двор. Он подбежал к пожилой женщине, но лишь мельком взглянул на Гвен.

- Я здесь, Райан, - ответила старушка.

- Ты забрела далеко. Напугала меня до смерти. - Райану было около двадцати, не многим старше учеников Гвен.

- До смерти? - повторила пожилая женщина с грустной улыбкой на лице. - Ты еще ребенок, Райан. Что ты знаешь о смерти?

- Бабуля, давай уйдем. Ты увидела школу. Нам надо идти.

Она замотала головой. Гвен помахала рукой у нее перед глазами. Она даже не моргнула. Райан, ее внук, так же ее не замечал.

- Это не школа, - произнесла женщина в ответ. - Это могила.

Гвен вздрогнула от слова "могила". Кто была эта сумасшедшая женщина?

- Ты знаешь, о чем я, - сказал молодой человек по имени Райан. - Это была школа. Ты её увидела. Пошли.

- Я была здесь учителем, - продолжала старушка. - Много лет назад.

- Я знаю, - согласился Райан. - Ты мне рассказывала.

- Я ничего тебе не рассказывала, - сказала она.

Гвен подняла вопросительно бровь.

- Вы мисс Майер? - спросила она. Женщина не ответила.

- Я преподавала здесь литературу, - произнесла она. - С 1961 по 1964 год. Я помню, это был 1964-й. Это год, когда появилась Мэри Поппинс.

- 1964-й? - повторила Гвен.

- Гвендолин?

Гвен повернулась и увидела Эдвина, стоящего в десяти шагах от неё в своем костюме-тройке и очках.

- Эдвин, что происходит? - спросила она, еще больше напуганная, чем при виде "Невесты".

- Я хотел рассказать тебе, - говорил он с выражением глубокого сожаления.

- Позволь мне рассказать тебе о смерти, - сказала пожилая женщина. - Гвен развернулась назад к ней от Эдвина. - Я была образованной женщиной. Но я была дурой. Я любила это место. Любила эту школу. А ее директор был добрым благородным человеком. Эдвин Йорк. Мы все называли его Директор Йорк, из уважения.

- Я уверен, он тоже уважал тебя, бабуля.

- Когда-то - да. Но затем, я потеряла его уважение. В школе были два мальчика. Эти мальчики... они любили друг друга. Я узнала об их любви. Я... - старушка поднесла ко рту костлявую руку. - Я рассказала директору о том, что узнала. Я считала, что это грех. Самый страшный грех.

- Это был 1964 год, - сказал Райан. - Тогда все считали это грехом.

- Только не Директор Йорк. Он защищал мальчиков. Он уволил меня прямо на глазах у ребят. Он был прав, что сделал это.

- Я уверен, он простил тебя.

Старушка закачала головой. Гвен слушала в ужасе. Райан сказал 1964-й? Нет... этого не может быть.

- Он уволил меня, но я отомстила. Я думала, я поступаю правильно. Я написала письма родителям о школе, о том, чему Директор Йорк позволяет происходить у него на глазах. Мальчики, совершающие греховные поступки с другими мальчиками. Я сказала им забрать своих детей из этой школы, если они беспокоятся об участии их душ.

- Бабуля... - Райан, казалось, был в ужасе. Гвен разделила его шок.

- Они приехали, родители приехали. Родители Кристофера были первыми. Они приехали ночью, спустя пару дней после того, как я отправила первое письмо. Они приехали и вытащили Кристофера из его кровати и пытались дотащить его от школы до их машины. Он сопротивлялся. В процессе борьбы...

Старушка накрыла лицо обеими ладонями. Она сделала глубокий судорожный вздох.

- В процессе борьбы кто-то опрокинул масляную лампу. Ковер загорелся и быстро перескочил на занавески. Вскоре все общежитие было охвачено пламенем. Мальчики спали. Но они проснулись и выбегали, спасаясь от смерти.

- Это хорошо, да? - поинтересовался Райан.

Пожилая женщина покачала головой. Гвен посмотрела через плечо. На лужайке, в лучах восходящего солнца, Эдвин больше не был один. Ученики, все до последнего, прильнули к нему, Эдвин посередине, пятнадцать мальчиков по обе стороны от него.

- Мальчик по имени Сэмюэль оказался в ловушке внутри школы. Директор Йорек побежал спасать его. Кристофер и Лайрд последовали за ним в огонь. А затем... часть крыши рухнула. И огонь перекинулся на следующее общежитие - Пембруок. Все ученики ринулись в горящие здания, пытаясь спасти своего директора и других учеников.

Гвен поднесла руки к лицу, и её взгляд метался от пожилой женщины к Эдину, который стоял молча и серьезно в утреннем свете. Мальчики смотрели на пожилую даму. Они видели ее. Она их - нет.

- Директор Йорк слишком хорошо обучил их урокам преданности и братства. Это был девиз школы, Райан. Латинский.

- *Fortius quam fraternitas nullum est vinculum*, - произнес Эдвин, его командный голос звучал решительно, как у капитана корабля.

- Нет уз крепче, чем братство, - произнесли мальчики хором. Старушка их не слышала. Только Гвен.

Пожилая женщина процитировала это тихо для себя. Гвен проговаривала вместе с ней.

- А затем крыша обрушилась полностью. И Директор Йорк со всеми учениками оказались заперты внутри.

- О, мой Бог, - произнес Райан, держась за живот, словно ему сейчас станет плохо.

- Они все погибли, - сказала женщина. - Погибли вместе.

- *Fidus ultra finem*, - произнес Эдвин.

- Верность до гроба, - произнесли в ответ мальчики.

- Пятьдесят лет назад... - пожилая дама посмотрела на своего внука. - Здесь на кампусе мистер Прайс и мистер Рейнольдс погибли от удушья угларным газом. А остальные мальчики сгорели заживо, обгорели до неузнаваемости. Опознать смогли только Сэмюэля. Директор Йорк защитил его от огня как мог. И они смогли опознать Кристофера. Мы думаем, это Лайрд накрыл его тело своим, чтобы защитить от огня. Тридцать три смерти. И все по моей вине.

- Бабуля, но ты же не могла это предвидеть.

- Нет. Но это случилось, и эти прекрасные мальчики и их директор и учителя все мертвые. Директору Йорку исполнилось бы девяносто лет в этом году, если бы он выжил. Мой одногодка.

- Пошли, бабуля, - сказал Райан, осторожно беря ее под руку. - Нам пора.

- Ты знаешь, они все похоронены здесь. - Она указала на кампус. Гвен проследила за её пальцем и увидела, что всех зданий Маршала больше нет. Только голое поле поприветствовало её. Голый пустырь и тридцать три креста на нем.

- Родители похоронили своих сыновей вместе. Они погибли вместе, пытаясь спасти друг друга. И похоронены тоже должны быть вместе. Вместе навсегда.

Слеза пролилась из глаз Райана и скатилась по щеке.

- Я тоже хочу, чтобы меня похоронили здесь, - сказала она.

- Бабуля не говори так.

Пожилая дама покачала головой.

- Но я не заслуживаю быть похороненной здесь. Пятьдесят лет я молила о прощении. Я просила Бога каким-то образом исправить то, что я сотворила. Я даже наполовину верила, что если ты привезешь меня сюда, то я снова увижу стоящие здания здесь. Хоуквуд Холл - вот где я проводила свои уроки. Директор жил на пятом этаже. А прямо там был коттедж, - она указала на дом Гвен. - Я там жила. Видишь те участки земли, где нет травы? Там и находились два общежития... Пемброук и Ньюбери... рядышком.

Гвен бесшумно плакала, боясь пропустить каждое слово пожилой женщины.

- Я молила Господа, чтобы он вернул школу, и мальчиков, и Директора Йорка. И чтобы они были вместе. Эти мальчики... эта школа была для них раem. И я молилась, чтобы на мое место пришла учительница и не совершила моих ошибок, не была такой глупой, как я. И она любила бы и заботилась о мальчиках, и о Директоре Йорке. Вот о чем я молилась.

- Я уверен, они все попали в рай, - произнес Райан и коснулся руки бабушки.

- Но я туда не попаду, - сказала пожилая дама. - Я попаду в ад за то, что сделала. Я сгорю, как и они. Только мой огонь будет вечным.

Гвен глубоко вздохнула и снова почувствовала запах дыма. Он доносился не от обломков сгоревших зданий или выжженной травы, или даже из прошлого. Он шел от старушки, от мисс Майер.

- Прости меня, Эдвин, - произнесла женщина. - Прости меня.

- Я прощаю тебя, - ответил ей Эдвин. Но пожилая женщина их не слышала. - Мы все прощаем тебя.

- Отвези меня домой, - попросила старушка внука. - Мне не стоило сюда приезжать. Я не принадлежу этому месту. И никогда не подходила.

Райан взял свою бабушку за руку и попытался вывести её отсюда. Гвен сделала шаг, намереваясь последовать за ней.

- Гвендолин, ты можешь уйти, - окликнул её Эдвин. Она повернулась и встретилась с ним взглядом. - Ты можешь уйти, но если уйдешь - назад пути нет.

- А если я останусь? - спросила она.

- Тогда ты останешься здесь навсегда. Так же, как и мы, будешь как мы.

Прошлой ночью, лежа рядом с ним в его кровати, она просила его пообещать, что ничего не изменится, что всегда будет так чудесно, так страстно, так хорошо. Глупый романтический вопрос, вопрос, который все задают, когда впервые влюбляются. Ответ был бы отрицательным. Конечно, не всегда будет так. Они станут старше, мудрее, сблизятся еще больше. Страсть будет вспыхивать и угасать. И затем, однажды, это закончится. Это все закончится, потому что никто не живет вечно.

Но Эдвин был уже мертв. Он был мертв уже несколько десятилетий.

- Так странно, - прошептала старушка. Гвен повернулась к ней. - Прошлой ночью у меня был такой ясный сон. Мне приснилось, что я вернулась сюда, и школа все еще была здесь, и она выглядела как пятьдесят лет назад. Мальчики все были здесь - Кристофер и Лайрд, Джейфферсон, Сэмюэль, Эллиот... все мои милые молодые люди. И Директор Йорк был здесь. И девушка. Они украшали всю школу белым для свадьбы. Я думала, это моя свадьба. Но это не так. Я даже не была гостем на свадьбе. Они не хотят меня здесь...

- Мы уезжаем, бабуля. Тебе надо поесть, принять лекарство. - Райан пытался провести её к выходу.

- Они построили заново школу, Райан. Но это уже была не моя Школа Маршала. В пяти милях отсюда - новая школа. Они назвали её Школой Маршала. Она не такая же. Совсем не такая...

Пожилая леди и ее внук ушли, пройдя под аркой. Гвен дотронулась до лица и ощутила, что оно влажное от слез. Она посмотрела назад и увидела, что крестов больше нет, и могил. Но мальчики все еще стояли в ряд, Эдвин посередине.

- У меня не было возможности рассказать тебе, - произнес Эдвин. - Прости меня. Она подняла руку, чтобы он замолчал.

Теперь все обрело смысл. Официантка в закусочной... Школа Маршала, новая школа набирала учителей, не Академия Маршала. И потом официантка дала пожилому мужчине дополнительно салфеток... она знала, что он будет плакать, так же, как дедушка Кристофера, когда тот приезжал к нему. Нет. Пожилой мужчина, гуляющий с Кристофером - это был не его дедушка. Это был его отец, почтить пятидесятилетнюю годовщину школы, сгоревшей дотла, годовщина со дня, когда он убил своего сына, пытаясь спасти его от его грехов. Никаких компьютеров. Никаких телефонов. Шок от развода Эдвина. Кристофер и Лайдр, с ужасом боящиеся быть раскрытыми. Кристофер сказал, что банки не работают по субботам. Сейчас работают, но не в 1964 году. Конечно...

Запах дыма.

Теперь, когда пожилая женщина ушла, запах дыма исчез из ноздрей Гвен, и все, что она чувствовала - это трава, покрытая росой у нее под ногами, теплый и живой лес. Хотя все её мальчики...

- Мои милые мальчики, - произнесла она, глядя на их лица, застрявшие во времени, в период их юности. Каким-то образом, молитвы мисс Майер были услышаны. Школа жила. Мальчики жили. Директор жил. - Мои ангелы...

Все они погибли пятьдесят лет назад, и все же они были здесь, и здесь и останутся. Желание мисс Майер было исполнено, школа воссталла из пепла, а мальчики из могил. Здесь была школа, мальчики, директор... а мисс Майер даже не могла этого всего увидеть, и никогда не сможет. Её молитвы были услышаны, но она никогда этого не узнает. Их рай был её адом.

А что насчет Гвен?

Она посмотрела мимо пожилой женщиной, которая когда-то была мисс Майер, и увидела свою машину. Обломки своей машины. Помятые, обгоревшие обломки...

- Гвендолин? - она услышала голос, зовущий её. Не Эдвин. Не мальчики. Она никогда не слышала раньше этот голос. Ее веки задрожали. Она моргала снова и снова. Вспышка белого света. Она зажмурила глаза и открыла их снова. Она лежала на больничной кровати, и над ней стоял мужчина в медицинской форме и халате.

- Гвендолин Эшби. Вы меня слышите? Вы находитесь в больнице. Вы попали в автомобильную аварию и были без сознания. Кивните, если вы меня поняли.

Гвен снова закрыла глаза, а когда открыла их - была снова в Маршале, снова вместе с Эдвином.

- Эдвин? - позвала она, её голос дрожал от страха и смятения.

- Ты можешь вернуться, если желаешь, - пояснил Эдвин Гвен. - Или ты можешь остаться и...

Ему не нужно было заканчивать предложение. Если она останется - все будет так, как он обещал - навсегда так. Дни сольются один в другой, наполненные книгами и смехом, и учебой. Ночи будут всегда такими, как прошлые. Жаркими, страстными, ненасытными. Каждая ночь, словно последняя. Новая любовь навсегда.

Старый мир был там, ждал её. Она могла проснуться и присоединиться к нему. Но если она уйдет, она не сможет вернуться. Дверь, через которую она вошла, закроется, и она никогда не сможет уйти. Она знала, что, так или иначе, она забудет это утро и визит мисс Майер, как забывается сон на утро. Мальчики забудут. Эдвин забудет. Это будет её жизнь навсегда, и её жизнь будет...

- Идеальной, - прошептала она.

Она подошла к Эдвину. Тридцать пар глаз наблюдали за ней.

- Мальчики, - произнесла она. - Не смотрите.

Мальчики прикрыли глаза обеими руками.

Она положила руку Эдвину на шею и притянула его к себе для долгого крепкого поцелуя.

Тридцать мальчиков охали и свистели, прежде чем рассмеялись, смущаясь, как подростки. Позади них сквозь утренний туман раздался звонок и первое пятиминутное предупреждение.

- Мальчики, - сказал Эдвин строго, отрываясь от поцелуя. - В класс. Сейчас же.

Мальчики, все с настороженными улыбками на лицах, даже не шелохнулись.

Глупые мальчишки. Они не знали, что она будет изучать с ними "Сон в летнюю ночь" сегодня? Конечно же, они жаждали с нетерпением это обсудить.

Она поцеловала Эдвина ещё раз и направилась в Хоуквуд Холл.

- Вы слышали директора, - сказала Гвен и хлопнула в ладоши, привлекая их внимание. - Идите в класс.

Где-то на затворках сознания, она слышала звук сердцебиения прямой линии на мониторе.

Гвен проигнорировала его и вернулась к работе.

Конец